

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ СОТРУДНИКОВ
КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»

Под редакцией В.А. Божанова, Д.Н. Хромченко

Минск
БНТУ
2014

УДК 378.62(476)(091)(082)

ББК 74.58я5

С23

Рецензенты:

директор Центра системных исследований проблем молодежи
экономического факультета Белорусского государственного университета,
д-р пед. наук, профессор *Л.И. Шумская*;
старший научный сотрудник Института истории Национальной академии
наук Беларуси, канд. ист. наук, доцент *М.М. Смольянинов*

Сборник статей коллектива авторов, преподавателей кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ раскрывает вопросы, связанные с проблемами истории и культуры Беларуси.

Издание адресуетя широкому кругу читателей, студентам и преподавателям.

ISBN 978-985-550-331-7

© Белорусский национальный
технический университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Арбузаў А.Ц., Лойка Т.В.</i>	
Беларускі куток на Украіне: мінулае і сучаснасць	7
<i>Арбузаў А.Ц.</i>	
Першапраходзец гісторыі Беларусі.....	14
<i>Багалеіша С.В.</i>	
План стварэння беларуска-літоўскіх вайсковых фарміраванняў і іх дзейнасць у 1918–1923 гг.	33
<i>Багдановіч А.І.</i>	
Да пытання аб дзейнасці езуітаў па ўкараненню тэакратычнага камунізму ў сацыяльную практыку.....	44
<i>Багдановіч А.Г.</i>	
Нацыянальна-дзяржаўнае пытанне ў праграмных дакументах Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (1917–1939 гг.)	53
<i>Дубовік А.А.</i>	
Стварэнне і дзейнасць інстытуцыйных органаў сацыяльнага партнёрства ў Рэспубліцы Беларусь у 1990-я гг.....	62
<i>Лойка Т.В.</i>	
Міхаіл Забейда-Суміцкі – славуты беларускі спявак.....	73
<i>Божанов В.А.</i>	
Заселение Беларуси человеком	79
<i>Семёнова Л.Н.</i>	
История Беларуси в системе теоретических координат	90
<i>Давидович А.В.</i>	
Белорусские музеи в 1920–1960 гг.....	110
<i>Кедрик Т.В.</i>	
«Дожинки» как фактор трансформации культурных ландшафтов белорусских городов	122
<i>Киселева С.А., Логовая Е.С.</i>	
«Тело» и «Душа» как варианты человеческого бытия: культурологический анализ.....	131
<i>Лепеш О.В.</i>	
Конфессиональная политика Российского правительства на территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины в 30–40-х гг. XIX в.	144

<i>Млечко Е.Н.</i>	
Гендерный подход и конструктивистская педагогика: новые стратегии в образовании.....	154
<i>Стрелец М.В.</i>	
Серьезный вклад в исследование истории социальной политики	163
<i>Хромченко Д.Н.</i>	
К вопросу о сроках и характере белорусизации в БССР в 1920–1930-е гг.	169
<i>Щавлинский Н.Б.</i>	
Белорусская периодическая печать и книгоиздательство в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.).....	179
<i>Шибалко В.В.</i>	
Социально-экономическая характеристика населения Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв.	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных трудов сотрудников кафедры «История, мировая и отечественная культура» является одним из важных свидетельств научной состоятельности коллектива, и, соответственно, научной обоснованности учебного процесса. На кафедру возложена обязанность преподавать три предмета: историю Беларуси, историю мировой культуры и историю Великой Отечественной войны. В связи с этим выпускаемые сборники статей не имеют жёсткой тематической направленности, каждый преподаватель имеет возможность представить своим коллегам и всем читателям свои научные разработки. При этом редакторы предъявляют к авторам определенные требования: статьи не должны выходить за рамки преподаваемых учебных дисциплин и научных интересов преподавателей, тексты должны содержать развернутую позицию авторов, новизну, выявлять малоизученные или дискуссионные проблемы, опираться на документы и широкую источниковедческую базу, излагаться логично и быть доступными для широкого круга читателей. Анализ вышедших предыдущих трех сборников показывает, что, как правило, эти требования выдерживаются, хотя, естественно, есть и над чем работать.

Нынешний сборник содержит 18 статей. Следует обратить внимание читателей на статьи Боголейши С.В., Лепеш О.В., Богданович А.Г., Щавлинского Н.Б., Шибалко В.В., которые на большом архивном материале, а также в сопоставлении различных исторических фактов и событий, отраженных, в основном, в учебной литературе, выявляют их противоречивость, несовпадения, разночтения и пытаются таким образом определить максимальную достоверность исторического процесса.

Весьма актуальной проблемой в истории Беларуси является научная разработка методологии этапов исторического развития. Семенова Л.Н. предоставляет читателям возможность взглянуть на известное с классических позиций и новых концептуальных подходов. Статья вызывает любопытство, размышления, в том числе, и необходимость дискуссий.

В сборнике уделяется внимание значимым персоналиям исторического прошлого нашей страны и проблемам истории и философии культуры. Эксклюзивной здесь представляется статья Кедрик Т.В. о

трансформации культурных ландшафтов белорусских городов в связи с проведением «Дожинок».

Редакторы сборника обращаются к читателям, которые имеют интересные, научно значимые и оригинальные исследования в указанных отраслях науки и методологии учебного процесса, с приглашением к творческому сотрудничеству в рамках выпускаемых кафедрой сборников научных статей.

Профессор Божанов В.А.,
доцент Хромченко Д.Н.

БЕЛАРУСКІ КУТОК НА УКРАІНЕ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

Арбузаў А.Ц., кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Лойка Т.В., кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Не згубілася ў вяках, не згінула на крутых паваротах гісторыі беларускае семя на ўкраінскай зямлі. Працягваюцца сувязі жыхароў двух раённых цэнтраў на Дняпры – горада Дуброўна Віцебскай вобласці і горада Днепропятроўска на Украіне. У студзені 2012 г. старшыня Днепропятроўскага раённага Савета Валянціна Прыймачэнка і старшыня Дубровенскага райвыканкама Анатоль Лукашоў падпісалі пагадненне аб супрацоўніцтве ў галіне бізнэсу, культуры і самакіравання [1, с. 5].

Беларускую дэлегацыю прыняў выконваючы абавязкі старшыні Днепропятроўскага абласнога Савета А. Адамскі, а каля будынка Сельскага Савета гасцей сустракалі мясцовыя жыхары сяла Сурска-Літоўскага. Юнакі і дзяўчаты ў прыгожых нацыянальных касцюмах, пад бой барабанаў і музыку цёпла віталі беларусаў як сваіх братоў, сустракалі з хлебам-соллю, падарункамі. Старшыня сельскага Савета Р. Андрэў арганізаваў для членаў дэлегацыі знаёмства з сялом, яго мінулым і сучаснасцю. Беларусы пабывалі ў сярэдняй школе, дзе да Вялікай Айчыннай вайны выкладанне вялося на беларускай мове, пазнаёміліся з экспазіцыяй мясцовага школьнага краязнаўчага музея. Як жа здарылася, што беларусы з г. Дуброўна апынуліся на Украіне, каб “навестить родные места”?

Лёсавызначальныя падзеі для беларусаў пачаліся пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай, калі ў 1772 г. да Расійскай імперыі была далучана ўсходняя частка беларускіх зямель, а на ўкраінскай зямлі па Указу Кацярыны II у 1776 г. быў заснаваны горад, які з 1787 г. пачаў называцца ў яе гонар Екацярынаслаў-Кільчэўскі [2, с. 2]. Пазней, у 1794 г., у гэты горад былі пераселены беларускія працаўнікі разам з Дубровенскай суконнай фабрыкай. Так дубровенцы апынуліся на днепрапятроўскай зямлі [3, с. 152].

Паўднёваму напрамку сваёй палітыкі царскі ўрад надаваў асаблівую ўвагу. Там для аховы межаў будаваліся крэпасці, а таксама буйныя прамыслова-гаспадарчыя цэнтры. У ліку адных з першых і быў пабудаваны горад Екацярынаслаў (зараз Днепропятроўск). Падарожнічаючы па поўдню краіны, Кацярына II

у пышняй абстаноўцы заклала горад свайго імя, які праз кароткі час стаў буйным прамысловым цэнтрам. У 1790 г. па волі Р.А. Пацёмкіна ў горадзе былі закладзены падмуркі трох капітальных каменных карпусоў першай суконнай фабрыкі.

На першы погляд можа здацца дзіўным, але на самой справе першая ў Расіі суконная мануфактура пад назвай Екацярынаслаўская працавала не на Украіне, а ў Беларусі ў 1786 – 1794 гг. у мястэчку Дуброўна Магілёўскай губерні (зараз горад Дуброўна Віцебскай вобласці). Раней Дубровенская суконная мануфактура, як і гадзіннікаявая, і пазументная, належала графу Р.А. Пацёмкіну. У 1791 г. ён памёр і яго прадпрыемствы Кацярына II выкупіла ў дзяржаўную казну, а ў хуткім часе яны былі вывезены ў Екацярынаслаў і Віцебск. Адначасова ў сяле Купаўне пад Масквой функцыяніравала другая Екацярынаслаўская мануфактура – шаўковапанчошная.

Екацярынаслаў, як і іншыя прамысловыя ўскраіны імперыі, забяспечваўся рабочай сілай у асноўным за кошт цэнтральных губерняў, асабліва беларускіх, жыхары якіх адносіліся да ліку ненадзейных. Яны часцей за іншых браліся за зброю, каб аднавіць сваю гаспадарку, сваю дзяржаву Вялікае княства Літоўскае. І калі б краіны заносіліся ў Кнігу Гінеса, то Беларусь была б там першай, бо на працягу толькі аднаго сямідзесяцігоддзя з 1794 па 1864 гг. беларусы чатыры разы браліся за зброю, каб дамагчыся незалежнасці: у 1794 г. – у час паўстання пад кіраўніцтвам генерала Т. Касцюшкі ў Польшчы і палкоўніка Я. Ясінскага ў ВКЛ; у 1812 г. – паверыўшы абяцанням Напалеона аднавіць ВКЛ і часткова падтрымаўшы чужынца, затым у 1830-1831 гг. – зноў паўстанне за аднаўленне дзяржавы; у 1863-1864 гг. – у час паўстання пад кіраўніцтвам К. Каліноўскага, але безвынікова.

Можна выказаць здагадку, што і аршанцы, і дубровенцы падтрымалі паўстанне і імкненні Я. Ясінскага аднавіць ВКЛ і тым самым пазбавіцца ад няволі маскоўскіх чужынцаў. Менавіта тады, у 1794 г. суконная Дубровенская, на якой працавалі 300 чалавек прыгонных сялян, разам з шаўковапанчошнай Маскоўскай мануфактурай былі перавезены на ўкраінскую зямлю і размешчаны ў карпусах Екацярынаслаўскай фабрыкі. Магілёўскі губернатар Вязміцінаў паведаміў графу Зубаву, што сялянскія сем'і Дубровенскай суконнай фабрыкі “из прежних своих жилищ в

Екатеринославль отправлены” [6, с. 79]. Разам з абсталяваннем з Беларусі і Падмаскоўя былі прымусова пераселены сотні і сотні ткачоў, падручных, часальшчыкаў воўны і іншых прыгонных умельцаў. У першыя гады заснавання паселішча перасяленцаў не мела афіцыйнай назвы, але ўжо ў 1798 г. у дакументах згадваецца як казённая вёска Дубровенская, або, інакш, Слабада Сурская.

У сувязі з перавозам суконнай мануфактуры на Украіну эканамічнае і сацыяльна-бытавое развіццё мястэчка Дуброўна прыйшло ў заняпад. Услед за суконнай у 1794 г. у Віцебск былі перавезены гадзіннікавая мануфактура, а затым і піярская школа. Значна пагоршыліся ўмовы пражывання і нават умовы навучання ў прыватных дубровенскіх пансіёнах [3, с. 152]. Так ажыццяўлялася ў Расійскай імперыі “нацыянальная палітыка”. Назіралася толькі спецыфіка адміністрацыйных або мясцовых патрабаванняў, якія дапамагалі царскаму ўраду, абспіраючыся на пануючую рускую нацыю, уцягнуць нярускае насельніцтва рэгіёнаў у імперскае жыццё.

Як жа абсталяваліся і прыжываліся нашы прашчурны, перасяленцы дубровеншчыны на ўкраінскай зямлі? Па прыбыцці на месца прызначэння беларускія працаўнікі, а іх было 292 майстравых і 205 фабрычных сялян, якія складалі 285 сямей з агульнай колькасцю 1792 чалавекі, спачатку былі размеркаваны сярод сем’яў мясцовага насельніцтва. У першыя гады жыцця на новым месцы становішча прамыславікоў-перасяленцаў было вельмі цяжкім. У рапарце ў Маскву дырэктар казёнай фабрыкі Кнорынга адзначаў, што “жилье для переселенцев было плохое. Построенные 225 изб к весне не были обмазаны глиной, а крыши текли как решето. Яровой пшеницы очень мало им было отпущено, к тому же с опозданием, поэтому всё, что было посеяно, пропало и не дало урожая. А ржи прошлогодней из казны для их посевной досталось каждой семье только по полторы копы, которой не только на питание до будущего урожая не хватило, не говоря уж о посевах...” [8].

Частыя засухі, голад, недахоп паліва, цяжкая праца на палях і фабрыцы нярэдка станавіліся прычынамі смерці многіх з іх [2, с. 2]. Не выпадкова ўжо ў 1798 г., праз чатыры гады пасля перасялення туды беларусаў-ліцвінаў, у вёсцы налічвалася 232 двары з насельніцтвам 1200 чалавек, гэта значыць, меней на 500 чалавек.

Аднак вярнуца зноў на радзіму было немагчыма. Пастаянны склад рабочых фабрыкі быў звязаны ў першую чаргу з прымусовым характарам працы і замацаваннем рабочых за прадпрыемствам. Да апошніх дзён існавання фабрыкі на ёй сустракаліся сотні сем'яў “беларускай і вялікарускай пароды”. Людзі старэлі, паміралі і да станка станавіліся іх дзеці, унукі, складваліся кадры патомных рабочых. Тут яны спалучалі працу на мясцовай фабрыцы з заняткамі сельскай гаспадаркай. І прыезжых, і мясцовых яе жыхароў прыпісалі да тамашняй падсобнай фабрыкі па ачыстцы воўны, цяжкія цюкі якой затым адпраўлялі ў Екацярынаслаў на суконную фабрыку. Тры славянскія народы, рускі, беларускі і ўкраінскі, аб'ядналіся ў армію екацярынаслаўскіх ткачоў, дасягнуўшую хутка ўнушальнай для таго часу лічбы – двух з паловай тысяч. У пачатку XIX ст. гэтыя працаўнікі складалі нямногім менш паловы агульнай колькасці жыхароў горада.

Сляды беларусаў на этнічнай карце Украіны можна знайсці таксама на Херсоншчыне, куды ў першай чвэрці XIX ст. былі перавезены беларускія сяляне з Бабылецкага староства Магілёўскай губерні. Беларусы Магілёўшчыны добраахвотна перасяліліся на землі паміж рэкамі Берда, Конскія Воды, Гайчул і заснавалі вёскі Бельманка, Цямрук, Гайчул і Гусарка. Дзякуючы працавітасці і ўпартасці, якія ўласцівы беларускаму нацыянальнаму менталітэту, гэтыя вёскі па тым часе лічыліся квітнеючымі, багацейшымі. І ўсё ж адной з буйнейшых, найбольш старой была і зараз застаецца вёска Сурска-Літоўская (былая Слабада Сурская). Размяшчаецца яна на берагах рэчкі Мокрая Сура (прыток Дняпра) на паўднёвым захадзе ў 7 км ад Днепрапятроўска. Плошча населенага пункту складае 1564 гектараў. Па стану на 01.01.2007 г. у сяле пражывала 4309 жыхароў. Калі спачатку сяло называлі Сурскай Слабадой па назве ракі Мокрая Сура, то крыху пазней за ім замацавалася назва фабрычнай Слабоды Сурска-Літоўскай. У сярэдзіне XIX ст. назва населенага пункта была так і ўзаконена. У ёй адлюстроўваўся нацыянальны склад сяла – былых жыхароў Вялікага княства Літоўскага, якіх тады яшчэ называлі “ліцвінамі”.

У далейшым разам з забудовай сялянскіх двароў ля ракі была пабудавана двухпавярховая фабрыка – філіял екацярынаслаўскай суконнай фабрыкі, да якой былі прыпісаны ўсе жыхары сяла. На фабрыцы рабочыя займаліся ачысткай і часаннем воўны на

машынах, а ў сябе вакол дома – земляробскай справай. Працавалі з цямна да цямна, каб пракарміць свае сем’і. У вольны час спявалі беларускія народныя песні. Разам з родным словам яны служылі доказам “жывучасці і сілы беларуса, які не згубіў, негледзячы на ўсе гістарычныя перавароты і цяжкасці, ганенні, свайго этнаграфічнага аблічча.”

У сярэдзіне XIX ст. сяло Сурска-Літоўскае стала валасным цэнтрам, у склад якога ўваходзілі суседнія сёлы Краснаполле, Нова-Нікалаеўка, Сялецкае і Сурска-Клеўцэве. Рэформа 1861 г. садзейнічала развіццю капіталістычных адносін як у горадзе, так і на вёсцы. Не абыйшоў гэты працэс і сяло Сурска-Літоўскае. Частка вяскоўцаў хлынула ў горад [2, с. 2]. І ўсё ж насельніцтва беларускай вёскі павялічвалася, перш за ўсё, за кошт новай хвалі перасяленцаў з беларускіх зямель і цэнтральных губерняў.

Нягледзячы на тое, што ў 1837 г. казённая суконная фабрыка ў Екацярынаславе спыніла сваё існаванне, вёска Сурска-Літоўскае з карты ўкраінскай зямлі не знікла, як і суконная мануфактура на беларускай зямлі. У м. Дуброўна з 1901 г. на месцы суконнай мануфактуры была адкрыта новая фабрыка “Дняпроўская мануфактура”. У наш час на месцы фабрыкі працуе Дубровенскі льнозавод [1, с. 5].

У Сурска-Літоўску з’явіліся новыя пабудовы, а колькасць насельніцтва толькі за перыяд з 1884 па 1898 гг. павялічылася з 1126 да 3568 чалавек. Але працэс развіцця капіталізма стрымлівалі перажыткі феадалізма і, перш за ўсё, сялянская абшчына. Да пачатку сталыпінскай рэформы ў вёсцы існавала кругавая парака, пры якой за неўплату даўгоў і падаткаў сялянамі адказвала ўся вясковае абшчына. Без яе згоды ніхто не мог выехаць з сяла на заробкі, нават, калі ён не мог пражыць з ураджая, атрыманага на сваёй зямлі [2, с. 2]. Пад цяжкай ношай падаткаў і даўгоў збыднелыя сяляне траплялі ў залежнасць ад памешчыкаў. Рэшткі прыгонніцтва ў сельскай гаспадарцы, расслаенне сялян на багатых і бедных сталі прычынай вострых класавых супярэчнасцяў і сутыкненняў.

Сяляне Сурска-Літоўскага падтрымлівалі сувязі з рабочымі Екацярынаслава і разам з імі прынялі актыўны ўдзел у першай буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі 1905-1907 гг. І хоць сялянскае паўстанне было падаўлена, а члены Сурска-Літоўскага валаснога камітэта былі арыштаваны, рэвалюцыйны настрой сялян

не быў зломлены [4, с. 2]. Канец прыгнёту царызма быў пакладзены Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыяй і ўсталяваннем Савецкай улады. У сакавіку 1918 г. была створана сельская рада, а ў другой палове 1920 г. – камітэт сялянскай беднаты і першая камсамольская арганізацыя. Затым у сакавіку 1922 г. створана і першая партыйная ячэйка. Жыхары сяла актыўна ўключыліся ў будаўніцтва новага жыцця. У краіне распачалася індустрыялізацыя прамысловасці і калектывізацыя сельскай гаспадаркі. У сяле было створана шэсць калгасаў, за поспехі ў працы яны былі занесены ў Кнігу Гонару Усесаюзнай выстаўкі народнай гаспадаркі СССР.

Цяжкія выпрабаванні прыйшлося вынесці ў часы Вялікай Айчыннай вайны ўсяму савецкаму насельніцтву, у тым ліку, і жыхарам сяла Сурска-Літоўскага, якія ўжо 18 жніўня 1941 г. трапілі пад уладу гітлераўцаў. Акупанты расстралялі камуністаў Кужэльнага І.Х., Карнавуха П.П., Дзібрына Х.А. і іншых патрыётаў-падпольшчыкаў. На катаржную працу ў Германію былі гвалтоўна вывезены 152 юных жыхароў сяла. Фашысты разграбілі калгасную маёмасць, тэхніку, жывёлу.

У барацьбе супраць акупантаў удзельнічалі 715 жыхароў Сурска-Літоўскага, з іх 169, амаль кожны чацвёрты, адзначаны ўрадавымі ўзнагародамі, 248, кожны трэці, аддалі свае жыццё за Радзіму (5, с. 2). Воінам-вызваліцелям ад гітлераўцаў удзячныя жыхары сяла Сурска-Літоўскага ў 1958 г. узвялі помнік. Наогул, у вёсцы надаюць вялікую ўвагу ваенна-патрыятычнаму выхаванню моладзі, памятаюць і ганарацца сваімі землякамі – удзельнікамі Вялікай Айчыннай вайны – генералам Галаўко А.С., воінамі Івановым І.І., Пракоф’евым І.К., Міхайлавым І.Я. і многімі іншымі.

Кожны жыхар вёскі ведае і з задавальненнем можа расказаць яшчэ пра аднаго земляка-беларуса, які праславіў не толькі Украіну, Беларусь, але і Расію. Гэта ўдзельнік першых двух палярных экспедыцый СССР да Паўночнага полюса, сапраўдны член Акадэміі мастацтваў СССР, народны мастак СССР, прафесар, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР Фёдар Паўлавіч Рашэтнікаў. Як у гады ваенных выпрабаванняў, так і на працоўных пляцоўках мастак заўсёды быў на перадавым краі барацьбы. Сваё майстэрства карыкатурыста ён заўсёды аддаваў агульнай справе – разгрому ворага, умацаванню дзяржавы. Рашэтнікаў Ф.П. з’яўляецца аўтарам сусветна вядомых карцін ”Зноў двойка”, ”Прыбыў на канікулы”. У

свой час ён перадаў у падарунак школе роднага сяла дваццаць карцін, выстаўленых зараз у музеі, капітальна адрамантаваным да 100-годдзя з дня нараджэння мастака [7, с. 263].

Многа выхадцаў з Сурска-Літоўскага працуюць на кіруючых пасадах, вызначыліся ў розных сферах. Нашчадкамі былых перасяленцаў з дубровенскай зямлі з'яўляюцца Юрий Машненко, знакаміты канструктар касмічных апаратаў; дойдзід Карнаух У.І. (Шчадроў), аўтар помнікаў “Скорбящая”, устаноўленых у Днепрапятроўскім Палацы студэнтаў і на вуліцы Узбярэжная ў знак памяці аб загінуўшых войнах-інтэрнацыяналістах; Святлана Ісакава і Мікола Цярэньцеў – заслужаныя настаўнікі, дырэктары Днепрапятроўскіх ліцэяў; Таццяна Здор – дырэктар Днепрапятроўскага Дома настаўнікаў; Уладзімір Паўлаў – галоўны ўрач Днепрапятроўскай бальніцы; Філіпаў О.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт Днепрапятроўскага нацыянальнага ўніверсітэта і інш. [7, с. 264, 265].

У нашчадкаў дубровеншчыны ў многіх у пашпарце ў графе “нацыянальнасць” стаіць запіс “беларус”. Не страцілася на крутых паваротах гісторыі беларускае “зьярнятка”, моцныя карані пусціла яно на ўкраінскай зямлі і стала вясомым коласам на ніве Прыдняпроўя пад шчырым сонцам нашай агульнай планеты Зямля.

Працягваюцца і з кожным годам умацоўваюцца сяброўскія адносіны жыхароў сяла Сурска-Літоўскага з насельніцтвам дубровеншчыны. Калі ўзімку ўкраінскія беларусы сустрэкалі дэлегатаў з г. Дуброўна, то летам 2012 г. дубровенцы віталі ўкраінскіх беларусаў на прарадзіме сваіх прашчурцаў. У Дубровенскім раёне Віцебскай вобласці адбыўся фестываль самадзейных мастацкіх калектываў Прыдняпроўя, у якім прыняў удзел і пераможца многіх раённых конкурсаў самадзейных калектываў хора “Здравушка” з сяла Сурска-Літоўскага.

Удзельнікі харавых калектываў Прыдняпроўя сустрэкаліся на дубровенскай зямлі з працоўнымі калектывамі сельскагаспадарчай вытворчасці. Калектывы “Здравушкі” выступіў з канцэртнай праграмай перад жыхарамі вескі Верамееўшчына – прарадзімы знакамітай касманаўткі Валянціны Церашковай. Госці пабывалі на палях крывавых баёў у гады Вялікай Айчыннай вайны, усклалі кветкі на могільніку “Мемарыял Рыленкі”, дзе пахаваны каля тысячы байцоў і камандзіраў Чырвонай Арміі Савецкага Саюза.

Выкарыстаная літаратура

1. Дубровенские! Это из Украины? // Беларуская ніва. – 2012. – 9 лют.
2. На ўзмежках цвіла і выстаяла. // Дняпроўская праўда –1982. – 23 каст.
3. Памяць. Гіст. дак. хроніка Дубровенскага раёна. У 2-х кн. Кн 1. – Мінск: Паліграффармленне, 1997. – 598 с.
4. На ўзмежках цвіла і выстаяла. // Дняпроўская праўда –1982.– 2 лістап.
5. На ўзмежках цвіла і выстаяла. – “Дняпроўская праўда” – № 134, 11 лістап. 1982.
6. Болбас, М.Ф. Прамысловыя прадпрыемствы дарэвалюцыйнай Беларусі. – Мінск. Беларусь. – 221 с.
7. Беларусь: Энцыкл. даведнік / Беларуская Энцыклапедыя. Рэд. калегія: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. – Мінск.: Беларуская Энцыклапедыя, 1995. – 800 с.
8. В центре Украины живут потомки дубровенцев. – <http://www.dubrovno.by/&p7u55.Page7of8>. Дата выхода 02.06.2013 г.
9. Гісторыя міст і сіл УССР. Дніпроўска абласць. – Київ, 1969. – с. 260-265.

ПЕРШАПРАХОДЗЕЦ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

(да 130-годдзя з дня нараджэння акадэміка Ластоўскага В.Ю.)

Арбузаў А.Ц., кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Навуковай творчасцю акадэмік Вацлаў Юсцінавіч Ластоўскі пачаў займацца яшчэ да кастрычніка 1917 г. Яго першай кнігай быў падручнік для школы “Кароткая гісторыя Беларусі”, якую ён напісаў ва ўзросце 27 гадоў і ўпершыню апублікаваў на старонках газеты “Наша Ніва” у 1910 г. Пазней яна неаднаразова выходзіла з друку асобнай кніжкай.

Вацлаў Юсцінавіч Ластоўскі быў вельмі цікавым чалавекам, з’яўляўся не толькі гісторыкам і пісьменнікам, але і грамадскім і палітычным дзеячом. Ён актыўна ўдзельнічаў у беларускім нацыянальна-культурным адраджэнні.

У гады правядзення ў БССР палітыкі беларусізацыі быў рэпрэсіраваны і ў 1938 г. загінуў. Усе яго навуковыя працы былі

знішчаны альбо схаваны ў спецхраны, у тым ліку, яго падручнік “Кароткая гісторыя Беларусі”.

Прыклеены да вучонага ў 1930-я гг. ярлык “нацыяналіста і ворага народа” не дазваляў даследчыкам аб’ектыўна разглядаць яго шматбаковую дзейнасць на карысць культурнага адраджэння Беларусі. І нават цяпер аб В.Ю. Ластоўскім як гісторыку-першапраходцу, пісьменніку, грамадскаму дзеячу звестак не вельмі багата. Амаль паўстагоддзя яго імя ганьбавалася, крытыкавалася навуковая творчасць. У 1958 г. яго рэабілітавалі, але яшчэ ў 1972 г. ў 6-м томе “Беларускай Савецкай энцыклапедыі” Вацлаву Ластоўскаму даецца характарыстыка як “гісторыку і публіцысту, аднаму з ідэолагаў беларускага нацыяналізму”, працам якога “уласцівы тэндэнцыйнасць і нацыяналістычная інтэрпрэтацыя гістарычных фактаў”. Ён “варожа ставіўся да марксізму, адмаўляў класавую барацьбу і кіруючую ролю пралетарыату”. Такія фармуліроўкі былі ўключаны ў справу Ластоўскага В.Ю. падчас першага яго арышту 21. 7. 1930 г. і абвінавачвання ў стварэнні “Саюза вызвалення Беларусі” [1, с. 267, 418]. Пазней такія “абвінавачванні” старанна перапісваліся ў даследаваннях беларускіх вучоных. У гэтым можна пераканацца, калі заглянуць у 3-і том “Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі.” [27, с. 203]. А ў зводным каталогу “Кніга Беларусі 1517-1917 гг.”, выдадзеным у 1986 г., “Кароткую гісторыю Беларусі” В. Ластоўскага нават і не ўзгадалі [3, с. 112].

У творчым плане ён быў хутчэй паэтам, чым празаікам і вучоным. Паэтычнае “схіленне” гэтага празаіка ўпершыню падмеціў публіцыст Сяргей Палуян. Ён параўнаў В. Ластоўскага з М. Багдановічам і лічыў іх абодвух паэтамі, бо абразкі Власта – гэта паэзія прозы. У будучым, ён казаў, “абодва стануць у першым радзе нашых пісьменнікаў.” [6, с. 240]. І калі М. Багдановіч стаў класікам беларускай літаратуры яшчэ ў 20-е гг. XX ст., то крыху старэйшы яго сябра В. Ластоўскі толькі сёння на сваёй Бацькаўшчыне вяртаецца ў шэраг таленавітых пісьменнікаў і дзеячоў нацыянальнай культуры.

У гады гарбачоўскай перабудовы навуковец А.К. Каўка ў артыкуле “Паходня абуджанай памяці”, змешчаным у газеце “Літаратура і мастацтва”, прысвяціў некалькі абзацаў кнізе В. Ластоўскага “Кароткая гісторыя Беларусі”. Аўтар як бы

“абараняе” гісторыка і, пераадолеўшы ідэалагічныя штампы, нагадвае, што русіфікатарскі орган “Окраина России” атакаваў вучонага за акцэнтаванне старадаўняга беларускага пісьменства, паколькі, маўляў, ніякай беларускай мовы ў мінулым не было, а таксама за тое, што ў кнізе не знойдзена “портретов ни императара Александра II, ни графа М.Н. Муравьева, ни митрополита Иосифа Семашки”. Замест іх у кнізе змешчаны партрэты Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча, Францішка Багушэвіча, Янкі Лучыны.

Вацлаў Ластоўскі – адна з самых загадкавых асобаў у гісторыі Беларусі. Яго палітычныя, філасофскія, літаратурна-эстэтычныя погляды, урэшце, яго пісьменніцкі, навуковы і грамадскі воблік не паддаюцца адназначным характарыстыкам. “Калі дазволіць сабе карыстацца вядомымі архетыпамі, – казаў Уладзімір Конан, – Вацлаў Ластоўскі – гэта Праметэй беларускага “нашаніўскага” і ранняга эмігранцкага нацыянальнага Адраджэння. Ён народны мудрэц і прарок, гісторык і публіцыст, журналіст і мастацтвазнаўца, урэшце, палітык і нават падпольшчык-рэвалюцыянер” [6, с. 239].

Больш падрабязна пра В.Ю. Ластоўскага пасля яго рэабілітацыі напісаў літаратурны крытык А. Сідаровіч. У сваім артыкуле, надрукаваным у 1988 г. у часопісе “Нёман”, ён прыводзіць шмат біяграфічных звестак пра В.Ю. Ластоўскага як чалавека, малавядомага для шырокіх колаў [26, с. 156-161]. У 1990 г. у кнізе Барыса Сачанкі “Сняцца сны аб Беларусі” быў апублікаваны нават яго амаль поўнамаштабны біяграфічны нарыс.

Вацлаў Юсцінавіч Ластоўскі нарадзіўся 8 лістапада (27 кастрычніка) 1883 г. у засценку Калеснікава Дзісенскага павета Віленскай губерні (зараз Глыбоцкі раён Віцебскай вобласці) у сям’і земляроба-арандатара [1, с. 598]. Першапачатковую адукацыю атрымаў у вёсцы Стары Пагост у школе, адкрытай яшчэ ў 1721 г. Як успамінае сам Ластоўскі В.Ю. у артыкуле “Старапагоская вясковая школа”, “школка ў Старым Пагосце ўяўляла сабой убогае відовішча і ставіла перад сабой мэту навучыць дзяцей маліцца, умець падпісацца і авалодаць элементарнымі дзеяннямі па арыфметыцы. Але выкладовай мовай была мова беларуская. Ня было нават спробы гаварыць іншай мовай”. Гэтым самым Ластоўскі В.Ю. падкрэсліваў думку, што менавіта сялянскія жыхары захавалі родную мову, сваю нацыю, нягледзячы на дрэнны стан адукацыі і наступ палітыкі царызма. Пасля заканчэння пачатковай

парафіяльнай школкі вучыўся ў Дзісенскім павятовым вучылішчы [5, с. 8, 93, 149].

Юнацтва будучага прэм'ер-міністра Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) можна пазначыць пункцірна і непаслядоўна: з 1896 г. хлопчык на паслугах у Віленскай віннай краме, затым канцылярыст нейкай казённай установы ў Шаўляі. Але юнака вабіла навука і ён ад'ехаў у Пецярбург, дзе працаўладкаваўся бібліятэкарам прыватнай студэнцкай бібліятэкі і адначасова “зайцам” слухаў лекцыі ў мясцовым універсітэце. У 1903 г. уступіў у шлюб з літоўскай дзяўчынай Марыяй Іваноўскай. Яна была старэйшай за яго на 11 год і таксама працавала ў Пецярбургу ў грамадскай чытальні. Жылі ў бядноце і таму жонка падзарабляла на хлеб, у асноўным, як швачка [5, с. 93; 8, с. 149; 1, с. 149].

У хуткім часе Ластоўскі з Марыяй пераехалі ў Літву ў мястэчка Парагай – на радзіму жонкі. Там у сям'і нарадзіліся 2 дачкі. У вольны час Марыя займалася літаратурнай дзейнасцю і стала пазней вядомай пісьменніцай. У літоўскай літаратуры выступала пад псеўданімам Пяледа. У будучым пастановай Асобай нарады пры НКВД СССР 15 красавіка 1938 г. яна была асуджана як член сям'і здрадніка Радзімы да 8 гадоў “папраўна-працоўных” лагераў. Памерла 19 ліпеня 1957 г. [11, с. 264].

З 1902 г. В. Ластоўскі – сябра Польскай партыі сацыялістаў (ППС), якая дзейнічала на тэрыторыі былога Вялікага княства Літоўскага. Партыя выдавала пракламацыі і брашуры на беларускай, польскай, рускай і яўрэйскай мовах. ППС ставіла мэтай стварэнне краёвай дэцэнтралізаванай партыі, беларуска-літоўскай аўтаноміі (княства) у складзе польскай дзяржавы, але з устаноўчым сходам у Вільні.

Праз чатыры гады Ластоўскі В.Ю. памяняў сваю палітычную арыентацыю, адмежаваўся ад польскага нацыянальна-вызваленчага руху і актыўна ўключыўся ў справу нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі. У 1906 г. з сям'ёй пераехаў у Рыгу і ўступіў у Беларускаю сацыялістычную Грамаду, у складзе якой быў да 1908 г.

У Рызе Ластоўскі В.Ю. спрабаваў здаць экзамены на атэстат сталасці, аднак, паводле ўласных слоў, “зрэзаўся” на расійскай мове. Рыжскія экзамены паклалі канец безвыніковым спробам атрымаць пацвярджэнне сваім ведам у выглядзе дыплама ці

атэстата. Ластоўскі В.Ю. па-ранейшаму стаў зацята працаваць і паглыбляць прыродны розум нястомнай самаадукацыяй [8, с. 149].

У сакавіку 1909 г. Ластоўскі В.Ю. працаўладкаваўся ў Вільні сакратаром рэдакцыі газеты БСГ "Наша Ніва", якая ў той час ператварылася ў інфармацыйны цэнтр беларускага нацыянальна-культурнага адраджэння. На яе старонках упершыню ўбачылі свет паэмы Я. Купалы "Курган" і "Бандароўна", урыўкі з паэмы Я. Коласа "Новая зямля".

У 1910 г. Янка Купала ў Вільні прысвяціў Вацлаву і Марыі Ластоўскім верш "Песня званара". Сведчанні адносінаў Я. Купалы да В.Ю. Ластоўскага сціплыя, але верш, што з'явіўся ў "Нашай Ніве" 30 верасня 1910 г., быў знакам павагі і ўдзячнасці [13, с. 158]. Паэт пісаў:

"Так даўно ў нас не йгралі.

Дзіў адно плыве і чар

Штораз вышай, штораз далей,

Знаць, бывалы ён дудар" [14, с. 132].

На старонках "Нашай Нівы" друкаваліся творы Ц. Гартнага, З. Бядулі, А. Уласава, М. Багдановіча, А. Гурло, К. Буйло і іншых дзеячоў беларускага адраджэння. Менавіта ў публікацыях на нашаніўскіх старонках праявіўся вялікі талент В. Ластоўскага як публіцыста, гісторыка і пісьменніка. "Наша Ніва" адыграла вялікую ролю ў выяўленні і збіранні нацыянальных навуковых і літаратурных сіл, выданні і прапагандзе беларускіх кніг, развіцці беларускай публіцыстыкі і літаратурнай крытыкі. Газета шмат увагі ўдзяляла тэрэтычнаму абгрунтаванню права беларускага народа на захаванне і развіццё сваёй мовы і нацыянальнай культуры. Яна абвяргала думку, быццам гістарычны працэс непазбежна вядзе да зліцця меншых народаў з большымі, і выступіла з ідэяй еднасці ўсіх беларусаў, незалежна ад іх веравызнання.

У "Нашай Ніве" В. Ластоўскі цалкам стаяў на баку інтарэсаў беларускага народа, паслядоўна выступаў за яго дзяржаўную самастойнасць. Ён неаднаразова заяўляў, што Беларусь можа знайсці выратаванне толькі ў нацыянальным адраджэнні сваёй краіны. "Трэба думаць пра выратаванне нацыі і кожны народ павінен патурбавацца сам за сябе". У выніку дзейнасці В. Ластоўскага ў "Нашай Ніве" павялічыўся лік нацыянальна

свядомай інтэлігенцыі, якая згуртавалася вакол газеты, і тым самым быў закладзены падмурак нацыянальнага адраджэння беларусаў.

У час рэдактарства Ластоўскага “Наша Ніва” выказвалася за ўвядзенне на Беларусі земстваў, станоўча ставілася да хутарызацыі, арганізацыі вытворчых, крэдытных, гандлёвых, асветных і іншых суполак. Газета адстойвала грамадзянскае і палітычнае раўнапраўе беларускага народа, выступала супраць вялікадзяржаўнай палітыкі царызму і шавінізму польскіх абшарніцка-клерыкальных колаў, за права свабодна карыстацца роднай мовай, развіваць на ёй нацыянальную культуру і асвету [4, с. 125].

Пачатак XX ст. увогуле даў беларускаму адраджэнню, акрамя В. Ластоўскага, вялікую колькасць магутных асоб, якія вылучаюцца ў нацыянальным руху, паказваючы не толькі сучаснікам, але і наступнікам шлях наперад. Гэта Іван і Антон Луцкевічы, Янка Купала і Якуб Колас, Карусь Каганец, Сяргей Палуян, Цётка, Максім Гарэцкі, Алесь Гарун, Адам Станкевіч, Францішак Аляхновіч, Максім Багдановіч, Браніслаў Тарашкевіч, Язэп Лёсік і інш. Але, безумоўна, цэнтральнае, пачэснае месца ў беларускім нацыянальным руху належыць В.Ю. Ластоўскаму: палітычнаму дзеячу і асветніку, гісторыку і літаратуразнаўцы [5, с. 92].

З пачаткам Першай сусветнай вайны і набліжэннем германска-расійскага фронту 7(20) жніўня 1915 г. газета “Наша Ніва” спыніла сваё выданне. Вялікая частка беларускіх зямель апынулася ў зоне нямецкай акупацыі. В. Ластоўскі застаўся ў Вільні і рэдагаваў газету “Гоман”, дзе, у прыватнасці, быў змешчаны яго артыкул, прысвечаны Кастусю Каліноўскаму. Ен таксама пісаў вершы, п’есы. У 1916 г. Ластоўскі В.Ю. выдаў невялікую па аб’ёму, але вельмі каштоўную кніжку “Першае чытанне. Кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навукі чытання”. У ёй ён імкнуўся пашырыць дзіцячы круггляд, выхаваць любоў да Бацькаўшчыны, да яе прыроды, гісторыі і культуры.

“Але свядомага грамадзянства ў нас няма, – адзначаў В. Ластоўскі, – Бацькаўшчына наша спіць непрабудным сном”. У газетах “Наша Ніва”, “Гоман”, часопісе “Крывіч” ён выступаў з літаратурнымі нарысамі і рэцэнзіямі на першыя кніжкі мастацкай прозы Якуба Коласа, Максіма Гарэцкага і іншых пісьменнікаў. Гэта ён адкрыў Максіму Багдановічу багатую гісторыю і культуру беларусаў, дапамог выдаць адзіны прыжыццёвы зборнік паэта

“Вянок” і даў яму назву [18, с. 92]. Як літаратуразнаўца, ён прытрымліваўся думкі, што да гісторыі беларускай мастацкай культуры трэба залічваць “усе творы зямлі і народу нашага, нягледзячы на тое, якой мовай і дзе яны тварылі” [6, с. 248].

У 1916-1918 гг. В.Ю. Ластоўскі актыўна займаўся зборам фальклору. Ён лічыў, што вяскоўцы заўсёды былі багатыя на сваю творчасць, сатырычнае слова, якое ніколі не памірала ў народзе. У выніку выйшаў зборнік яго запісаў “Прыпеўкі: (Песні-песень)”, а таксама падрыхтаваныя творы, прысвечаныя актуальным пытанням гісторыі адукацыі на Беларусі – “Віленская грэка-лацінска-руская Акадэмія”, “Старапагоская вясковая школа”, пазней надрукаваныя ў часопісе “Крывіч”. Артыкул у гэтым выданні “Да шукання крыніц народнай творчасці” быў прысвечаны беларускаму фальклору як важнейшаму літаратурнаму жанру, які дапамагаў выхоўваць у дзяцей нацыянальную самасвядомасць, павагу да духоўнай спадчыны. На думку аўтара, народнае мастацтва і літаратура квітнеюць у шчаслівыя часы росквіту этнасу і занепадаюць ва ўмовах палітычнай і культурнай экспансіі з боку імперскіх нацый. “Калісьці – пісаў В.Ю. Ластоўскі, – беларускія вышыўкі і тканіны па малюнку і падбору колераў не ўступалі найдалікатнейшым японскім вырабам. Здаўна ў Беларусі іголка і чаўнок канкурыравалі з пяром і пэндзлем. Задача выставак – адрадзіць гэтае мастацтва, бо разам з ім уваскрэсне душа народа, адновіцца яе здольнасць да выяўлення жывой красы роднага краю, яго духоўных традыцый” [6, с. 247].

Фундаментам самабытнага нацыянальнага стылю ў культуры з’яўляецца, на думку В. Ластоўскага, аўтэнтычная народная творчасць – мова, фальклор, традыцыйныя святы і абрады. У купальскіх абрадах ён бачыў беларускі аналаг алімпійскім гульням старадаўняй Грэцыі. У калядных абрадах ён бачыў глыбінны пачатак нацыянальнага тэатра і беларускай оперы, у пэўным сэнсе адэкватных дыянісііскім і арфічным святам старажытнай Грэцыі [6, с. 244, 245]. Ён рабіў выснову пра неабходнасць захоўваць і развіваць усе правы “беларускай асобнасці”, арыгінальнасці, дзе б яна не сустракалася – у арнаменты, народных кроях, песнях, у мове, паэзіі, мастацтве.

Разнастайнасць жанравага матэрыялу – прыказкі, прымаўкі, загадкі, казкі, лірычныя вершы пра родны край – характарызуе

асветніцкі напрамак творчасці аўтара. Свой выхаваўчы погляд ён накіроўваў галоўным чынам на дзіцячы ўзрост і сцвярджаў, што “далейшая навука чытання шмат у чым залежыць ад настаўніка, ад першапачатковага навучання, у якім трэба больш увагі звяртаць на развіццё вуснай мовы, на гукавымаўленне, на мілагучнасць мовы, каб дзеці са слоў настаўніка разумелі, чаго ад іх хочучь”. Разуменне вучнем таго, пра што гаворыць педагог, матывацыйныя дзеянні дзяцей, на думку В. Ластоўскага, адно з галоўных педагогічных і метадычных аўтарскіх патрабаванняў. Для навучэнцаў беларускіх школ ён склаў падручнікі “Першае чытанне. Кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навукі чытання”, “Незабудка”, “Сейбіт”, “Выпісы з беларускай літаратуры, ч. 1”, “Кароткая гісторыя Беларусі” і інш.[1, с. 418].

Над схіленнем настаўнікаў на шлях нацыянальна-культурнага адраджэння шмат папрацавалі і такія вядомыя беларускія паэты, як К. Каганец, Цётка, Я. Колас і інш., якія таксама пісалі для дзяцей творы, умела аздабляючы іх гукамі і фарбамі роднага краю. Але В.Ю. Ластоўскі выпрацаваў яшчэ адзін каштоўны накірунак – выхаванне ў падрастаючага пакалення нацыянальнай гістарычнай самасвядомасці.

В. Ластоўскі лічыў, што агульначалавечыя каштоўнасці павінны выходзіць у маладога пакалення ў школе, сям’і і грамадстве праз сродкі нацыянальнага самавызначэння. Ён сцвярджаў, што “ні адзін народ не стаіць на такім страшным бездарожжы нацыянальна-духоўнага жыцця і палітычнага бяспраўя, як мы, беларусы.” У той складаны і адказны час, калі Беларусь, як па-жывому, была падзелена на дзве часткі, В. Ластоўскі настойліва заклікаў лепшых сыноў шматпакутнай Радзімы не стаяць на бездарожжы, гадаючы, “якія новыя ланцугі прынясе яму заўтрашні дзень,” а аб’яднацца і прыйсці на дапамогу свайму народу, “прыйсці правадырамі і павесці свой народ да нацыянальнага самавызначэння”.

У пачатку 1918 г. ён стварыў у Вільні арганізацыю “Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі”, якая выпрацавала галоўныя напрамкі стварэння незалежнай Беларусі. Арганізацыя аб’яднала ў асноўным каталіцкае духавенства беларускіх зямель, якое мела сувязі з нямецкай каталіцкай партыяй цэнтра. Не цяжка заўважыць, што В. Ластоўскі выкарыстоўваў усё магчымае, каб дамагчыся незалежнасці Беларусі, але адначасова ён выступаў

супраць якіх-небудзь спроб утварыць Беларускаю дзяржаву разам з Польшчай ці Літвой. Менавіта таму ў гады нямецкай акупацыі ён завочна 18 сакавіка 1918 г. быў кааптаваны ў склад Рады Беларускай Народнай Рэспублікі ў Мінску. Праз 5 дзён пасля прыезду ў Мінск В. Ластоўскі ўдзельнічаў у паседжанні Рады БНР, якая 25 сакавіка 1918 г. трэцяй статутнай граматай абвясціла БНР "незалежнай, вольнай дзяржавай". Нягледзячы на тое, што В. Ластоўскі не падпісаў вядомую тэлеграму на імя германскага імператара Вільгельма II, ён у той жа час не бачыў магчымасці супрацоўніцтва з бальшавіцкім кіраўніцтвам Заходняй вобласці. Такого пункту погляду Ластоўскі прытрымліваўся пасля разгону бальшавікамі Усебеларускага з'езду ў Мінску ў ноч з 17 на 18 снежня 1917 г. [3, с. 113, 114].

У лістападзе 1918 г. у Германіі адбылася рэвалюцыя, савецкі ўрад дэансаваў Брэсцкі дагавор і Чырвоная Армія рушыла на захад. Рада БНР пасля адыходу германскага войска аказалася безабароннай. Частка яе членаў засталася ў Мінску, астатнія выехалі ў Вільню і Гродна. У 1919 г. В. Ластоўскі ўступіў у Беларускаю партыю сацыялістаў-рэвалюцыянераў (эсэраў), быў гарачым прыхільнікам і адным з галоўных ідэолагаў незалежнасці Беларусі. З снежня 1919 г. ён старшыня Рады міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі, а з 1920 г. – прэм'ер-міністр эмігранцкага ўрада.

Пасля канчатковага вызвалення Беларусі ад нямецкай акупацыі ўрад БНР на чале з Ластоўскім В.Ю. здолеў знайсці палітычны прытулак сярод краін-суседак толькі ў сталіцы Літвы г. Коўна. Знаходзячыся ў эміграцыі, Ластоўскі наведаў Бельгію, Германію, Ватыкан, Італію, Чэхаславакію, Францыю, Швейцарыю і ўсюды выступаў у абарону правоў беларускага народа, асабліва на тэрыторыі Заходняй Беларусі. На кожным урачыстым прыёме, міжнароднай канферэнцыі, нарадзе, сімпозіуме ён выступаў ад імя Беларусі як сапраўдны беларус і дзеля будучыні сваёй Бацькаўшчыны. Кожны здзек з беларускага народу, тэрыторыя якога ў 1921 г. у Рызе была распілавана мяжою, ён расцэнхваў як здзек з яго самога, прэм'ера БНР.

Ніякія перашкоды не маглі пазбавіць В. Ластоўскага права грамадзяніна, узгадаванага на вялікай любові да роднага народа, выступаць у абарону зняволеных і пагарджаных, у абарону беларускага народа.

Так, у жніўні 1924 г. у Жэневе В. Ластоўскі падаў у Раду Лігі Нацый мемарандум, у якім выказваўся пратэст супраць учыненага польскімі ўладамі судавага працэсу над групай беларускіх эсэраў на чале з Сяргеем Баранам і Верай Маслоўскай-Матэічук (г. зв. ”працэс 45-ці). Падчас знаходжання ў Парыжы Ластоўскі В.Ю. стаў адным з ініцыятараў стварэння Камітэта Прыгнечаных Нацый, дзейнасць якога планавалася накіраваць у абарону нацыянальных меншасцяў у Польшчы [12, с. 155].

З 1923 па 1927 гг. В. Ластоўскі жыў у г. Коўна пад крылом “Тарыбы”, якая не толькі дазволіла ўтварыць Беларускі цэнтр у Літве, але і фінансавала часопіс “Крывіч”, які па разнастайнасці тэматыкі артыкулаў не ўступаў ніводнаму перыядычнаму выданню Савецкай Беларусі.

Беларускі літаратурна-навуковы і грамадскі часопіс “Крывіч” рэдагаваўся В. Ластоўскім і К. Дуж-Душэўскім. Было выдадзена 12 нумароў. На яго старонках публікаваліся творы на самыя розныя тэмы і, перш за ўсё, шмат артыкулаў самога Ластоўскага, якія падпісваліся пад псеўданімамі Арцём Музыка, Власт, Юры Верашчака і інш. Амаль у кожным нумары былі яго вершы [12, с. 163, 154].

У 1924 г. на старонках часопіса “Крывіч” з’явіліся творы В. Ластоўскага “Віленская грэка-лацінска-руская Акадэмія”, ”Расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік” і “Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі”, у якой дадзена апісанне манускрыптаў і друкаваных выданняў ад канца X да пачатку XIX стст. Годам раней былі надрукаваны артыкулы “Старапагоская вясковая школа” і “Да шукання крыніц народнай творчасці” [10, с. 200, 201].

Як нашчадак полацкіх крывічоў, Ластоўскі быў асобай моцнай і цэльнай, здольнай на рашучыя, нават авантурныя ўчынкі. Яго смела можна назваць пачынальнікам беларускага фундаменталізма. Ён лічыў, што Беларусь гэта Крывія, стварылася яна яшчэ ў дахрысціянскія вякі як вялікая дзяржава і ахоплівала значную частку ўсходнеславянскіх плямёнаў і летапісную Літву. Такі фундаменталізм выявіўся затым і ў стылістыцы і лексіцы пісьменніка.

У кнізе “Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі” В.Ю. Ластоўскі ўпершыню выклаў свой погляд на галоўную прычыну згоды ВКЛ на ўтварэнне Рэчы Паспалітай. Ён тлумачыў гэта рэфармацыяй у

Еўропе, якая насіла цывілізацыйны антыфеадальны характар і таму лічыў, што ВКЛ павярнулася ў бок цывілізацыі. Вялікае княства Літоўскае было велізарнай дзяржавай, грознай для суседзяў, але не мела ні агульнай гістарычнай традыцыі, ні адзінай веры, ні аднароднай жывой мовы. Рэфармацыя, на думку В Ластоўскага, з’явілася галоўным віноўнікам паланізацыі беларускага грамадства ў XVI ст., бо да таго часу ўплыў польскай культуры і мовы быў нязначным. “Рэфармацыя магла даць сапраўднае адраджэнне крыўскаму народу, калі б яна (рэфармацыя) абапіралася на народную мову, пад лозунгам вызвалення... з-пад уплыву мёртвай царкоўнай балгаршчыны” [6, с. 254].

Адной з малавядомых старонак разнастайнай грамадска-палітычнай, нацыянальна-культурнай і навукова-асветніцкай спадчыны Ластоўскага з’яўляецца яго педагагічная дзейнасць, таму ёй ў 1990-х гг. была нададзена вялікая ўвага на Міжнародных навуковых канферэнцыях у Маладзечна, Наваполацку і Вільнюсе. У дакладах аналізаваліся яго падручнікі “Кароткая гісторыя Беларусі”, “Першае чытанне. Кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навукі чытання”, выдадзеныя ў дакастрычніцкі час, іх уплыў на выхаванне самасвядомасці беларускіх дзяцей. У сувязі са святкаваннем 110-годдзя з дня нараджэння В.Ю. Ластоўскага толькі на канферэнцыі ў Наваполацку выступілі 30 вучоных з Беларусі, Літвы, Польшчы і Расіі [16, с. 6, 7].

Ластоўскі хацеў стварыць новую, багатую і слаўную гісторыю сваёй Бацькаўшчыны. Асвятленнем гістарычнага мінулага нашай краіны займаліся навукоўцы і да яго. Але даследчыкі, якія браліся за гэтую справу, былі альбо расійскія, альбо польскія. Вядома, яны выконвалі сацыяльны заказ пануючых колаў Расіі і Польшчы, таму адмаўлялі беларусам у існаванні самастойнага ўсходнееўрапейскага славянскага этнасу, не прызнавалі існаванне дзяржаўнасці на беларускіх землях, самастойнасці мовы, культуры. Расійскія гісторыкі разглядалі Беларусь як Паўночна-Заходні край, Заходнюю Русь; польскія – як “крэсы ўсходнія”, “Белапольшчу”, паўночна-ўсходнія землі Польшчы, адны і другія лічылі беларускія землі часткай этнічнай тэрыторыі Расіі або Польшчы, а беларускую мову – дыялектам рускай або польскай мовы. У выніку атрымоўвалася тэндэнцыйная, аднабаковая карціна, з’явіліся спачатку вялікаруская, а затым і вялікапольская канцэпцыі паходжання беларускага этнасу.

“Кароткая гісторыя Беларусі” была напісана з пункту гледжання беларускіх нацыянальных інтарэсаў, “з становішча карысьцей і шкод беларускага народу”. Аўтар праўдзіва сцвярджаў, што беларусам адбудову свайго жыцця “трэба пачаць з фундаменту, каб будынак быў моцны” [3, с. 5], фундаментам жа ён лічыў гісторыю Бацькаўшчыны і таму з вялікай павагай ставіўся да беларускага народа як самабытнага этнасу шматпакутнай зямлі, што амаль 200 гадоў была “вечным ваенным боішчэм”.

В. Ластоўскі ўпершыню паказаў беларускі народ не толькі як аб’ект уздзеяння з боку суседзяў, але і як суб’ект гістарычнага працэсу, творцу свайго лёсу. У гэтым крыецца вялікая выхаваўчая сіла яго маленькай кніжкі не толькі з пункту гледжання нацыянальнай свядомасці, але і з пазнавальнага боку для тагачаснага, сучаснага і наступных пакаленняў.

Яго “Кароткая гісторыя Беларусі” – “гэта першая папулярная гісторыя Беларусі, напісаная сапраўдным беларусам і для беларусаў” [3, с. 111]. Яна дапамагла вельмі многім жыхарам беларускіх зямель далучыцца да сапраўднай, слаўнай гісторыі роднага краю. У ёй шмат месца адведзена пытаннем беларускай дзяржаўнасці. В. Ластоўскі значна раней за Ермаловіча М.І. адзначыў, што літоўскія князі, заснавальнікі Вялікага княства Літоўскага, былі полацка-крывіцскага паходжання [3, с. 15, 16]. Выступаючы супраць гістарычнага беспамятства, Ластоўскі сваю кнігу найперш прысвячаў “сынам маладой Беларусі”, каб яны змаглі пазнаць мінуўшчыну сваёй Бацькаўшчыны на роднай мове, сфарміраваць у сабе трывалую нацыянальную самасвядомаць і годнасць сапраўднага гаспадара сваёй зямлі. Змест падручніка прасякнуты ідэяй набыцця гістарычных ведаў ад нацыянальнага да агульначалавечага, што садзейнічала выхаванню ў дзяцей пачуццяў патрыятызму, гонару за сваю Радзіму і за сябе як яе суб’екта.

Пасля “Кароткай гісторыі Беларусі” (1910 г.) другім падручнікам з’явілася “Першае чытанне. Кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навукі чытання”, выдадзеная ў 1915 г. у Вільні. Затым у 1916 г. ён выдаў чытанку “Родныя зярняты” для другога і трэцяга класаў [6, с. 256, 257]. У далейшым Ластоўскі працягваў працу па стварэнню і выданню вучэбнай літаратуры: у 1918 г. з’явіліся кнігі для чытання “Незабудка” і “Сейбіт”, а таксама працы “Што трэба ведаць кожнаму беларусу” і “Выпісы з беларускай літаратуры”

(ч. 1). Апошня з’яўляецца першай хрэстаматыяй па гісторыі беларускай літаратуры, мовы. Галоўнай каштоўнасцю гэтых кніг з’явілася тое, што яны вучаць думаць, стымулююць развіццё самастойнасці, фарміруюць здольнасць свабодна карыстацца запасам ведаў. У своеасаблівым маральным кодэксе “Што трэба ведаць кожнаму беларусу” значнае месца займае агляд беларускай мовы: “Родная мова – вялікае народнае багацце, якое народ павінен высока цаніць і шанаваць!” [7, с. 3].

Беларуская мова разглядаецца ім як самабытная, адна з самых культурных і старажытных моў. Беларусы могуць і павінны ганарыцца сваім пісьменствам, літаратурай, якія з’яўляюцца старэйшымі, чым польскія і расійскія. В. Ластоўскі дакладна і навукова тлумачыў, што беларускі народ мае сваю зямлю, дзе самім Богам вызначана ў цэнтры Еўропы яго месца пражывання, самастойную мову, гісторыю, адметную ад іншых культуру, свае звычаі, склад жыцця, асобны фізічны і духоўны тып.

У прадмове да свайго “Расійска-крыўскага (беларускага) слоўніка” (1924 г.) В. Ластоўскі разгледзеў у мове ўніверсальную народную творчасць, дзе кожнае слова – шматзначны мастацкі вобраз, у якім зашыфраваны пэўны аспект шматвяковай культуры: “Увесь светапогляд і паэзія нашых прадзедаў замыкаліся ў мове”. Сваю задачу даследчык роднага слова бачыў у тым, каб захоўваць першародную чысціню яе, аберагаць ад разбуральных іншамоўных уплываў.

В. Ластоўскі тлумачыў паняцце патрыятызму як найперш свой духоўны росквіт “праз сям’ю і школу і праз грамадскую працу”, якія з’яўляюцца для беларуса не толькі правам, але і абавязкам. “Патрыёт-беларус, – адзначаў Ластоўскі, – павінен клапаціцца пра адкрыццё пачатковых, сярэдніх і вышэйшых нацыянальных школ, бо калі “сям’я – гэта аснова, фундамент нацыі”, то “школа – будучыня яе” [7, с. 3, 23, 35, 345].

Ён быў гатовы супрацоўнічаць з кожным, хто мог дапамагчы стварыць беларускую дзяржаўнасць і захаваць яе тэрытарыяльную цэласнасць. У імя Беларусі і дзеля будучыні Айчыны Ластоўскі ішоў на супрацоўніцтва з усімі партыямі, рухамі, урадамі. Але ў змаганні за незалежную Беларусь ён не заўсёды знаходзіў паразуменне і падтрымку нават сярод сваіх бліжэйшых паплечнікаў. Так, рознае станаўленне да Польшчы прывяло да расколу членаў

урада БНР. В. Ластоўскі са сваімі аднадумцамі правёў у 1919 г. у Мінску нелегальную канферэнцыю, дзе быў выказаны недавер польскім уладам, утварыў новы ўрад – Народную Раду БНР. Луцкевіч А.І. са сваімі аднадумцамі, якія прыхільна ставіліся да федэрацыі з Польшчай, склалі Найвышэйшую Раду БНР. Члены кабінета Міністраў Народнай Рады БНР і сам Ластоўскі неўзабаве былі арыштаваны польскімі ўладамі. Пасля вызвалення ён пераехаў у Коўна – тагачасную сталіцу Літвы, дзе Народная Рада аднавіла сваю дзейнасць і арганізавала партызанскі рух супраць белапалякаў.

Летам 1921 г. кіраўніцтва Беларускай партыі сацыял-рэвалюцыянераў, у склад якога ўваходзіў Ластоўскі, узяло курс на падрыхтоўку ўзброенага паўстання. Быў створаны Галоўны Штаб беларускіх партызан. Штаб прытрымліваўся ідэалагічнай платформы беларускіх эсэраў, якія імкнуліся да незалежнасці Беларусі, і быў цесна звязаны з урадам БНР Ластоўскага, што знаходзіўся ў Коўна. Беларуская партыя сацыял-рэвалюцыянераў (беларускія эсеры), на чале якой стаялі П. Бадунова, Ф. Грыб, В. Ластоўскі, Я. Мамонька, А. Цвікевіч і іншыя, мела свой друкаваны орган – газету “Наша будучыня” і ставіла сваёй мэтай утварэнне незалежнай Беларускай дэмакратычнай рэспублікі на ўсіх беларускіх землях [1, с. 383, 384, 386].

На чале ўрада БНР Ластоўскі быў да 1923 г. Ён падаў у адстаўку і яго змяніў А. Цвікевіч. Рада і ўрад БНР пераехалі ў Прагу. В. Ластоўскі застаўся ў Коўна і актыўна заняўся навуковай дзейнасцю. Ён склаў руска-беларускі матэматычны слоўнік, падрыхтаваў фундаментальную гісторыю беларускай кнігі.

Яго сучаснік і паплечнік К. Езавітаў у свой час ахарактарызаваў Ластоўскага В.Ю. не лепшым палітыкам, хутчэй, лічыў яго нацыянальным дзеячом у лепшым сэнсе гэтага слова, таму ён не здолеў паразумецца з палітыкамі і прайграў. “З прычыны асаблівага складу свайго характару, – пісаў К. Езавітаў, – ён не быў і не мог быць за выдатнага палітыка. Гэта быў чулы і просты чалавек, паэт і навуковец. Троху мастак, якога цягнула да ціхай і пладавітай кабінетнай працы ў адзіноце, калі асабліва ясна працуе галава і шчыра адчыняецца сэрца для глыбокіх пачуццяў любові да Бацькаўшчыны” [17, с. 205].

Інтэлігенцыя Заходняй Беларусі прыкладала шмат намаганняў у справе навуковага даследавання нацыянальнай гісторыі і культуры.

Сярод шэрагу розных арганізацый, працаваўшых у гэтым накірунку, было Беларускае навуковае таварыства (БНТ), ля вытокаў якога ў 1921-1939 гг. стаялі В. Ластоўскі, браты І., А. Луцкевічы і інш. Таварыства дзейнічала ў Вільні. Актыўныя дзеячы БНТ спачатку займаліся распрацоўкай беларускай навуковай тэрміналогіі, перакладам на беларускую мову педагагічнай, мастацкай і іншай літаратуры. Але галоўнай мэтай таварыства, вызначанай яго статутам, была “рознабаковая навуковая праца, развіццё любові да навуковых доследаў і пашырэнне ведаў” [18, с. 1]. “Мы, – пісаў В. Ластоўскі, – народ малады і здаровы, павінны тварыць сваю асобную, дужую маладой сілай літаратуру будучыні. Нашы пісьменнікі павінны вырабляць талент свой не на дэкадэншчыне, а на сусветнай класічнай літаратуры; павінны раскрываць раны свайго грамадства і паказваць яго калецтвы, але і шукаць чалавека будучыні, чалавека сільнага, здаровага, чалавека – цара прыроды. Мы павінны шукаць і знайсці новы шлях і паказаць яго тым, хто дагэтуль, на гарах ходзячы, не бачаць сонца” [6, с. 250].

У лістападзе 1926 г. у Мінску па ініцыятыве Інбелкульта адбылася акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу. З гэтай нагоды ў Мінск прыбылі і вядомыя дзеячы беларускай навукі і культуры, якія па самых розных прычынах апынуліся па-за межамі сваёй Радзімы. Сярод іншых навукоўцаў на заклік уздыму культурнага будаўніцтва, ажыццяўлення палітыкі беларусізацыі адгукнуўся і рэдактар часопіса “Крывіч” з Коўна Вацлаў Ластоўскі [1, с. 220].

Пад ціскам неспрыяльных абставін, звязаных са спыненнем фінансавання выдавецтва часопіса “Крывіч” і палітычным пераваротам 17 снежня 1926 г. у Літве, у красавіку 1927 г. В. Ластоўскі пераехаў у сталіцу БССР г. Мінск. Разам з ім адбылі ў Мінск яго старэйшая дачка з мужам – літоўскім камуністам, а жонка з малодшай дачкой засталіся ў Літве [11, с. 241].

У Мінску Ластоўскі працаўладкаваўся дырэктарам Беларускага дзяржаўнага музея і адначасова загадчыкам кафедры этнаграфіі пры Інбелкульце. Ён таксама актыўна працаваў разам з Я. Лёсікам, Я. Купалам і іншымі навукоўцамі ў камісіі па ахове помнікаў старажытнасцяў у БССР, планаваў падрыхтаваць да друку альбом беларускага народнага арнаменту. Пад ягонай рэдакцыяй пачалі

выходзіць этнаграфічныя зборнікі. Ён узначальваў этнаграфічныя экспедыцыі ў розныя рэгіёны рэспублікі. Падчас адной такой экспедыцыі быў вывезены ў Мінск з Полацка крыж Ефрасінні Полацкай, зроблены Лазарам Богшай.

У 1926 г. Ластоўскі В.Ю. быў абраны членам-карэспандэнтам Украінскай акадэміі грамадазнаўства, а ў канцы 1928 г. Савет Народных камісараў БССР у знак прызнання выдатных заслуг перад беларускай навукай зацвердзіў яго ў званні акадэміка Акадэміі навук БССР. “Аб тым, што Вацлаў Ластоўскі быў вучоным–энцыклапедыстам, сведчыць яго фундаментальная праца “Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі”, надрукаваная ў 1926 г.”. – адзначаў Язэп Янушкевіч [9, с. 42-43].

У 1929-1931 гг. шэрагі грамадазнаўцаў былі значна аслаблены арыштамі вядомых вучоных: гісторыка У. Пічэты, географа А.Смоліча, эканаміста-географа М. Гарэцкага і інш. Жорсткі ідэалагічны ўціск давёў да самагубства першага прэзідэнта Акадэміі навук БССР У. Ігнатоўскага. [11, с. 310]. Толькі за адну ноч з 18 на 19 ліпеня 1930 г. было арыштавана 25 чалавек. Сярод заключаных ва ўнутраную турму ГПУ Беларусі былі Максім Гарэцкі, Язэп Дыла, Фларыян Ждановіч, Уладзімір Пракулевіч, Іван Цвікевіч і іншыя [11, с. 205].

Пастановай Савета Народных Камісараў БССР ад 20 лістапада 1929 г. В. Ластоўскі быў вызвалены ад пасады вучонага сакратара Беларускай Акадэміі Навук, а 21 ліпеня 1930 г., калі ён разам з акадэмікам С. Некрашэвічам знаходзіўся ў навуковай камандзіроўцы ў Томску, быў затрыманы на параходзе “Табольск” па справе “Саюза вызвалення Беларусі”, хаця пастанова і ордэр на арышт былі падпісаны яшчэ 18 ліпеня. У тую ж ноч з 18 на 19 ліпеня ў яго кватэры ў Мінску супрацоўнікі ГПУ БССР зрабілі вобыск. Яны забралі, як было адзначана ў пратаколе вобыску, 35 экзэмпляраў часопіса “Крывіч”, усю перапіску, а таксама “рукопісь Ластовскаго и других авторов на 731 листах и полулистах” [17, с. 20].

У Томску В. Ластоўскі доўга не затрымаўся. Адсядзеўшы ў турме некалькі дзён, ён быў этапіраваны ў Мінск, дзе 1 жніўня 1930 г. яму пад распіску аб’явілі пастанову аб заключэнні пад варту, а праз 15 дзён другую – аб прыцягненні да следства ў якасці абвінавачваемага ў прыналежнасці да нелегальнай

контррэвалюцыйнай арганізацыі. Але сама назва арганізацыі – “Саюз вызвалення Беларусі” – спачатку яшчэ не фігуравала ў следчых матэрыялах В. Ластоўскага [17, с. 206].

Больш паўгода вялося следства і толькі 19 лютага 1931 г. было аб’яўлена аб яго заканчэнні. За гэты час Ластоўскага шмат разоў дапытвалі. Вынікі допытаў былі аформлены своеасабліва – былы прэм’ер БНР уласнай рукой выклаў на паперы ўсё, аб чым ішла размова ў кабінетах следчых. Такія паказанні атрымалі назву ўласнаручных. І таму давер да таго, што напісана ўласнаручна, лічыўся непараўнальна большым, чым да таго, дзе стаіць подпіс: “Запісана з маіх слоў верна, мною прачытана”.

6 снежня 1930 г. пастановай СНК БССР Ластоўскі быў пазбаўлены звання акадэміка, а 10 красавіка 1931 г. асуджаны да высылкі на 5 год за межы БССР у г. Саратаў. Там ён працаваў загадчыкам аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў бібліятэкі Саратаўскага ўніверсітэта.

20 жніўня 1937 г. ён зноў быў арыштаваны і 156 сутак знаходзіўся ў турме. Выязная сесія Вайсковай Калегіі Вярхоўнага суда СССР 23 студзеня 1938 г. на зачыненым судовым паседжанні без наяўнасці адваката і сведкаў разгледзела справу Ластоўскага В.Ю. і вынесла прысуд – вышэйшую меру пакарання як “ворагу народа”, “агенту польскай разведкі і ўдзельніку нацыянал-фашысцкай арганізацыі”. У той жа дзень 23 студзеня 1938 г. Ластоўскага В.Ю. растралялі [11, с. 254, 264].

Яго навуковыя працы былі канфіскаваны. 10 чэрвеня 1988 г. з-за адсутнасці складу злачынства першая крымінальная справа ў адносінах да В. Ластоўскага была спынена Вярхоўным судом БССР, а другая – 16 верасня 1988 г. Ваеннай калегіяй Вярхоўнага суда БССР. У 1990 г. ён быў адноўлены ў званні акадэміка [11, с. 242].

Так скончылася жыццё знакамітага самародка беларускай зямлі, першапраходца гісторыі, адраджэнца беларускай дзяржаўнасці. Ён зрабіў усё, “каб Беларусь перастала быць краем, невядомым для саміх беларусаў” і народаў свету. Шматбаковая, актыўная дзейнасць В.Ю. Ластоўскага як публіцыста, пісьменніка і навукоўца мела і мае вялікае пазнавальнае і выхаваўчае значэнне. У яго кнігах, падручніках на вышэйшым філасофскім, навуковым узроўні асэнсавана паняцце нацыянальнай самасвядомасці. Як і большасць яго папличнікаў-адраджэнцаў, ён ставіў пытанне пра нацыянальную

школу ў поўным сэнсе гэтага слова, уключаючы і дэмакратызацыю, гуманізацыю школьнай справы, абавязковае выкладанне на роднай мове, выхаванне ў вучняў высокароднага пачуцця патрыятызму.

Вялікая заслуга В. Ластоўскага ў тым, што ён многае зрабіў па аднаўленню гістарычнай памяці, сінтэзаванню мінулага педагагічнага вопыту і значна ўзбагаціў яго асабістымі аўтарскімі знаходкамі, нацыянальна-гістарычным каларытам, шэрагам навукова-педагагічных ідэй. Стварэнне і развіццё нацыянальнай асветы і школы ён звязваў з гістарычнай адукацыяй, багатай народнай творчасцю беларусаў і выкладаннем на іх роднай мове.

“Найбольш сілы мае той народ, – пісаў В. Ластоўскі, – каторы патрапіў усіх сваіх членаў злучыць у адно, дзе ўсе думаюць і пачуваюць як адзін чалавек, а кожны – так, як усе; аднак такую гарманічную цэласць, што аддзельныя асобы могуць найшырэй выявіць усе свае асаблівасці, усю арыгінальнасць сваёй творчасці” [6, с. 244]. Ён лічыў, што вядомыя ў гісторыі захопніцкія войны – гэта, па сутнасці, агрэсіўнае пашырэнне стылю жыцця адной нацыі на быццё і культуру іншых плямёнаў, народаў і нацый. Раней мацнейшыя дзяржавы з гэтай мэтай вынішчалі слабейшых, цяпер жа яны імкнуцца дэнацыяналізаваць іх, уніфікаваць паводле свайго стылю і ладу жыцця, свае мовы і культуры.

У наш час, вядома, не з усімі поглядамі В. Ластоўскага можна пагадзіцца, не ўсе яго гіпотэзы дастаткова абгрунтаваныя, навукова даказаныя, а мары здзейсненыя. Але гэта не павінна перашкаджаць нам бачыць у яго асобе таленавітага даследчыка, мысляра, плённая дзейнасць якога заўчасна перапынена. Гэта асоба шматгранная: паэт і празаік, этнограф і палітычны дзеяч, педагог і філолаг, журналіст і арганізатар навукі. Яго творы ўведзены ў школьныя праграмы і гэта гарантыя таго, што юныя грамадзяне Рэспублікі Беларусь будуць ведаць гэтага Беларуса з вялікай літары, які даказаў сваімі працамі самабытнасць беларускай культуры і мовы, слаўнай гістарычнай спадчыны. Ён найперш імкнуўся, каб і яго народ заняў “пачэсны пасад між народамі” [18, с. 90]. Сваім прыкладам ён нібы заклікае нас, сённяшніх, не спыняцца перад нязведаным, шукаць вырашэння няпростых, праблемных пытанняў і сітуацый.

Навуковая спадчына В. Ластоўскага можа з вялікай аддачай выкарыстоўвацца і ў нашы дні. Яна дапамагае кожнаму маладому чалавеку выпрацаваць свой нацыянальны ідэал, заснаваны на

багатых гістарычных і духоўных традыцыях, выдатных постацях, глыбока ўсведаміць значэнне бесмяротных каштоўнасцяў мінуўшчыны і разумна дапасавачь іх да сучаснага жыцця. Ён лічыў, што толькі ў еднасці, добрасуседстве, вернасці лепшым нацыянальным традыцыям, любові да сваёй мовы, гісторыі, далучанасці да еўрапейскай, сусветнай цывілізацыі наша духоўная моц і выратаванне.

Выкарыстаная літаратура

1. Беларусь: Энцыкл.даведнік. / Беларус. энцыкл.; Рэд. калегія Б.І. Сачанка (Гал. рэд) і інш.; Маст. М.В. Драко, А.М. Хількевіч, Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1995. – 800 с.

2. Хто такі Вацлаў Ластоўскі // 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі / Уклад. і прадм. І. Саверчанка, З. Санько. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 190 с.

3. Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. / В.Ю. Ластоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1992.– 126 с.

4. Голубеў, В.Ф. і інш. Ці ведаеце Вы гісторыю сваёй краіны? / В.Ф. Голубеў, У.П. Крук, П.А. Лойка. –Мінск: Народная асвета, 1994. – 135 с.

5. Вяртаньня маўклівая споведзь. Постаці творчай беларускай гісторыі ў кантэксце часу. – Мінск: Вышэйшая школа, 1994. – 318 с.

6. Яўрэйская культура Беларусі і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі; Вацлаў Ластоўскі – выдатны дзеяч беларускага адраджэння: Беларусіка. / рэд. Рагойша, Г. Цыхун, З. Шыбека. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 382 с.

7. Ластоўскі В. Што трэба ведаць кожнаму беларусу / В. Ластоўскі. – выд. 3, – Мінск, 1991.

8. Польша – 1994 – № 5. – С 148-172.

9. Спадчына – 1993 – № 5. – С. 42, 43.

10. Арлоў, Уладзімір, Сагановіч, Генадзь. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862-1918). Падзеі. Даты. Ілюстрацыі / У. Арлоў, Г. Сагановіч. – Вільня, “Наша Будучыня”, 2000. – 222 с.

11. Сыны і пасынкі Беларусі. – Мінск: Польша, 1996. – 416 с.

12. Спадчына. – 2001. – № 3. – С. 153-155.

13. Роднае слова. – 1995. – № 4. – С. 158-160.

14. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. Т. 2 / Я. Купала. –Мінск, 1996. – 132 с.

15. Роднае слова. – 2003. – № 3. – С .6-7.

16. Роднае слова. – 2003. – № 10. – С. 6-7.
17. Маладосць. – 1993. – № 8. – С. 203-209.
18. Цэнтр. навук. бібл. НАН Беларусі, Ф.23, Воп.1, Спр.67, Арк.1.
19. 3 гісторыі на ”Вы”: артыкулы, дакументы, успаміны. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – 351 с.
20. Роднае слова. – 1996. – № 3. – С. 90-93.
21. Неман. – 1988. – № 9. – С. 156-163.

ПЛАН СТВАРЭННЯ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ВАЙСКОВЫХ ФАРМІРАВАННЯЎ І ІХ ДЗЕЙНАСЦЬ У 1918-1923 гг.

Багалеіша С.В., кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Агульнавядома, што ні адна нацыя не ў стане дасягнуць незалежнай дзяржаўнасці без стварэння ўласных узброеных сілаў. У гады Першай сусветнай вайны пэўныя захаваны ў гэтым накірунку рабілі і беларускія нацыянальна-свядомыя дзеячы. Аднак, падчас нямецкай акупацыі урад БНР не здолеў стварыць сваю збройную сілу. З нагоды гэтага, беларускія дзеячы пайшлі на больш цеснае вайсковае супрацоўніцтва з літоўскім урадам і гэта з’явілася адным з накірункаў беларуска-літоўскіх узаемаадносін у 1918-1923 гг.

Гэтае пытанне вельмі слаба раскрыта ў нашай навуковай гістарычнай літаратуры, ёсць толькі некаторыя фрагменты і эпизоды, якія датычацца азначанай праблемы.

Беларускія вайсковыя часткі ў Літве адыгралі значную ролю ў абароне незалежнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці нашай Радзімы – Беларусі і толькі неспрыяльная гістарычная сітуацыя не дала ім магчымасці разгарнуцца ў войска, якое б не на словах, а са зброяй у руках абараняла родную зямлю ад чужынцаў.

27 лістапада 1918 г. паміж урадам БНР і літоўскай Тарыбай (урадам Літвы) быў заключаны дагавор аб супрацоўніцтве. Адною з умоў дамовы і было стварэнне беларускіх вайсковых фарміраванняў у Літве [1, с. 297-298]. Дзеля гэтага ўтваралася Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе, якое павінна было кантраляваць фарміраванне беларускіх вайсковых адзінак у Літве. Унутры Міністэрства ствараўся вайсковы сакратарыят, асноўнымі функцыямі якога былі: фарміраванне беларускіх вайсковых частак,

прызначэнне вышэйшага і ніжэйшага каманднага складу, вырашэнне ўсіх пытанняў, звязаных з забеспячэннем і развіццём беларускіх частак літоўскай арміі [14, с. 3]. Менавіта пад гэту справу літоўскі бок і выдзяляў фінансавыя сродкі.

Згодна з дагаворам, беларускія вайсковыя фарміраванні падпарадкоўваліся літоўскаму галоўнакамандуючаму. Урад Літвы вельмі разлічваў на беларускія часткі, бо ваенныя сілы Літвы ў той час былі нязначнымі і знаходзіліся ў стане зародка, а пагроза ёй з боку Польшчы і Савецкай Расіі была рэальнай.

Першым міністрам абароны Літоўскай рэспублікі быў прафесар А. Вальдэмарас, а віцэ-міністрам – запрошаны з Мінска генерал расійскай арміі К.А. Кандратовіч, бо ў той час у літоўскім войску не хапала вопытных афіцэраў. Ён адначасова лічыўся “галоўным камандзірам беларускага войска”. Прызначэннем афіцэраў, якія лічыліся “беларускімі афіцэрамі літоўскай арміі”, у беларускія часткі займаўся літоўскі ўрад, але з санкцыі Міністэрства беларускіх спраў [12, с. 23]. Гэта былі ў асноўным афіцэры былой расійскай арміі, якія прайшлі Першую сусветную вайну. Згодна з беларуска-літоўскім дагаворам ад 27 лістапада 1918 г. беларускія і літоўскія вайсковыя адзінкі павінны былі фарміравацца па прынцыпу колькаснага парытэту, што, аднак, выклікала незадаволенасць сярод літоўскіх афіцэраў, якія настойвалі на колькаснай большасці літоўскіх адзінак.

Згодна з загадам генерала К. Кандратовіча ад 12 снежня 1918 г. планавалася стварыць беларускую брыгаду ў складзе 2-х стралецкіх палкоў ці 6 батальёнаў, асобны артылерыйскі дывізіён, кавалерыйскі полк і інжынерную роту – ўсяго 8 – 10 тыс. чалавек. Праект прадугледжваў дыслакацыю беларускіх аддзелаў у Гродна, Беластоку, Лідзе, Ваўкавыску. Прыкладна 15 снежня 1918 г. у атэлі “Метраполь” у Гродна было адчынена бюро па рэгістрацыі добраахвотнікаў у Першы беларускі полк [11].

Фарміраванне беларуска-літоўскага войска пачалося ў Вільні ў канцы 1918 г. Былі сфарміраваны штабы 1-га і 2-га літоўскіх і 1-га і 2-га беларускіх палкоў. Пасля выезда з Вільні фарміраванні літоўцаў былі пераведзены ў Коўна, беларусаў – у Гродна. Фарміраванне літоўскіх частак на Ковеншчыне пайшло значна хутчэй, чым фарміраванне беларускіх у Гродна, якія мелі на гэта менш фінансавых сродкаў. Становішча ўскладнялася і прысутнасцю

нямецкіх войскаў. Увогуле, фарміраванне палка ішло марудна з-за недахопу сродкаў і памяшканняў. Яшчэ ў пачатку студзеня 1919 г. 1-ы беларускі полк пяхоты не меў узбраення і налічваў толькі 21 афіцэра. На чале яго стаяў палкоўнік М. Лаўрэнцьеў [14, с. 9].

1 снежня 1918 г. была ўтворана беларуская секцыя літоўскага Міністэрства абароны, якой кіраваў капітан Рэмішэўскі [6, с. 87]. Вайсковыя ступені ў беларускім войску былі аднолькавыя са ступенямі ў літоўскай арміі: старшыя афіцэры – палкоўнікі, палкоўнікі-лейтэнанты (г.з. падпалкоўнікі), маёры; малодшыя афіцэры – капітаны, старшыя лейтэнанты (падпаручыкі); ніжэйшы афіцэрскі склад – старэйшыя (узводныя) і малодшыя падафіцэры; салдаты. Генералаў ў беларускім войску, за выключэннем К.А. Кандратовіча, не было.

21 снежня 1918 г. на нарадзе Рады БНР быў заснаваны Савет дзяржаўнай абароны на чале з В. Ластоўскім і генералам К.А. Кандратовічам. У яго распараджэнне перадаваліся 1-ы беларускі полк, 2-і беларускі полк, Гродзенская камендатура і беларускі гусарскі эскадрон. Перад гэтымі сіламі ставілася задача аказваць супраціўленне ўсім, хто выступаў супраць незалежнай беларускай дзяржаўнасці.

У студзені 1919 г. Міністэрствам абароны літоўскага краю штаб 2-га беларускага палка быў расфарміраваны, а ў хуткім часе падаў у адстаўку і генерал Кандратовіч. Фарміраванне 1-га палка, беларускага эскадрону і беларускай камендатуры ў Гродна, тым не менш, працягвалася.

3 канца 1918 г., як ужо адзначалася, цэнтрам беларуска-літоўскага супрацоўніцтва стала Гродна, дзе да красавіка 1919 г. ажыццяўлялася арганізацыя беларускага войска. Там жа працягвала сваю дзейнасць і Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе. Гродна на нейкі час стаў цэнтрам беларускага нацыянальнага руху, але беларускія арганізацыі вымушаны былі працаваць у вельмі складаных умовах. Становішча ўскладнялася свавольствам нямецкіх салдат. Так, у канцы студзеня 1919 г. нямецкія салдаты арыштавалі двух беларускіх афіцэраў, якія везлі 100 000 марак для арганізацыі беларускага палка ў Гродна, і забралі сабе грошы. Увогуле трэба адзначыць, што нямецкае камандаванне не вельмі добра ставілася да справы стварэння беларускіх вайсковых фарміраванняў.

На пачатку студзеня 1919 г. генерал К.А. Кандратовіч і міністр беларускіх спраў Я. Варонка атрымалі паведамленне ад нямецкіх уладаў аб тым, што Антанта абяцала дапамогу літоўцам і беларусам грашовымі сродкамі і ўзбраеннем для арганізацыі літоўска-беларускай арміі для барацьбы з бальшавікамі. Аднак на самой справе ўсё ішло маруднымі тэмпамі, асабліва ў адносінах да беларускіх адзінак [6, с. 90]. Немцы таксама доўгі час не хацелі выдаваць узбраенне беларускім павятовым міліцыянерам.

У той час у Гродна была створана Беларускае камендатура, потым 1-ы беларускі полк пяхоты і эскадрон кавалерыі. У другой палове лютага ў беларускіх частках налічвалася ўжо 80 афіцэраў. Аднак дысцыпліна сярод салдат была слабая, здараліся выпадкі п'янства, адбываліся спрэчкі, якія вымушаны былі ўрэгулёўваць немцы. Адначасова міністр беларускіх спраў Я. Варонка прыкладаў усе намаганні, каб непасрэдна пераняць кантроль над палком ад літоўскага Міністэрства аховы краю. 21 студзеня 1919 г. ён стварыў пры сваёй канцылярыі Вайсковы сакратарыят у складзе В Рыхтара, А. Рэшкі і Б. Гедрайціса, які сам і ўзначаліў. Галоўнай задачай сакратарыята была арганізацыя беларускіх вайсковых частак.

31 студзеня 1919 г. начальнікам штаба 1-га палка і кіраўніком Гродзенскай вайскавай акругі, якая ахоплівала 11 раёнаў, быў прызначаны М. Дзямідаў. 1 лютага ён выдаў загад №1 аб наборы добраахвотнікаў у 1-ы беларускі полк беларуска-літоўскай арміі. Вярбованыя афіцэры былі накіраваны ў Ваўкавыск, Беласток, Слонім, Ліду, Пружаны, Кобрын, Васілішкі, Шчучын і іншыя мясціны. Гэта садзейнічала дастаткова хуткаму росту колькасці салдат.

У канцы лютага 1919 г. у Гродна прыезджаў упаўнаважаны літоўскага ўрада А. Жылінскі разам са сваім сакратаром Лазарайцісам, каб на месцы пазнаёміцца з фарміраваннем беларускага палка. Між іншым, А. Жылінскаму было даручана высветліць пытанне аб магчымай эвакуацыі беларускіх частак, калі гэта спатрэбіцца. Літоўскі ўпаўнаважаны разам з Я. Варонкам, палкоўнікам Б. Гедрайцісам і палкоўнікам М. Лаўрэнцьевым зрабіў першы агляд беларускага палка. А. Жылінскі абыйшоў усе роты, каманды, кухню, гутарыў з некаторымі асобнымі жаўнерамі, пасля чаго выступіў з прамовай. Аднак упаўнаважаны літоўскага ўрада застаўся незадаволены ўбачаным, бо справа фарміравання

беларускага палка, на яго думку, ішла даволі марудна.

4 сакавіка 1919 г. літоўскі ўрад запрасіў на пасаду камандзіра 1-га беларускага палка замест палкоўніка М. Лаўрэнцьева палкоўніка К. Езавітава [7, л. 42]. Ужо 9 сакавіка ён звярнуўся да Старшыні Рады Міністраў БНР з просьбай зацвердзіць абразцы формы для беларускай арміі [7, л. 43]. 27 сакавіка 1919 г. полк афіцыйна атрымаў назву 1-га беларуска-гродзенскага палка пяхоты [7, л. 42]. Ён налічваў 800 чалавек і складаўся з 4-х батальёнаў, якімі камандавалі палкоўнікі Гайдукевіч, Міхайлоўскі, Кузьмін-Караваеў і Волкаў. А. Латышонок лічыць, што 1-ы беларускі полк у той час складаўся з 4-х ротаў [6, с. 87].

У сваёй аўтабіяграфіі К. Езавітаў пісаў, што ў Гродна ён не толькі камандаваў палком, але і замяняў міністра беларускіх спраў Я. Варонку ў сувязі з яго частымі выездамі ў Коўна і правінцыю, а таксама кіраваў беларускім культурна-асветніцкім таварыствам “Бацькаўшчына” і выдаваў беларускую газету “Бацькаўшчына”. К. Езавітаў у сувязі з вялікай грамадскай нагрукай і частымі камандзіроўкамі не меў магчымасці ў належнай меры заняцца справамі палка, правесці ў ім нацыянальнае выхаванне жаўнераў і афіцэраў і ўзмацніць яго як вайсковую сілу. Ён лічыў, што літоўцы зусім не жадалі вайсковага ўмацавання беларускіх частак, гэтак жа, як і не хацелі іх утварэння [13, с. 28]. Пасрэднякам паміж літоўскім міністэрствам абароны і беларускімі часткамі ў Гродна быў палкоўнік Б. Гедрайціс.

Загадам Міністэрства абароны літоўскага краю ад 11 сакавіка 1919 г. было дазволена з 27 лютага пачаць рэгістрацыю пры беларускім вайсковым стане, які займаўся наборам добраахвотнікаў, у беларускія часткі ў Гродна, роты добраахвотнікаў у Коўна ў складзе 200 жаўнераў. 12 красавіка рота ахвотнікаў была перайменавана ў 5-ю роту 1-га беларускага палка, камандзірам якой быў прызначаны афіцэр Яніцкі, але рота, як і раней, стаяла ў Коўна, з складу яе быў выдзелены вучэбны ўзвод для падрыхтоўкі афіцэраў у 2-гі батальён. Большасць салдат была не абмундзіравана, узбраенне роты складалі 18 старых германскіх адназарядных вінтовак [12, с. 24]. 17 красавіка пачалося таксама фарміраванне вяртаўнічых атрадаў колькасным складам 40 чалавек.

У пачатку красавіка пачалася эвакуацыя нямецкіх войскаў з Гродна. Беларускі камандант горада М. Дзіямідаў імкнуўся

ўзмацніць свой гарнізон і нават запрасіў 5-ю роту з Коўна для таго, каб супрацьстаяць палякам. 22 красавіка палякі захапілі Вільню. 28 красавіка нямецкія войскі перадалі палякам Гродна. У горадзе засталася большая частка салдат і афіцэраў 1-га беларускага палка.

Яшчэ напярэдадні гэтых падзей камандзір палка К. Езавітаў хацеў эвакуіраваць полк з Гродна і нават арганізаваў транспарт. Аднак з літоўскага і нямецкага Міністэрстваў абароны прыйшлі тэлеграмы аб затрымцы палка ў горадзе [6, с. 95]. Тады К. Езавітаў перадаў кіраўніцтва палком І. Антонаву і пераехаў у Коўна. 27 красавіка ў Гродна з'явіліся польскія часткі, якія абязброілі беларускіх жаўнераў, арыштавалі частку афіцэраў і салдат. Газета "Беларуская думка" паведаміла, што 1-ы беларускі полк застаўся ў Гродна і працягваў гарнізонную службу, адносіны да яго польскага войска спакойныя [4].

Канчатковыя прычыны, па якіх беларускі полк застаўся ў Гродна, да сённяшняга часу невядомыя. Ёсць меркаванне, што большая частка афіцэраў разумела неабходнасць эвакуацыі з горада. Неаднаразова настойваў на эвакуацыі палкоўнік М. Лаўрэнцьеў. Прычыны, па якіх 1-ы беларускі полк застаўся ў Гродна, відавочна, непасрэдна звязаны з палітычным кантэкстам.

11 чэрвеня польскае камандаванне падзяліла салдат палка па веравызнанню. Католікі былі накіраваны ў польскія адзінкі, праваслаўных і яўрэяў дэмабілізавалі. Такім чынам, 1-ы беларускі полк быў абязброены палякамі [7, л. 160]. Раззбраенне ў Гродна беларускага палка, найбольшай беларускай вайсковай адзінкі, было для беларусаў вельмі значнай стратай. Беларускія гісторыкі ўскладаюць віну за гэта менавіта на польскі бок. Частка нацыянальных дзеячоў абвінавачвала літоўскі бок, які імкнуўся знайсці паразуменне з палякамі, не ўлічваючы інтарэсаў беларусаў. Засецкі М. лічыў, што беларускае войска засталася ў Гродна з-за недагляду Міністэрства абароны Літвы і сепаратнай палітыкі некаторых афіцэраў. Войска засталася ў зоне польскай акупацыі з умовай, што яно можа выйсці адтуль па свайму жаданню. На практыцы дамова з палякамі прывяла да таго, што, акрамя раззбраення, частка вайскоўцаў, асабліва афіцэраў, былі кінуты ў турмы [5, с. 6]. Раззбраенне палякамі 1-га беларускага палка значна пагоршыла і ўскладніла польска-беларускія адносіны.

З пераездам Міністэрства беларускіх спраў у Коўна ў красавіку

1919 г., сталіца Літвы на некаторы час стала цэнтрам беларускага нацыянальнага жыцця. Там працягвалі сваё развіццё беларускія вайсковыя адзінкі. Пасля ліквідацыі 1-га гродзенскага палка беларускія вайсковыя фарміраванні знаходзіліся ў цяжкім стане: засталіся 5-я рота Віленскага палка (каля 200 чалавек), вартаўнічая частка (40 чалавек) і эскадрон гусар.

У чэрвені 1919 г. у Коўна 5-я рота была перайменавана ў “1-ю асобную беларускую роту”, а эскадрон у “2-ю асобную беларускую роту” [12, с. 24-25]. Гэтыя беларускія вайсковыя адзінкі прымалі ўдзел у баях супраць палякаў. 27 чэрвеня адбыўся агляд беларускай роты, на якім прысутнічаў літоўскі галоўнакамандуючы генерал С. Жукаўскас. Фактычна 1-я беларуская рота падпарадкоўвалася камандзіру Марыямпальскага асобнага батальёна, у складзе якога яна знаходзілася амаль што 4 месяцы.

10 кастрычніка 1919 г. у Коўна адбылася нарада, звязаная з пашырэннем беларускіх вайсковых фарміраванняў у Літве, на якой прысутнічалі міністр беларускіх спраў Я. Варонка, галоўнакамандуючы літоўскай арміі генерал Ф. Летукас, начальнік беларускага вайсковага бюро В. Казлоў, камандзіры беларускага эскадрона М. Глінскі і 2-й асобнай роты А. Ганзен [15, с. 12].

Загадам Галоўнакамандуючага ад 9 лістапада 1919 г. было расфарміравана беларускае вайсковае бюро, а яго кіраўнік В. Казлоў быў прызначаны афіцэрам сувязі пры Генеральным штабе Літвы для падтрымання зносін паміж Міністэрствам краёвай абароны, Міністэрствам беларускіх спраў і беларускім войскам [16, с. 16].

17 лістапада 1919 г. загадам па літоўскаму войску абедзве асобныя роты былі аб’яднаны ў Беларускі пяхотны батальён у складзе літоўскай арміі, камандзірам якога быў прызначаны маёр А. Ружанец-Ружанцаў (А. Смаленец). У пачатку снежня ў складзе батальёна былі сфарміраваны пададзелы сувязі і кулямётны пададзел. Былыя гусары сталі тэлефаністамі, коннікамі і г. д.

3 студзеня 1920 г. служба ў беларускіх вайсковых частках праходзіла ў даволі спакойных умовах, але адносіны з палякамі былі не вельмі прыхільнымі. Гэты час быў выкарыстаны для выхавання ў салдат грамадзянскай свядомасці, павышэння іх адукацыйнага і культурнага ўзроўню. У гэтым напрамку было зроблена некалькі крокаў: створана вайсковая гістарычная камісія,

якая займалася зборам і апрацоўкай усіх матэрыялаў аб удзелу беларусаў у беларуска-літоўскіх фарміраваннях; з канца 1919 г. на беларускай мове выдаваўся часопіс “Варта Бацькаўшчыны”, у якім друкаваліся афіцыйная хроніка, творы афіцэраў, жаўнераў, карыкатуры і малюнкi з вайсковага жыцця [8, л. 18]. Вялікую дапамогу ў адукацыйна-культурнай справе аказваў міністр беларускіх спраў Я. Варонка.

1 красавіка 1920 г. Беларускі асобны батальён быў перафарміраваны ў Беларускую асобную роту, камандзірам якой застаўся А. Ружанцаў [12, с. 28]. Колькасць беларускіх адзінак была значна зменшана. Беларускія часткі знаходзіліся на дэмаркацыйнай лініі з палякамі на ўчастку Клічава-Галайдайка-Антокаль-Кіркаліс з штабам у маёнтку Рудмінішкі і ў Казлоўшчыне [12, с. 29].

У сувязі з падпісаннем 12 ліпеня 1920 г. савецка-літоўскага дагавора адбыліся значныя змены ў становішчы беларускіх вайсковых адзінак у Літве. Згодна з дагаворам, Літва павінна была атрымаць Вільню, Гродна і Ліду, таму літоўскія войскі рушылі за дэмаркацыйную лінію і пачаліся сутычкі з палякамі. Разам з літоўскім войскам рушыла наперад і беларуская рота. З другой паловы жніўня 1920 г. беларускія жаўнеры неслі пагранічную службу пад Браславам. Знаходжанне беларускіх салдат на гэтай тэрыторыі садзейнічала нацыянальнаму адраджэнню, пачала развівацца беларуская мова, ставіліся беларускія спектаклі, распаўсюджвалася беларуская газета “Пагоня”, у Браславе была створана пажарная служба.

27 верасня 1920 г. у Вільні пачалося фарміраванне Беларускага асобнага батальёна (БАБ), камандзірам якога быў прызначаны палкоўнік, загадчык афіцэрскіх курсаў М. Успенскі [8, л. 11].

Пасля захопу войскамі генерала Л. Жалігоўскага Віленшчыны і ўтварэння Сярэдняй Літвы фарміраванне БАБ было перанесена ў Коўна, асобная беларуская рота не ўвайшла ў склад батальёна, а працягвала заставацца на фронце. 31 кастрычніка адбыліся змены ў кіраўніцтве роты: маёр А. Ружанцаў быў адазваны ў Коўна, а камандзірам на яго месца прызначаны штабс-капітан Благавешчанскі. Літоўцы вырашылі зрабіць БАБ ідэалагічным і падрыхтоўчым цэнтрам антыпольскага партызанскага руху на акупіраванай тэрыторыі Беларусі. Беларускія жаўнеры прымалі ўдзел у барацьбе з палякамі. Гэта працягвалася да вясны 1923 г.,

калі вядучыя заходнееўрапейскія дзяржавы прызналі ўсходнюю мяжу Польшчы разам з тэрыторыяй Сярэдняй Літвы.

У той час назіраліся значныя змены ў беларуска-літоўскім супрацоўніцтве. 20 лістапада 1920 г. быў заключаны дагавор аб супрацоўніцтве паміж урадамі БНР і Літвы. Згодна з ім, В. Ластоўскі пагадзіўся на выкарыстанне беларускіх вайсковых фарміраванняў, створаных на літоўскай тэрыторыі, для абароны літоўскіх зямель. У сувязі з гэтым бакі падпісалі асобныя ўмовы [2, с. 954].

Яшчэ 19 лістапада 1920 г. А. Аўсяннік, прадстаўнік БНР у Літве, падаў міністру замежных спраў Літоўскай рэспублікі праект фарміравання беларускага нацыянальнага войска на літоўскай тэрыторыі. Згодна з ім, урад БНР абавязваўся прыступіць да фарміравання беларускага нацыянальнага войска як шляхам падбору ахвотнікаў, так і мабілізацыі сваіх грамадзян на тэрыторыі Літвы. Урад БНР абавязваўся падпарадкоўваць сваё войска Галоўнаму штабу літоўскай арміі, у склад якога павінны ўвайсці прадстаўнікі Міністэрства абароны Беларусі. Падрыхтоўку беларускага войска, экіпіроўку і поўнае ўтрыманне брала на сябе Літоўская рэспубліка да часу ўступлення беларускага войска на ўласную тэрыторыю [9, л. 8].

1 снежня 1920 г. у Коўна была пераведзена 1-я рота і ўзвод кулямётнай роты, дзе яны былі ўрачыста сустрэты і ўвайшлі ў склад Беларускага батальёна, у які ўваходзіла каля 500 чалавек.

4 студзеня 1921 г. была адноўлена камісія па культурна-адукацыйнай працы ў батальёне ў складзе падпаручыка Маёрава і прапаршчыкаў Якаўлева і Дубяс.

У сувязі з распачатым польска-літоўскім канфліктам урад БНР 29 сакавіка накіраваў ўраду Літвы даклад аб палітычным стане на Беларусі, у якім прапанаваў цэлы шэраг мерапрыемстваў, якія датычыліся пашырэння беларускіх вайсковых частак у літоўскім войску. Ён прапаноўваў літоўскім уладам больш увагі ўдзяляць фарміраванню нацыянальна-свядомых беларускіх вайсковых адзінак у складзе літоўскага войска, якія б вялі барацьбу на баку Літвы [2, с. 1068]. Падчас польска-літоўскага канфлікту літоўцы вырашылі выкарыстаць беларускія вайсковыя фарміраванні для барацьбы за Вільню. Літоўскі ўрад імкнуўся ўзняць на тэрыторыі Сярэдняй Літвы паўстанне, накіраванае супраць ўключэння Вільні і

Віленшчыны ў склад Польшчы. Важная роля пры гэтым адводзілася беларускім вайсковым адзінкам у Літве. Аднак узняць паўстанне так і не ўдалося.

У канцы красавіка 1921 г. літаратурны аддзел літоўскага Генеральнага штаба пачаў выдаваць для беларускіх частак літоўскай арміі на беларускай мове двухтыднёвы часопіс “Вайсковы” [10, с. 29]. Рэдактарам выдання быў начальнік вайскавай бібліятэкі маёр А. Ружанцаў. Дакладна яшчэ не вызначана, як доўга выходзіла гэтае выданне. Ёсць меркаванне, што яно існавала да студзеня 1922 г. Галоўная задача “Вайсковага” была вызначана наступным чынам: “навучыць змагацца супраць ворага са зброяй, а пасля жыць у вольнай, шчаслівай і незалежнай Літве” [3]. Двухтыднёвік быў вельмі разнастайным па характару сваіх матэрыялаў, меў некалькі рубрык і карыстаўся папулярнасцю сярод беларускіх жаўнераў, бо на яго старонках публікаваліся творы, прасякнутыя пачуццямі мужнасці і патрыятызму. За час існавання беларускіх адзінак іх афіцэры знаходзілі час і сродкі для правядзення культурна-адукацыйнай працы сярод сваіх падначаленых, што ўзнімала узровень нацыянальнай свядомасці і адукацыі апошніх.

25 красавіка 1921 г. беларускі батальён быў перафарміраваны ў Асобную беларускую роту, якая ў тым жа годзе была расфарміравана. Беларускія вайсковыя фарміраванні ў Літве спынілі сваё існаванне.

Дзейнасць беларускіх вайсковых фарміраванняў у Літве – з’ява цікавая і складаная. Імкненне стварыць свае ўласныя ўзброеныя сілы было заўсёды моцным сярод беларускіх нацыянальных дзеячоў. Але зрабіць гэта Беларуская Народная Рэспубліка так і не здолела, хоць беларусы вельмі разлічвалі на дапамогу літоўцаў. Яны спадзяваліся, што ў будучым гэтыя часткі змогуць стаць зародкам беларускага нацыянальнага войска. На пачатку літоўскі бок быў таксама зацікаўлены ў вайсковым супрацоўніцтве. Яго ўласныя ўзброеныя сілы былі нязначнымі, а пагроза незалежнасці для Літвы з боку Польшчы і Савецкай Расіі была рэальнай. Таму для дасягнення сваіх палітычных мэтай літоўскія дзеячы вельмі разлічвалі на дапамогу беларускіх вайсковых частак. Аднак гэтая зацікаўленасць была нядоўгай. У 1923 г. вядучыя еўрапейскія дзяржавы прызналі ўсходнюю граніцу Польшчы разам з

тэрыторыяй Сярэдняй Літвы. У сувязі са зменай міжнароднай сітуацыі літоўскі бок страціў інтарэс да супрацоўніцтва з беларусамі, у тым ліку, і ваеннага.

Выкарыстаная літаратура

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: У 2 кн. / Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва; Склад. С. Шупа. – Вільня – Нью-Ёрк – Мінск – Прага, 1998. – Т. 1. – Кн. 1. – 860 с

2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: У 2 кн. / Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва; Склад. С. Шупа. – Вільня – Нью-Ёрк – Мінск – Прага, 1998. – Т. 1. – Кн. 2. – 1721 с

3. Астрога, В. Марш да Беларусі // Голас Радзімы. – 1998. – 30 красавіка.

4. Беларуская думка. – 1919. – 16 мая.

5. Засецкі, М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання. Кароткі нарыс // Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919 – № 1. – С. 3-9.

6. Latyszonek, O. Białoruskie formacje wojskowe 1917-1923. Białorus. T-wo. Historyczne. – Białystok, 1995. – 273 s.

7. Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 325 (Фонд БНР). – Воп. 1. – Спр. 22. – Л. 42, 43, 160.

8. Там жа. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 27. – Л. 11, 18.

9. Там жа – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 57. – Л. 8.

10. Там жа. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 178. – Л. 29.

11. Наше утро. – 1918. – № 6.

12. Ружанцаў А. Беларускія войскі ў Літве. 1918-1920 гг. Кароткі вайскова-гістарычны агляд // Спадчына. – 1993. – № 4. – С. 23-36.

13. Уласнаручныя паказанні Езавітава К. З арх. КДБ // Полацк. – 1993. – № 4. – С. 27-31.

14. Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 1.

15. Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 2.

16. Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 3-4.

ДА ПЫТАННЯ АБ ДЗЕЙНАСЦІ ЕЗУІТАЎ ПА ЎКАРАНЕННІ ТЭАКРАТЫЧНАГА КАМУНІЗМУ Ў САЦЫЯЛЬНУЮ ПРАКТЫКУ

А.І. Багдановіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Усім, хто вывучаў філасофію, вядома пра кнігу калабрыйскага манаха-дамініканца Тамазо Кампанелы “Горад сонца”, у якой апісана ідэальная дзяржава, дзе ўсе грамадзяне роўнапраўныя і шчаслівыя. Яна была выдадзена ў 1623 г. і атрымала сусветную вядомасць як узор апісання сацыяльнай утопіі. (Слова “утопія” перакладаецца з грэчаскай мовы як “месца, якога няма”, у слоўнік яно ўпісана Томасам Морам яшчэ ў 1516 г., калі той напісаў кнігу пад аналагічнай назвай. Менавіта ён і даў імя жанру ўтопіі ў навуковай і мастацкай літаратуры). Аднак не ўсім вядома, што “Горад сонца” зусім не ўтопія, а ледзь не “партрэт з прыроды” дзяржавы, якая рэальна існавала ў гісторыі. Сапраўднае існаванне дзяржавы, якую апісаў Т. Кампанела, у XVII – XVIII стст. не было вялікім сакрэтам для грамадскасці. Такая дзяржава, насамрэч, была створана ў Парагваі манахамі ордэна езуітаў.

Гісторыя гэтай дзяржавы знайшла адлюстраванне ў шматлікіх даследаваннях і публікацыях, прысвечаных місіянерскай дзейнасці каталіцкай царквы [4, 11], гісторыі ордэна езуітаў [1, 2, 5], хрысціянскаму сацыялізму [3, 6, 7, 8, 9, 10]. Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца спроба прасачыць асноўныя этапы гісторыі гэтай дзяржавы, прааналізаваць прычыны яе ўзнікнення, прынцыпы дзяржаўнага і сацыяльна-эканамічнага ўладкавання, а таксама прычыны зыходу яе з гістарычнай арэны.

Узнікла гэта дзяржава на тэрыторыі сучаснага Парагвая. Да прыходу еўрапейцаў Парагвай засялялі паўкачавыя плямёны індзейцаў, найбольш шматлікімі і развітымі з якіх былі плямёны гуарані. Да часу з’яўлення іспанцаў яны не толькі не мелі ўласнай дзяржавы, але нават не ведалі адзення. Вандроўца з Баварыі Ульрых Шмідль пісаў у кнізе сваіх успамінаў: “І жанчыны, і мужчыны тут ходзяць зусім голяыя, якімі стварыў іх усемагутны Бог” [11, с. 12].

Плямёны гуарані складаліся з незлічонага мноства дробных кланаў, раскіданых па неабсяжных прасторах. Яны жылі ў вёсках, размешчаных па ўскраінах лясоў і па берагах рэк, здабывалі сабе пражытак паляваннем, рыбнай лоўляй, збіраннем мёду дзікіх пчол,

земляробствам і жывёлагадоўляй, сеялі маніёку, з якой гатавалі кассаву, апрацоўвалі маіс і двойчы ў год збіралі ўраджай, разводзілі курэй, гусей, качак, папугаяў, свіней і сабак, якіх ужывалі ў ежу. Нават вядомыя выпадкі, калі яны мэтанакіравана адкормлівалі сваіх жанчын для таго, каб затым выкарыстаць іх у якасці ежы. Ствараць дзяржаву ў асяроддзі гуарані было справай нялёгкай, бо качавыя плямёны былі канібаламі, яшчэ не ведалі жалезных прылад працы, а паўшага ў бітве ворага разглядалі ў якасці ежы. [8, с. 24-26].

Трэба адзначыць, што неразвітасць і першабытнасць гуарані, з аднаго боку, былі перашкодай для іх цывілізацыі, а з іншага боку, гэта акалічнасць з'явілася сур'ёзнай дапамогай для айцоў езуітаў. Людзі гэтыя былі як бы чыстым і падатлівым матэрыялам, з дапамогай якога толькі і можна было праводзіць сацыяльныя эксперыменты па пабудове камунізму, бо гуарані не ведалі яшчэ прыватнай уласнасці [7, с. 103].

Першыя члены ордэна езуітаў з'явіліся ў Парагваі ў 1580-х гг. У той час ордэн валодаў велізарнымі прывілеямі і неўзабаве стаў своеасаблівай спецслужбай Ватыкана. Першая мэта ордэна заключалася ў ахове каталіцкай веры і місіянерскай дзейнасці сярод язычнікаў і ерэтыкаў. Езуіты не толькі былі галоўнай зброяй каталіцкай царквы падчас контррэфармацыі, але і апантанымі місіянерамі, якія самааддана шчыравалі на ніве хрышчэння “дзікіх народаў”. У 1608 г. кароль Іспаніі Філіп III (1578 – 1621 гг.) папрасіў езуітаў падрыхтаваць місіі для хрышчэння індзейцаў. Апроч асветніцкай, Філіп III праследваў утылітарную мэту: надаць гуарані аседласць і цэнтралізацыю, каб стала прасцей засцерагаць іх ад набегаў “паўлістаў” (назва паходзіць ад штата Сан Паўлу, тагачаснага цэнтра рабагандлю) – разбойнікаў і паляўнічых за рабамі з суседняй партугальскай Бразіліі [11, с. 14]. Спыненне гандлю рабамі, нягледзячы на шматгадовыя высілкі, аказалася зусім непасільнай задачай для іспанскай кароны.

Езуіты ж дамагліся таго, што індзейцы вялікіх абласцей Парагвая набылі бяспеку ад набегаў паўлістаў. Для гэтага яны прызвычалі індзейцаў да аседлага жыцця і перасялілі ў буйныя паселішчы, названыя рэдукцыямі (ад ісп. *reducir* – ператвараць, звяртаць, прыводзіць да веры). Першая рэдукцыя была заснавана ў 1609 г. Менавіта тады ўзнікла ідэя сяліць як хрышчоных, так і чакаючых хрышчэння індзейцаў у асобных паселішчах – “рэдукцыях”, якімі

кіравалі святары ордэна [8]. Урэшце, езуіты ўтварылі 31 рэдукцыю з насельніцтвам ад 250 да 8 тыс. чалавек у кожнай. Іх аб'яднанне і назвалі "дзяржавай езуітаў". Рэдукцыі ўяўлялі сабою ўмацаваныя паселішчы, у кожным з якіх былі толькі два айцы-езуіты – адміністратар і духоўнік. Акрамя таго, была адміністрацыя з тубыльцаў – "карэхідаў", на чале з касікам, гэта значыць, старэйшынай роду. На ўсе грамадскія пасады раз у год прызначаліся выбары, у якіх удзельнічала ўсё насельніцтва рэдукцыі. Частыя набегі "паўлістаў" прымусілі езуітаў да 1639 г. стварыць з індзейцаў сваё войска, – добра навучанае, узброенае стрэльбамі і кіруемае афіцэрамі-індзейцамі [4, с. 86].

Па розных падліках, гэта войска налічвала каля 12 тыс. чалавек. Яно было, відаць, вырашальнай ваеннай сілай у гэтым рэгіёне. Спачатку, відаць, існаваў план стварэння вялікай дзяржавы з выхадам да Атлантычнага акіяна, але гэтаму перашкодзілі набегі паўлістаў. Пачынаючы з 1640 г., езуіты ўзброілі індзейцаў і з баямі перасялілі іх у цяжкадаступны раён, абмежаваны, з аднаго боку, Андамі, а з другога, парогамі рэк Парана, Ла-Плата і Уругвай. Уся гэта краіна была пакрыта сеткай рэдукцый. Ужо ў 1645 г. езуіты Машэта і Каталадзіна атрымалі ад іспанскай кароны прывілей, які вызваляў валоданні таварыства Ісуса ад падначалення іспанскім каланіяльным уладам і ад выплаты дзесяціны мясцоваму біскупу. Езуіты дамагліся неўзабаве права ўзброіць індзейцаў агнястрэльнай зброяй (насуперак безумоўнай забароне, уведзенай іспанскімі ўладамі ва ўсёй Паўднёвай Амерыцы) і стварылі з гуарані моцнае войска [10, с. 204].

Ідэю стварыць хрысціянска-камуністычную дзяржаву ў Парагваі прыпісваюць менавіта айцам езуітам Сымону Машэце і Катальдзіна. Айцы-ідэолагі жылі ў лясах разам з гуарані. Па некаторых звестках, гэта яны распрацавалі праект такой дзяржавы, выкарыстоўваючы ў якасці ўзору "Горад Сонца" Т. Кампанелы. Па думцы заснавальнікаў, дзяржава стваралася для арганізацыі правільнага рэлігійнага жыцця вернікаў у духу першых хрысціян. Мэтай яго было выратаванне душы. У аснову дзяржавы былі пакладзены камуністычная гаспадарка, маёмасная роўнасць і ізаляцыя ад астатняга свету [3, с. 7]. Але непасрэдную працу па стварэнні езуіцкай дзяржавы распачалі айцы езуіты Дзіега дэ Торэс і Монтохі. Першы з іх стаў плябаніям ўтворанай у 1607 г. "правінцыі" езуітаў у Парагваі [6, с. 61].

Камуністычны тэакратызм, уведзены манахамі езуітамі, не з'яўляўся адлюстраваннем якой-небудзь кніжнай дактрыны, але ён моцна нагадваў некаторыя з ідэй Т. Кампанелы. Ва ўсякім разе, можна сказаць, што дзяржава, арганізаваная ў Парагваі айцамі езуітамі, была заснаваная на шэрагу падобных ідэй. Езуіты тут выступаюць у ролі Платонаўскіх філосафаў, дэспатычных кіраўнікоў дзяржавы, якія жывуць па-манаску, але вядуць камуністычную гаспадарку. Паслядоўны і сістэматычны камунізм, на якім заснавана цэлая дзяржава – гэта сапраўды незвычайна арыгінальны і цікавы сацыяльны эксперымент. Парагвайскі досвед адыграў вялікую ролю ў гісторыі дзяржаўных устаноў Заходняй Еўропы, якая ў тую эпоху ўжо трывожна шукала новыя сацыяльна-палітычныя шляхі грамадскага развіцця [5, с. 24]

У зносінах з іспанскім урадам езуіты настойліва адхілялі абвінавачванні ў тым, што стварылі ў Парагваі незалежную дзяржаву. У рэчаіснасці некаторыя абвінавачванні былі перабольшаны, напрыклад, кніга аб "парагвайскім імператары" з яго партрэтамі, а выпушчаныя быццам бы ім манеты былі падробкай ворагаў езуітаў. Але несумненна тое, што кантралюемая езуітамі вобласць была настолькі ізалявана ад навакольнага свету, што магла лічыцца незалежнай дзяржавай ці дамініёнам Іспаніі [10, с. 208].

З 1645 г. дзяржава езуітаў увайшла ў пару свайго росквіту. Узброеныя сілы дзяржавы езуітаў умешваліся ў міжусобныя войны, не раз бралі штурмам сталіцу Асунсіён, перамагалі партугальскія войскі, вызвалілі Буэнас-Айрэс ад аблогі англічан. Падчас смуты імі быў пабіты намеснік Парагвая дон Хазэ Анцэвера. У бітвах удзельнічала па некалькі тысяч гуарані, узброеных агнястрэльнай зброяй, пешых і конных. Гэта войска стала выклікаць усё большыя асцярогі іспанскага ўрада [10, с. 210].

Айцец Антонія Сеп, які наведаў адну з найбуйнейшых рэдукцый, Япею, знайшоў там раскошныя будынкі з каменю і дрэва. У рэдукцыі былі цагельні, печы для абпалу вапны, млыны, фарбоўні, ліцейні для званоў. Меліся там таксама арсенал, турма, прадзільня для старых жанчын, аптэка, лякарня, гасцініца. Вакол дамоў гуарані было шмат садоў, плантацыі тытуню, палі пшаніцы, бабоў і гароху, рысавыя чэкі. Зрэшты, самі дамы тубыльцаў былі простымі – аднапакаёвыя хаты з трыснягу ці з каменю без навясных дзвярэй, вокнаў і дымаходаў [9, с. 45].

Прыватнай уласнасці ў дзяржаве не было, што не супярэчыла традыцыям гуарані, якія не ведалі ўласнасці. Праўда, кожнай сям'і выдаваўся невялікі асабісты ўчастак, на якім можна было працаваць не больш за тры дні ў тыдзень. Астатні час займала праца на грамадскую гаспадарку. Усё вырабленае змяшчалася ў грамадскія склады, адкуль усім выдавалася пароўну. Грошы ўжываліся толькі на вясельным абрадзе: жаніх "дарыў" нявесце манету, але пасля вячання манета вярталася ў агульную казну. Хоць гандаль унутры рэдукцыі адсутнічаў, аднак існаваў дзяржаўны знешні гандаль: прадукты сельскай гаспадаркі і прамысловыя вырабы сплаўляліся па Паране да акіяна і там абменьваліся на неабходныя дзяржаве рэчы. Індзейцаў у такіх вандраваннях заўсёды суправаджаў святар. За час існавання дзяржавы езуіты ўкаранілі прагрэсіўныя агра-тэхнічныя тэхналогіі, у выніку гуарані здолелі цалкам забяспечыць сябе прадуктамі. Сталі квітнець розныя віды рамёстваў, у тым ліку, ювелірнае, гадзіннікавае, швейнае, суднабудаўнічае: гуарані будавалі караблі нават большыя, чым будаваліся ў той час на лонданскіх верфях. Расквіталі рамёствы: ткацтва, разьба па дрэве і каменю, ганчарная справа [6, с. 72].

Неабходна адзначыць, што гуарані былі надзіва таленавітымі майстрамі. Досыць было толькі паказаць ім крыж, падсвечнік, ладанку і даць матэрыял, каб яны зрабілі такі ж. І пасля заканчэння працы іх выраб нельга было адрозніць ад мадэлі, якую яны мелі перад сабой у якасці ўзору. Тым не менш, айцы езуіты часта скардзіліся на нізкае развіццё гуарані, "...ніколі не дзеючыя ў згодзе з розумам, яны павінны былі пражыць яшчэ некалькі стагоддзяў сацыяльнага дзяцінства, перш чым дасягнуць той сталасці, якая з'яўляецца неабходнай умовай поўнага ўладання свабодай." – пісаў у сваім лісце езуіт Эскадон [10, с. 146]. У гэтым жа лісце ён адзначыў: "Па праўдзе і без найменшага перабольшання, ніхто з іх не валодае вялікімі здольнасцямі, кемліваасцю і здольнасцю да разумнага сэнсу, чым мы гэта бачым ў дзяцей ў Еўропе, якія могуць чытаць, пісаць, вучацца, але, якія, тым не менш, не ў стане кіраваць сабой". Гэтыя сведчанні добра ілюструюць стаўленне гуарані да асабістага ўчастку зямлі і да ўсіх формаў грамадскай уласнасці. Праца на супольнай зямлі была абавязковай для ўсіх індзейцаў, уключаючы і адміністрацыю, і рамеснікаў. За працай увесь час назіралі інспектары, вылоўліваючы нядбайных, вінаватых жорстка

караліся. Участак асабістай зямлі надзяляўся індзейцу ў момант жаніцьбы. Ён не быў спадчынным, і, нават, калі пасля смерці індзейца заставаліся ўдава і дзеці, участак адыходзіў у агульны фонд, а дзеці і ўдава паступалі на ўтрыманне місіі. Працы на асабістым участку прадпісваліся і рэгуляваліся адміністрацыяй так жа, як і на грамадскіх. Ураджай з яго таксама знаходзіўся пад кантролем ва ўсіх місіях. Відавочна, калі б над індзейцамі не было цвёрдай рукі, то яны б без усякіх сродкаў існавання [10, с. 149].

Тыя, хто наведваў дзяржаву езуітаў у Парагваі, аднадушна звярталі ўвагу на адрозненні ў апрацоўцы грамадскай і асабістай зямлі: у той час, як грамадскія землі былі старанна апрацаваныя, асабістыя ўчасткі здзіўлялі сваім запушчаным выглядам. Езуіты шмат разоў скардзіліся на абьякавасць індзейцаў да працы на сваім полі: яны хутчэй гатовы былі сцяраць любое пакаранне за дрэнна апрацаваны ўчастак і жыць на грамадскія запасы. Па некалькі разоў запар індзейцы маглі з'ядаць выдадзенае ім насенне і прыходзіць да касіка за новым насеннем, нягледзячы на тое, што за гэта іх моцна высякуць кнутамі. Прычыну гэтага езуіты бачылі ў "дзіцячым" характары псіхікі індзейцаў. Айцец Кардзіельс пісаў у 1758 г.: "140 гадоў мы змагаемся з гэтым, але наўрад ці што-небудзь палепшылася. І пакуль яны будуць валодаць толькі розумам дзіцяці, нішто ў іх жыцці не палепшыцца" [10, с. 156].

Абшчыны валодалі велізарнымі статкамі коней і быкоў, якія пасвіліся на бязмежных прасторах пампасаў. Супольныя быкі даваліся індзейцам у карыстанне для апрацоўкі сваіх участкаў. Аднак часам індзеец забіваў аднаго ці абодвух быкоў, каб уволю паесці мяса і паведамляў, што быкі згубіліся, за што разлічваўся сваёй спіною, якая вытрымлівала даволі жорсткія цялесныя пакаранні. І гэта нягледзячы на тое, што мяса грамадскіх быкоў раздавалася жыхарам па 2 – 3 разы ў тыдзень. У прызначаны дзень яны адпраўляліся на склад рэдукцыі, дзе кладаўшычк выклікаў кожнага па імені і выдаваў па роўнаму кавалку мяса на чалавека. Неабходна адзначыць, што ў гэтых заганах сваёй паствы была значная доля віны саміх айцоў езуітаў. У гісторыі індзейскіх рэдукцый сустракаюцца дакументы, у якіх гаварылася аб тым, што гуарані можна даваць штосьці такое, каб яны адчувалі сябе задаволенымі, але адначасова трэба сачыць, каб у іх не з'явілася пачуццё зацікаўленасці [10, с. 167]. Толькі ў канцы свайго

владарства езуіты спрабавалі развіць у гуарані прыватную ініцыятыву, напрыклад, раздавалі жывёлу ў прыватную ўласнасць. Але гісторыя не адпусціла ім дастаткова часу, каб развіць у індзейцаў пачуцці дбайнага ўласніка маёмасці.

Усё жыццё рэдукцый была рэгламентавана царкоўнымі пастановамі. Былі збудаваны велічныя, багата ўпрыгожаныя храмы. Прысутнасць на набажэнствах усіх жыхароў рэдукцыі была абавязковай. Усе прычашчаліся ўстаноўленую колькасць разоў. Інакш кажучы, усе жыхары рэдукцыі складалі адзін прыход, прычым назіралася дзіўная паслухмянасць духоўным айцам. Поль Лафарг у сваёй працы прыводзіць сведчанні езуіта Шарлевуа, які адзначаў, што раніцай і ўвечары, нават і пасля працы, усе адпраўляліся ў храмы, якія ніколі не пуставалі. У іх заўсёды прысутнічала значная колькасць прыхажан, якія праводзілі свой вольны час у малітвах [5, с. 27].

Індзейцы-гуарані, як ужо адзначалася, былі надзіва таленавітымі людзьмі. Іх таленты праявіліся ў музыцы. З гэтага народа неўзабаве выраслі выдатныя музыканты, кампазітары, спевакі. Аднак музычнае мастацтва было пераважна царкоўным. Іспанскую мову і літаратуру тубыльцы ведалі дрэнна: яны навучаліся на роднай мове (езуіты стварылі азбуку мовы гуарані). У рэдукцыі Кардова была ўласная друкарня, у якой выдавалася пераважна царкоўная літаратура і жыцця святых [5, с. 31]. Зрэшты, гэтыя меркаванні пра татальную культывасць культуры могуць быць падвергнуты сумненню, паколькі вядома, што музычныя інструменты, зробленыя гуарані, славіліся на ўсім кантыненте. Ёсць звесткі пра аркестры і танцавальныя ансамблі, якія, як вядома, у набажэнствах не ўжываліся [6, с. 78].

Узровень злачыннасці ў дзяржаве езуітаў быў надзвычай нізкі. У пераважнай большасці выпадкаў пакаранні абмяжоўваліся епітэм'яй (малітва і пост), заўвагамі ці публічнай вымовай. Праўда, часам даводзілася ўжываць больш сур'ёзныя меры: пакаранне палкай (не больш за 25 удараў) ці турэмнае зняволенне, тэрмін якога не перавышаў 10 гадоў. Пакарання смерцю не было, хоць у дзяржаве гуарані і здараліся забойствы. У маральным станаўленні гуарані зрабілі велізарны скачок. Канібалізм у іх асяроддзі быў цалкам ліквідаваны. Айцы дамагліся пераходу пераважна на раслінную ежу, асабліва падчас посту. Але і мяса індзейцы даволі шырока ўжывалі ў ежу, але не сырое, а спецыяльна для гэтага

прыгатаванае. На наш погляд, гэтага ўдалося дасягнуць дзякуючы жорсткай рэгламентацыі жыцця ў рэдукцыях. Індзейцам нават забаранялася ўначы выходзіць на вуліцу, а выхад за межы рэдукцыі магчымы быў толькі па блаславенню айца езуіта [6, с. 112].

У "Горадзе Сонца" Кампанелы сямейныя адносіны адсутнічалі, у дзяржаве ж езуітаў інстытут шлюбу існаваў, аднак ажыццяўляўся ён пад жорсткім кантролем святых айцоў. Дэмаграфічныя меры былі арыгінальнымі. Адзін з падарожнікаў па Парагваі пісаў: "Езуіты заахвочвалі раннія шлюбы. Дзяўчынкі мелі права выходзіць замуж у 14 гадоў, юнакі жаніцца ў 16. Айцы езуіты не дапускалі, каб сталыя мужчыны заставаліся халастымі, а ўсіх удаўцоў, за выключэннем зусім ужо старэчага ўзросту, схілялі да новага шлюбу. Сігнал ранішняга пад'ёму давалі звычайна за паўгадзіны да моманту, калі сапраўды трэба было ўставаць". Ці гэтыя меры, ці высокая сацыяльная абароненасць далі дзіўны рост насельніцтва: у лепшыя часы колькасць насельніцтва езуіцкай дзяржавы складала не меней за 150 тыс. чалавек (у некаторых крыніцах гаворыцца нават аб 300 тыс. чалавек) [6, с. 125]. Аднак не ўсё ў гэтай справе было гладка. Вядомыя выпадкі, калі юнакі і дзяўчыны, незадаволеныя шлюбнымі парадкамі, уцякалі з рэдукцыі ў горы. Айцам каштавала вялікіх высілкаў вярнуць іх, а іх шлюбныя сувязі ўзаконіць.

Аднак, "царству шчасця і дабрабыту", створанаму езуітамі, не было наканавана жыць вечно. Свецкія ўлады не раз пісалі даносы і паклёпы на кіраўнікоў дзяржавы езуітаў; аднойчы справа дайшла да папскага раследавання. Наогул, езуітамі ў калоніях былі вельмі незадаволены. Яшчэ ў XVII ст. езуіты былі выдалены з усіх партугальскіх уладанняў у Паўднёвай Амерыцы, а ў 1743 г. яны былі афіцыйна абвінавачаны ў неляяльнасці да іспанскай кароны. Ды і Рым не жадаў іх цяпець з-за імкнення да самастойнасці – у гэтым жа годзе ён забараніў езуітам займацца гандлем [7, с. 207].

У 1750 г. паміж Іспаніяй і Партугаліяй была падпісана дамова, па якой "дзяржава" езуітаў падзялялася на іспанскую і партугальскую зоны з наступнай эвакуацыяй партугальскіх рэдукцый у іспанскія валадарствы. Тычылася гэта каля 30 тыс. чалавек і каля 1 мільёна галоў скаціны. Гэта значыць, што рэальна перасяленне ажыццявіць было вельмі складана. Фактычна гэтыя рэдукцыі аддаваліся партугальцам, якія б іх хутка знішчылі. Таму езуіты сталі прарэчыць гэтай дамове і не падпарадкаваліся загадам іспанскіх уладаў. 3

Іспаніі для забяспячэння выканання дамовы быў дасланы езуіт Альтамірана, якому былі дадзены шырокія паўнамоцтвы.

У 1753 г. насельніцтва чатырох партугальскіх рэдукцый, адкуль сышлі езуіты, узброілася і адмовілася пераселяцца. Альтамірана пісаў, што іх падбухторвалі мясцовыя езуіты, якія не падпарадкаваліся загаду. Іспанцы паслалі войскі, але індзейцы разбілі іх. У 1756 г. пры паўторным паходзе аб'яднаных іспанскіх і партугальскіх войскаў індзейцы былі разгромлены. У 1761 г. дамова паміж Іспаніяй і Партугаліяй аб перасяленні была анулявана і індзейцаў сталі вяртаць на ранейшае месца жыхарства. Але развал "дзяржавы езуітаў" ужо было немагчыма прадухіліць – супраць езуітаў быў і Мадрыд, і Лісабон.

Былы езуіт Бернард Ібаньес напісаў правакацыйную кнігу "Езуіцкае каралеўства ў Парагваі", дзе выкрываў "падрыўную" дзейнасць езуітаў супраць іспанскай кароны. Гэтыя матэрыялы былі перададзены ўраду. У выніку ў 1767 г. дзейнасць ордэна езуітаў была забаронена і ў Іспаніі, і ў яе валоданнях ва ўсім свеце. Езуіты паднялі мяцеж супраць іспанскай кароны. Для яго падаўлення было накіравана пяцітысячнае рэгулярнае войска. У выніку разгрому дзяржавы езуітаў 85 чалавек было павешана, 664 асуджана на катаргу. Больш за 2200 езуітаў былі высланы за межы іспанскіх уладанняў, у тым ліку, 437 – з Парагвая. Да часу разгрому паўстання пад апекай езуітаў толькі ў Парагваі было 113 тыс. індзейцаў. Некаторы час індзейцы супраціўляліся і спрабавалі абараніць сваіх айцоў-езуітаў, але потым пачалі разбязгацца. "Дзяржава" была разбурана, рэдукцыі апусцелі. Канчатковы ўдар па рэштках дзяржавы езуітаў зрабіў папа Клімент XIV, які ў 1773 г. узаконіў забарону дзейнасці ордэна езуітаў [1, с. 18].

Да 1835 г. на землях былой "езуіцкай дзяржавы" пражывала каля 5 тыс. гуарані. Гэты народ існуе дагэтуль, як дагэтуль стаяць і руіны велічных храмаў з пышна выкананымі барэльефамі, якія нагадваюць нашчадкам пра адзін з цікавейшых сацыяльных эксперыментаў па стварэнні "царства Божага" на зямлі, які ажыццявілі езуіты ў Паўднёвай Амерыцы ў XVII – XVIII стст.

Выкарыстаная літаратура

1. Андреев, А.Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI–начало XIX вв. / А.Р. Андреев. – М.: Русская панорама, 1998, – 256 с.

2. Бемер, Генрих. История ордена иезуитов / Г. Бемер. – Смоленск: Русич, 2002. – 464 с.
3. Булгаков, С.Н. Христианство и социализм / С.Н. Булгаков. – Новосибирск: Наука, 1991. – 386 с.
4. Григулевич, И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в испанской Америке, XVI-XVIII вв. / И.Р. Григулевич. – М.: Наука, 1998. – 295 с.
5. Лафарг, Поль. Иезуитские республики / П. Лафарг. - СПб.: Русский путь, 1904. – 81 с.
6. Сомин, Н.В. Государство иезуитов в Парагвае / Н.В. Сомин. – М.: «Ковчег», 2006. – 278 с.
7. Сомин, Н.В. Экономические категории в священном писании и церковном учении / Н.В. Сомин. – М.: «Ковчег», 2003. – 236 с.
8. Светловский, В.В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII стст. / В.В. Светловский – Петроград, Путь к знанию, 1924. – 85 с.
9. Фийор, Ян Утопия или земной рай? Первое в мире коммунистическое общество / Я. Фийор. // Истина и жизнь. – 2001. – № 4. – С. 32-39.
10. Шафаревич, И. Р. Социализм как явление мировой истории: в 3-х томах / И.Р.Шафаревич. – Т. 2. М.: Наука, 1994. – 427 с.
11. Энциклопедия “Вокруг света” – Дата доступа: 12. 10. 2012.

НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАЕ ПЫТАННЕ У ПРАГРАМНЫХ ДАКУМЕНТАХ БЕЛАРУСКАЙ ХРЫСЦІЯНСКАЙ ДЭМАКРАТЫІ (1917–1939 гг.)

Багдановіч А.Г., кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Беларускі хрысціянска-дэмакратычны рух, што зарадзіўся на пачатку XX ст., знайшоў свой лагічны працяг у заснаванні так званай Хрысціянскай Дэмакратычнай Злучнасці беларусаў – клерыкальнай нацыянальнай партыі, што ўзнікла ў маі 1917 г. у Петраградзе. Галоўнымі ідэолагамі партыі былі беларускія ксяндзы Ф. Абрантовіч, Л. Хвецка, А. Станкевіч, В. Гадлеўскі, Ф. Будзька,

А. Зязюля (А.С. Астравіч), К. Сваяк (К. Стаповіч) і інш. Друкаваным органам руха была газета “Беларуская крыніца”^{*}.

ХДЗБ аб’ядноўвала спачатку толькі нязначныя па колькасці гурткі беларускай інтэлігенцыі з настаўніцтва, слухачоў духоўнай акадэміі з Петраграда і святароў Мінска. Потым сацыяльная база арганізацыі значна пашырылася за кошт сялян-католікаў. На канец 1917 г. партыя налічвала больш за 300 чалавек [2, с. 113].

24-25 мая 1917 г. Злучнасць арганізавала ў Мінску з’езд беларускага каталіцкага духавенства, у якім удзельнічалі дэлегаты з Мінску, Магілёўскай і Віленскай губерняў. У прынятай на з’ездзе рэзалюцыі вылучаліся патрабаванні шырокай аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай Федэратыўнай Дэмакратычнай рэспублікі, навучання ў школах на беларускай мове, паступовага пераходу на беларускую мову ў богаслужэнні [9, с. 87].

На першым этапе сваёй дзейнасці (1917–1918 гг.) сябрамі Злучнасці былі амаль выключна католікі. Што ж датычыцца палітычных поглядаў ХДЗБ, то яна, як і пераважная большасць тагачасных беларускіх нацыянальных партый, аб незалежнасці яшчэ не згадвала, а толькі выказвала ідэю аўтаномнай Беларусі ў складзе Расійскай Федэратыўнай Дэмакратычнай рэспублікі. Пры гэтым першасная ўвага надавалася культурна-асветніцкай працы сярод каталіцкага насельніцтва Беларусі.

24 жніўня 1919 г. выйшаў першы нумар “Беларускай крыніцы” ў Вільні. З гэтага часу менавіта Вільня стала цэнтрам дзейнасці беларускіх хадэкаў.

У рэдакцыйным артыкуле за аўтарствам А. Станкевіча “Браты беларусы” так вызначаліся асноўныя мэты ХДЗБ у дачыненні да беларускага народа:

“1. ... Бараніць святую каталіцкую веру, дапамагаць вам яе ўцяміць, развіваць у вас жыццё сапраўднае, бо жыццё духоўнае...

2. ... Дамагацца справядлівасці ў жыцці эканамічна-грамадскім...

---

^{*}“Беларуская крыніца” выдавалася з 8(21). 10. 1917 г. у Петраградзе на беларускай мове, з 24. 08. 1919 г. да 12. 07. 1940 г. – у Вільні. З 15. 04. 1937 г. да 16. 11. 1939 г. не выходзіла. Да 1925 г. і з 17. 11. 1939 г. называлася “Крыніца”. Друкавалася то лацінкай, то кірыліцай. У 1934–1939 гг. друкавалася двума шрыфтамі адначасова.

3. ... каб беларусы ў сваёй Бацькаўшчыне пачуліся поўнымі гаспадарамі і вольнымі, годнымі чалавека, грамадзянамі...” [1, с. 1]

14–16 лютага 1918 г. у Петраградзе прайшоў З’езд беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў. У верасні гэтага ж года ў Мінску зноў адбыўся сход беларускіх хадэкаў. Менавіта на гэтых двух форумах і былі абмеркаваны і прыняты асноўныя палажэнні Статута і Праграмы ХДЗБ. Асобнай брашурай Статут і Праграма партыі былі выдадзены ў 1920 г. у Мінску [3].

Статут, па-першае, вызначыў назву партыі – “Хрысціянская Дэмакратычная Злучнасць беларусаў”, па-другое, абвясціў асноўную мэту ХДЗБ – “зарганізаванне ўсіх тых, хто хоча жыць, апіраючыся на сацыяльную справядлівасць і хрысціянскую міласць, паводле асноў хрысціянскага светапогляду” [3, с. 1].

У прэамбуле Праграмы ішла гаворка пра ідэалагічныя і арганізацыйныя вытокі ХДЗБ, падкрэслівалася яе сувязь з агульнаеўрапейскім хрысціянска-дэмакратычным рухам, з хрысціянска-дэмакратычнымі арганізацыямі ў Польшчы і Расіі.

У першым пункце Праграмы ХДЗБ ахарактарызавала сябе як арганізацыю грамадскую, “эвалюцыйную, надпалітычную, міжнародную”, што хоча завесці на свеце “лад на аснове хрысціянскай і дэмакратычнай справядлівасці, роўнасці, міласці і свабоды”.

У гэтым жа раздзеле вызначалася палітычнае крэда хрысціянскіх дэмакратаў – змаганне з капіталізмам, як адной з найважнейшых прычын беднасці і галечы працоўных мас і ўсталяванне такога ладу, “каб кожнаму чалавеку магчыма было сваёю працаю здабыць сабе неабходнае і карыстаць з усяго культурнага багацця”. Падкрэслівалася, што хрысціянскія дэмакраты супраць усякіх класавых прывілеяў.

Што тычыцца нацыянальнай праграмы беларускіх хадэкаў, то яна ўключала ў сябе “прызнанне права існавання, развіцця і кіравання сабой хоць бы найменшага народу кожнага.... У адносінах да малых народаў, як Літва, Латвія, Беларусь, Украіна, трэба стаяць на грунце поўнага іх самаазначэння”.

ХДЗБ, як партыя клерыкальная, прызнала рэлігію за “найважнейшую падставу існавання людскога, без каторай няпоўным і неспакойным было б жыццё як аднаго чалавека, так і ўсіх народаў”. Пры гэтым для Беларусі вылучалася асобнае патрабаванне: “зблізіць усіх каталікоў і праваслаўных і аб’яднаць іх ў адной веры з рознымі абрадамі.

Значнае месца ў Праграме адводзілася пытанням развіцця сям’і і школы. Мэтай абвяшчалася “ўмацаванне сям’і хрысціянскай”. Для хадэкаў прадстаўлялася бяспрэчнай цесная сувязь паміж сям’ёй і школай. Адсюль ставілася задача “ўвясці навучанне пачатковае ў роднай мове; увясці навуку рэлігіі каталіцкай ва ўсе школы ўрадавыя і прыватныя ў роднай мове моладзі...”

Эканамічная праграма Злучнасці не выходзіла за рамкі еўрапейскага лібералізму. ХДЗБ прызнала прыватную ўласнасць “падставай цывілізацыйнага поступу грамадзянства.” Таму хрысціянскія дэмакраты былі прынцыпова супраць адмены прыватнай уласнасці. У той жа час яны не адмаўлялі магчымасці паступовага развіцця калектыўных форм уласнасці.

У справе зямельнай патрабаванні Злучнасці зводзіліся да наступнага:

“1. Каб была падзелена казённая зямля паміж беззямельнымі і малазямельнымі з мэтай стварэння малой уласнасці;

2. Агранічыць вялікую ўласнасць прыватную, аблажыўшы яе вялікімі падаткамі;

3. Падняць культуру зямельную дапамогамі ўраду...” [3, с. 9 –13]

Што тычыцца сродкаў вырашэння эканамічных пытанняў на Беларусі, то адзіным магчымым прызнаваўся шлях паслядоўных рэформ.

У галіне нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва беларускія дэмакраты дамагаліся роўнасці ўсіх народаў, свабоднага развіцця нацыянальных моў, роўнасці ўсіх грамадзян перад законам, усеагульнага выбарчага права, развіцця мясцовага самакіравання.

“Кожны народ мае права свабодна развіваць форму жыцця свайго народнага і патрыятычнага. Х.Д. мае перакананне, што не народ для гаспадарства, але гаспадарства патрэбна для пажытку і бяспечнага жыцця народу. Што датычыцца Беларусі, то ХДЗБ жадае, каб яна была цэлай, непадзельнай і вольнай.

Каб на Беларусі была роўнасць і свабода грамадзянская і запэўненыя правы народных меншасцяў.

Каб сойм вольнай Беларусі, каторы будзе выдаваць правы, быў выбраны на аснове справядлівага, паўсюднага галасавання і каб толькі ён меў права сказаць слова аб урадзе і яго форме на Беларусі і аб адносінах да другіх гаспадарств ...” [3, с. 15].

Як бачым, у сваёй першай праграме беларускія хрысціянскія дэмакраты пакуль яшчэ не вылучалі патрабаванне незалежнасці Беларусі і не ўдакладнялі форму нацыянальна-дзяржаўнага ўладкавання краіны.

Прадстаўнікі БХД актыўна працавалі ў складзе Беларускага нацыянальнага камітэту (БНК) – каардынацыйнага прадстаўнічага органа беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый, створанага ў Вільні ў 1921 г. БНК ставіў сабе мэтай стварыць Беларуска-Літоўскую дэмакратычную рэспубліку, у першую чаргу дамагаючыся культурна-нацыянальнай аўтаноміі Заходняй Беларусі, вёў культурна-асветніцкую і кааператыўную работу.

Беларускія хрысціянскія дэмакраты прымалі ўдзел у фарміраванні Беларускага цэнтральнага выбарчага камітэта (БЦВК) – каардынацыйнага органа беларускіх палітычных арганізацый у Заходняй Беларусі, створанага ў канцы жніўня 1922 г. У склад камітэту ўваходзілі 12 сяброў БХД.

Асноўнымі задачамі БЦВК былі выпрацоўка агульнай для ўсіх беларускіх партый выбарчай платформы, падбор і падтрымка кандыдатаў у паслы ў Сейм і Сенат Польскай Рэспублікі. Камітэт ішоў на выбары з патрабаваннем свабоды грамадскіх арганізацый, партый, друку, веравызнання. Ён патрабаваў утварэння ў Заходняй Беларусі “аўтаномнай адзінкі з краёвым цэнтрам у Вільні”, валаснога і павятовага самакіравання, арганізацыі войска па тэрытарыяльнаму прынцыпу і інш. [8, с. 458].

Пашырэнне ўплыву БСРГ на заходнебеларускае грамадства, распаўсюджванне марксісцкіх ідэй, узмацненне сацыяльнага радыкалізму ў грамадска-палітычным руху прымусілі беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў перагледзець сваю стратэгію і тактыку. Калі ў першыя гады свайго існавання ХДЗБ праводзіла працу выключна ў каталіцкім духу і, перш за ўсё, сярод беларускага каталіцкага насельніцтва, то пазней усё больш увагі надавалася папулярызацыі ідэй хрысціянскага дэмакратызму сярод праваслаўнага сялянства Заходняй Беларусі.

Ідэалагічныя пошукі ХДЗБ знаходзілі адлюстраванне на старонках яе друкаванага органа – газеты “Беларуская крыніца”. У 25 і 26 нумарах “Беларускай крыніцы” за 1926 г. былі надрукаваны праекты адноўленай Праграмы ХДЗБ і яе Статута.

6 лістапада 1927 г. адбыўся з’езд прадстаўнікоў Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі, у якім удзельнічалі 129 сяброў БХД і каля 50 гасцей. Старшынёй з’езда быў аднагалосна абраны А. Станкевіч, які выступіў з дакладам на тэму “БХД і яе ідэалогія” [4, с. 1]. На з’ездзе разгарнулася дыскусія аб Праграме і Статуте партыі. Перш за ўсё, была зменена назва партыі – замест назвы “Хрысціянская Дэмакратычная Злучнасць беларусаў” зацвердзілі назву “Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя”. Першы параграф Праграмы ўдакладніў асноўную палітычную мэту партыі: “самастойнасць беларускага народу на ўсіх яго землях, аб’яднаных у незалежную дэмакратычную рэспубліку” [2, с. 184].

Адзначым тут два істотных адрозненні ад Праграмы партыі 1920 г.: адыход ад прынцыпу “надпалітычнасці” і прызнанне незалежнасці Беларусі як галоўнай мэты.

Па меркаванню А. Станкевіча, палітычны незалежніцкі ідэал БХД быў проста і лагічнай высновай з акту 25 сакавіка 1918 г. У той жа час партыя беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў трымалася ідэі незалежнай беларускай рэспублікі ў яе этнаграфічных межах толькі ў самых агульных абрысах. Унутраны сацыяльны лад рэспублікі, яе узаемаадносіны з суседзямі і іншыя практычныя пытанні пакідаліся на вырашэнне ў перспектыве, “у адпаведнасці з духам часу і зыходзячы з патрэб беларускага народа” [2, с. 230].

З’езд прыняў таксама шэраг рэзалюцый па пытаннях, якія тычыліся рэлігійнага жыцця, асветы, выбараў у дзяржаўныя органы ўлады [4].

Чарговы з’езд БХД адбыўся ў Вільні 25 лістапада 1928 г. У ім прынялі ўдзел 72 сябры БХД і 31 госць [2, с. 181]. На гэтым з’ездзе выступіў пасол А. Стэповіч з аглядам Праграмы і Статуту партыі. Былі ўнесены пэўныя змены не істотнага зместу.

Апошні з’езд БХД прайшоў 13 снежня 1931 г., таксама ў Вільні. Па звестках А. Станкевіча, у рабоце з’езда прынялі ўдзел 101 сябар БХД (як каталіцкага, так і праваслаўнага веравызнання) і 24 госці. З’езд абмеркаваў Праграму і Статут партыі і ўнёс пэўныя карэктывы [2, с. 182].

Надрукаваная ў 1932 г., 4-я праграма БХД, у адрозненне ад папярэдніх, не дапускала магчымасці аддзялення касцёла (царквы) ад дзяржавы. У ёй падкрэслівалася, што “БХД прынцыпова супраць аддзялення касцёла (царквы) ад дзяржавы і змагаецца з палітыкай,

што выкарыстоўвае рэлігію для палітычных мэтаў, або падтрымлівае адну рэлігію супраць другой”.

У Праграме БХД 1932 г. больш увагі надавалася сацыяльна-эканамічным пытанням. Так, 34 параграф Праграмы быў дапоўнены палажэннем аб тым, што “ўсе землі, перавышаючыя працоўную норму, перадаюцца ва ўласнасць і без выкупу беззямельным і малазямельным сялянам”.

23 кастрычніка 1935 г. ЦК БХД апублікаваў “Камунікат”. Адмаўляючыся ад удзелу ў антыфашысцкім народным фронце, кіраўніцтва БХД заяўляла, што толькі Беларуска-хрысціянская дэмакратыя “з’яўляецца адзінай у межах Польшчы моцнай ідэйна і арганізацыйна сцэнтаванай беларускай палітычнай арганізацыяй”. У Камунікаце ўказвалася на неабходнасць “кансалідацыі беларускіх нацыянальных сіл і працы на карысць Бацькаўшчыны” [6, с. 52].

У 1936 г. БХД прыняла апошнюю, 5-ю Праграму. Перш за ўсё, была зацверджана новая назва партыі “Беларускае народнае аб’яднанне” (БНА). Змена назвы партыі не мяняла яе сутнасці, а павінна была падкрэсліць незалежнасць ад касцёла. Новай назвай беларускія хрысціянскія дэмакраты паказалі таксама свае яўныя прэтэнзіі на прадстаўніцтва інтарэсаў усяго беларускага насельніцтва.

У якасці галоўнай грамадска-палітычнай мэты ў Праграме абвешчалася імкненне БНА да таго, “каб у незалежнай Беларусі быў створаны такі грамадскі лад, які, абапіраючыся на працу, грамадскую роўнасць і справядлівасць, не дапускаючы да эксплуатацыі адных другімі, забяспечваў бы палітычна-грамадскія, культурныя і эканамічныя патрэбы грамадзян. БНА супраць дыктатуры капіталізму, фашызму і камунізму” [7, с. 82].

Нацыянальная праграма беларускіх хадэкаў засноўвалася на патрабаванні “самастойнасці беларускага народа ва ўсіх яго этнаграфічных землях, аб’яднаных у незалежную дзяржаву” [7, с. 82].

З рэарганізацыяй БХД у БНА не пагадзілася нацыяналістычна настроеная кансерватыўная група хадэкаў на чале з В. Гадлеўскім. Яны стварылі новую партыю – Беларускі нацыянальны фронт (БНФ). Друкаваным органам гэтай партыі была газета “Беларускі фронт”, што выходзіла з мая 1936 па 1939 гг. у Вільні.

Палітычная праграма БНФ абвешчала галоўнай мэтай самастойнасць і незалежнасць Беларусі ў адпаведнасці з Статутнай граматай БНР ад 25 сакавіка 1918 г. Пры гэтым БНФ адкрыта выступіла супраць “так званага парламенцкага дэмакратызму”, супраць роўнасці ўсіх грамадзян Беларусі.

Згодна з Праграмай БНФ, толькі прадстаўнікі беларускай нацыі мелі права вызначаць палітычны і грамадскі лад Беларускай рэспублікі. “Іншыя нацыянальнасці, як яўрэі, палякі, расейцы... ня могуць прымаць удзел у палітычным і грамадскім будаўніцтве Беларусі”. Больш таго, у раздзеле XIII “Асадніцтва” было прапісана, што “ўсе чужыя Беларускай Нацыі элементы, як яўрэі, цыганы, польскія, расійскія і ўсякія іншыя асаднікі і каланісты прымушаны будуць на працягу азначанага законам часу з Беларусі выехаць”.

Лідэры БНФ выступілі за моцную дзяржаўную ўладу, дапускаючы нават устанаўленне дыктатуры. “Аўтарытарнасць, злучаная з законнасцю, павінна быць падставай урадавання кожнае беларускае дзяржаўнае ўстановы”. “Найбольшым ворагам” беларускага народу абвешчаўся Савецкі Саюз. “Дзеля гэтага кожны вораг расейскага камунізму ёсць наш прыцель” [5].

Лідэры БНФ лічылі, што вайна, якая набліжалася ў Еўропе, магла мець вынікам кардынальную змену суадносін сіл на кантыненте і заклікалі беларусаў быць гатовымі выкарыстаць магчымы гістарычны шанс для рэалізацыі незалежніцкага ідэалу.

Такім чынам, палітычная праграма так званага Беларускага нацыянальнага фронту фактычна адкінула ўсе папярэднія дасягненні БХД у накірунку замацавання прынцыпаў дэмакратызму, хрысціянскай маралі, роўнасці грамадзян, незалежна ад веравызнання і нацыянальнасці ў беларускім грамадстве. Ва ўмовах усталявання фашысцкіх рэжымаў у шэрагу еўрапейскіх краін сябры БНФ адкрыта прапагандавалі нацыяналістычныя настроі, а ў час Вялікай Айчыннай вайны ўвайшлі ў склад калабаранцкіх арганізацый.

Ідэйна-палітычнае афармленне БНФ фактычна азначала крызіс Беларускай хрысціянскай дэмакратыі, якая так і не здолела ператварыцца ў масавую палітычную партыю. Беларускія хрысціянскія дэмакраты выступалі за эвалюцыйны шлях развіцця грамадства, легальныя формы барацьбы, адмоўна ставіліся да сацыялістычнай рэвалюцыі. Як прыхільнікі незалежніцкіх ідэалаў,

беларускія хадэкі прытрымліваліся тэорыі самабытнасці развіцця беларускай нацыі і абуджалі нацыянальную свядомасць беларусаў на аснове хрысціянскай этыкі і дэмакратычных прынцыпаў. Сябры ХДЗБ-БХД-БНА выступалі супраць сацыяльна-класавага падыходу ў дзейнасці Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі, рэвалюцыйнага характару Беларускай сялянска-работніцкай грамады, згодніцтва паланафільскіх групавак. Яны асуджалі тэрор і ганенні заходнебеларускага насельніцтва з боку польскіх уладаў, з самага пачатку сваёй дзейнасці былі прыхільнікамі беларусізацыі касцёла (царквы).

У праграмных дакументах ХДЗБ-БХД-БНА шмат было супярэчлівага, ідэалістычнага для ўмоў тагачаснай Беларусі. Па сутнасці, Беларуска хрысціянская дэмакратыя не здолела знайсці шырокую падтрымку сярод працоўнага насельніцтва Заходняй Беларусі, асабліва праваслаўнага веравызнання, не стала масавай палітычнай партыяй.

Выкарыстаная літаратура

1. Stankiewicz, Ad. Braty Bielarusy / Ad. Stankiewicz // Krynica. – 24 жніўня 1919. – N.1. – S. 1.

2. Stankiewicz, Ad. Bielaruski Chrystianski ruch (Histarucny narys). / Ad. Stankiewicz. – Vilnia: Vydannie “Chrystianskaj Dumki”, 1939. – 272 s.

3. Ustawa i programa Chrystcijanskaj Demokratycznaj Zluczności Bielarusau. – Miensk: Drukarnia Wajskowaja, 1920. – 17 s.

4. Беларуская крыніца. – 18 лістапада 1927. – № 47. – С. 1.

5. Ідэолёгічны Статут Беларускага Нацыянальнага Фронту // Ёрш Сяргей. Рыцар Свабоды. (Ксёндз Вінцэнт Гадлеўскі як ідэолаг і арганізатар беларускага антынацысцкага Супраціву). – Менск: Беларускі Рэзыстанс, 2004. – С. 37-49.

6. Ладыеў, Уладзімір. Насуперак волі народа: 3 гісторыі палітычнага банкруцтва беларускіх нацыяналістычных партый і арганізацый у Заходняй Беларусі (1934-1939 гг.). / У. Ладыеў. – Мн.: Бібліятэчка газеты “Голас Радзімы”, 1976. – 76 с.

7. Праект Праграмы Беларускага народнага аб’яднання // Палітычныя партыі Беларусі. – Мн.: “Згода”, 1994. – 261 с.

8. Сідарэвіч, А.М. Беларускі цэнтральны выбарчы камітэт / А.М. Сідарэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т.1. – Мн.: БелЭн, 1993. – С. 458.

9. Станкевіч, А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення / А. Станкевіч. – Вільня: Шлях моладзі, 1935 – 128 с.

СТВАРЭННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ ІНСТЫТУЦЫЙНЫХ ОРГАНАЎ САЦЫЯЛЬНАГА ПАРТНЁРСТВА Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ Ў 1990-я гг.

А.А. Дубовік, ст. выкладчык

З абвяшчэннем у верасні 1991 г. незалежнасці Рэспублікі Беларусь і пачаткам пераходу да рыначнай эканомікі наступіў новы перыяд у сацыяльна-працоўных адносінах. Пачала складвацца сістэма ўзаемаадносін органаў дзяржаўнага кіравання з прафсаюзамі і аб'яднаннямі прадпрымальнікаў, заснаваная на прынцыпах сацыяльнага партнёрства. 15 снежня 1992 г. Законам Рэспублікі Беларусь «Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у КЗаП Рэспублікі Беларусь» у беларускае заканадаўства быў уведзены тэрмін «сацыяльнае партнёрства». У арт. 1 Закона адной з задач заканадаўства аб працы называлася «развіццё сацыяльнага партнёрства паміж работнікамі і наймальнікамі» [1].

Раней, у прынятай 10 кастрычніка 1991 г. пастанове Савета Міністраў «Аб укараненні ў практыку работы заключэння тaryфных эканамічных пагадненняў» было даручана Дзяржаўнаму камітэту па працы, Дзяржэканамплану, Міністэрству юстыцыі з удзелам аб'яднанняў прадпрымальнікаў і Савета Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі (ФПБ) падрыхтаваць і да канца года ўнесці ў Савет Міністраў прапановы па стварэнні ў рэспубліцы сістэмы сацыяльнага партнёрства ў галіне сацыяльна-працоўных адносін [2, арк.75].

Трэба адзначыць, што фарміраванне сацыяльна-партнёрскіх адносін у Беларусі і іншых краінах СНД у 90-х гг. ХХ ст. адбывалася ва ўмовах вострага крызісу ўсёй сістэмы грамадскіх адносін. Станаўленне рыначнай эканомікі абумовіла змяненне падыходаў да рэгулявання працоўных адносін. На першае месца выходзяць калектыўна-дагаворныя метады рэгулявання. Патрэба ў абароне інтарэсаў працаўнікоў была матывам стварэння сістэмы сацыяльнага партнёрства, якое стала адным з важнейшых кірункаў сацыяльнай палітыкі дзяржавы.

Сістэма сацыяльнага партнёрства, якая фарміравалася ў гэты перыяд, ўключала ў сябе заканадаўчую базу як аснову яго

функцыянавання і развіцця. Прынцыповыя асновы сацыяльнага партнёрства былі замацаваны ў арт. 14 прынятай 15 сакавіка 1994 г. Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, дзе адзначаецца, што адносіны ў сацыяльна-працоўнай сферы паміж органамі дзяржаўнага кіравання, аб'яднаннямі наймальнікаў і прафесійнымі саюзамі ажыццяўляюцца на прынцыпах сацыяльнага партнёрства і ўзаемаадносін бакоў [3, с.7]. Гарантам аховы канстытуцыйных правоў сацыяльных партнёраў з'яўляецца створаны ў 1994 г. Канстытуцыйны суд Рэспублікі Беларусь.

З 1 студзеня 2000 г. уступіў у дзеянне прыняты ў чэрвені 1999 г. Палатай прадстаўнікоў, адобраны Саветам Рэспублікі Нацыянальнага сходу і зацверджаны Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь Працоўны кодэкс Рэспублікі Беларусь (ПК). У раздзеле IV кодэкса змешчаны 48 артыкулаў, якія рэгулююць адносіны, звязаныя з сацыяльным партнёрствам, заключэннем калектыўных дагавораў і пагадненняў [4, с. 150-165]. Артыкул 352 ПК вызначае сацыяльнае партнёрства як форму «узаемадзеяння органаў дзяржаўнага кіравання, аб'яднанняў наймальнікаў, прафесійных саюзаў і іншых прадстаўнічых органаў працаўнікоў, упаўнаважаных у адпаведнасці з актамі заканадаўства прадстаўляць іх інтарэсы ... пры распрацоўцы і рэалізацыі сацыяльна-эканамічнай палітыкі дзяржавы, заснаваную на ўліку інтарэсаў розных пластоў і груп грамадства ў сацыяльна-працоўнай сферы праз перамовы, кансультацыі, адмову ад канфрантацыі і сацыяльных канфліктаў» [4, с. 150]. Згодна з арт. 364 ПК, к прадмету калектыўна-дагаворнага рэгулявання адносіцца шырокае кола пытанняў, узнікаючых ў сацыяльна-працоўнай сферы. Гэта, перш за ўсё, нормы і абавязальствы, якія забяспечваюць аплату працы, гарантыі занятасці, працягласць працоўнага часу і часу адпачынку, пытанні, звязаныя з паляпшэннем матэрыяльна-бытавога становішча працаўнікоў, з прадстаўленнем дадатковых гарантый і ільгот пэўным катэгорыям працаўнікоў – усяго 18 пунктаў [4, с. 154].

Важнейшым элементам сістэмы сацыяльнага партнёрства з'яўляюцца інстытуцыйныя органы, у рамках якіх ажыццяўляецца ўзаемадзеянне суб'ектаў сацыяльнага партнёрства – прадстаўнікоў наймальнікаў, прафсаюзаў і дзяржаўнай улады. Іх фарміраванне у Рэспубліцы Беларусь пачалося ў першай палове 1990-х гг. У кастрычніку 1992 г. ФПБ выступіла з ініцыятывай стварэння

Пагадзяльнага савета па працоўных і сацыяльных пытаннях з прадстаўнікоў урада, наймальнікаў і прафсаюзаў. 25 лютага 1993 г. была прынята пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь «Аб стварэнні Пагадзяльнага савета Рэспублікі Беларусь па працоўных і сацыяльных пытаннях», у якой прызнавалася мэтазгодным стварэнне Пагадзяльнага савета ў колькасці 27 чалавек, па 9 прадстаўнікоў з кожнага боку, былі адобраны Палажэнне аб Пагадзяльным савецце і Рэгламент яго працы, узгодненыя з сацыяльнымі партнёрамі. У якасці сустаршыні ад Савета Міністраў рэкамендаваны ў склад Пагадзяльнага савета першы намеснік прэм'ер-міністра М.У. Мясніковіч. З улікам рознага колькаснага складу прафсаюзных і прадпрымальніцкіх структур, у Пагадзяльным савецце былі чатыры прадстаўнікі ад ФПБ, па аднаму прадстаўніку ад 5 іншых прафсаюзаў і па аднаму прадстаўніку ад 9 прадпрымальніцкіх саюзаў Беларусі. Для арганізацыі бягучай працы Пагадзяльнага савета ствараўся ў структуры Кіраўніцтва Справамі Савета Міністраў рабочы сакратарыят з трох чалавек [5].

Не менш важнае значэнне ў сістэме сацыяльнага партнёрства маюць органы, якія выконваюць функцыі па ўрэгуляванню рознагалоссяў і калектыўных працоўных спрэчак шляхам прыміральных працэдур. 28 красавіка 1994 г. пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь № 289 быў створаны Рэспубліканскі працоўны арбітраж (РПА), яго галоўнай задачай з'яўляўся разгляд калектыўных працоўных спрэчак (канфліктаў), узнікаючых на прадпрыемствах, ва ўстановах і арганізацыях [6].

Важным крокам у фарміраванні арганізацыйнай асновы партнёрскіх адносін стаў Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 15 ліпеня 1995 г. № 278 «Аб развіцці сацыяльнага партнёрства ў Рэспубліцы Беларусь», у якім развіццё сістэмы сацыяльнага партнёрства названа «адной з важнейшых дзяржаўных задач» [7]. У адпаведнасці з гэтым Указам быў створаны Нацыянальны савет па працоўных і сацыяльных пытаннях (НСПП), заснаваны абласныя, гарадскія, раённыя і галіновыя пагадзяльныя камісіі, перайменаваныя пазней у рэгіянальныя саветы па працоўных і сацыяльных пытаннях. На ўзроўні прадпрыемства ў адпаведнасці з законам «Аб калектыўных дагаворах і пагадненнях» стваралася камісія, якая назірала за выкананнем калдагавора.

Першае пасяджэнне НСПСП адбылося 9 кастрычніка 1995 г. пад старшынствам Каардынатара савета, кіраўніка РПА І.І. Дзіковіча. Былі разгледжаны пытанні аб сустаршынях і персанальным складзе НСПСП, аб рэгламенце яго працы, аб выкананні пратаколу сумеснага пасяджэння прадстаўнікоў Кабінета Міністраў Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскіх аб'яднанняў наймальнікаў і прафсаюзаў ад 8 жніўня 1995 г. Сустаршынямі НСПСП былі зацверджаны намеснік прэм'ер-міністра С.С. Лінг, прэзідэнт Беларускай навукова-прамысловай асацыяцыі (БНПА) М.Ф. Лаўрыновіч, старшыня ФПБ У.І. Ганчарык [8, арк. 74-76].

На другім пасяджэнні НСПСП, якое адбылося 16 лістапада 1995 г., былі разгледжаны пытанні “Аб адзінай тарыфнай сетцы, памеры мінімальнай зароботнай платы і тарыфнай стаўкі першага разраду работнікаў прадпрыемстваў і арганізацый, фінансіруемых з бюджэту, па тарыфных разрадах Рэспублікі Беларусь”, “Аб распрацоўцы праекта Генеральнага пагаднення паміж Кабінетам Міністраў, рэспубліканскімі аб'яднаннямі наймальнікаў і прафсаюзаў на 1996 г.” і іншыя [8, арк. 140]. У мэтах узаемнай увязкі дадатковых сацыяльных гарантый, прадугледжаных калдагаварамі і пагадненнямі, НСПСП рэкамендаваў прымаць галіновыя тарыфныя і тэрытарыяльныя пагадненні пасля падпісання Генеральнага пагаднення, а калдагаворы – пасля галіновых і мясцовых пагадненняў.

На разгляд НСПСП, пасяджэнні якога праводзіліся не радзей, чым штоквартальна, выносіліся актуальныя праблемы сацыяльна-працоўных адносін. Галоўная ўвага надавалася падрыхтоўцы, прыняццю і рэалізацыі Генеральнага пагаднення паміж Урадам Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскімі аб'яднаннямі наймальнікаў і прафсаюзаў. Рэгламент работы НСПСП быў зацверджаны 26 кастрычніка 1995 г. і ў новай рэдакцыі – 27 жніўня 1999 г. Ён рэгуляваў дзейнасць НСПСП на аснове Палажэння, зацверджанага Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 5 мая 1999 г., № 252 [9]. Пасяджэнні праводзіліся не радзей, чым адзін раз у квартал. Парадак дня наступнага пасяджэння вызначаўся, як правіла, на папярэднім пасяджэнні, па прапанове аднаго з бакоў маглі ўносіцца дадатковыя пытанні. Пры неабходнасці абмеркавання неадкладных пытанняў маглі праводзіцца пазачарговыя пасяджэнні, але не больш аднаго ў месяц. Кіраўніцтва дзейнасцю НСПСП ажыццяўляў

старшыня, які выбіраўся з ліку сустаршынь і ажыццяўляў гэтыя функцыі да выбарнага на чарговым пасяджэнні новага старшыні. Старшыня каардынаваў працу НСПСП, вызначаў дату і месца яго правядзення. Пасяджэнне лічылася правамоцным, калі на ім прысутнічала больш за палову прадстаўнікоў ад кожнага боку. Для больш глыбокага вывучэння і прапрацоўкі ўзнікшых праблем маглі запрашацца высокакваліфікаваныя спецыялісты ў якасці кансультантаў і экспертаў. Пасяджэнні былі, як правіла, адкрытыя, на іх маглі прысутнічаць прадстаўнікі СМІ. У некаторых выпадках па рашэнню НСПСП маглі быць закрытыя пасяджэнні.

У снежні 1995 г. і ў 1996 г. на пасяджэннях НСПСП былі абмеркаваны пытанні: “Аб неадкладных мерах па стабілізацыі фінансава-эканамічнага становішча ў прамысловасці”; “Аб умовах аплаты працы кіраўнікоў дзяржаўных прадпрыемстваў”; “Аб мерах падтрымкі дзяржавай і прамысловасцю сельскагаспадарчых прадпрыемстваў і фермерскіх гаспадарак у правядзенні вясенне-палявых работ”; “Аб павышэнні ролі аб’яднанняў наймальнікаў у сістэме сацыяльнага партнёрства”; “Аб выніках выканання Генеральнага пагаднення за I квартал 1996 г.”; “Аб забяспачэнні на прадпрыемствах і арганізацыях рэспублікі права работнікаў на пенсію за працу з асаблівымі умовамі працы”; “Аб канцэпцыі рэфармавання падатковай сістэмы рэспублікі ў 1997-1998 гг.”; “Аб запазычанасці па зароботнай плаце і забяспачэнні паўнаты выплаты адпускных работнікам адукацыі”; “Аб ходзе выканання Генеральнага пагаднення на 1996 г.”; “Аб распрацоўцы Генеральнага пагаднення паміж Кабінетам Міністраў, рэспубліканскімі аб’яднаннямі наймальнікаў і прафсаюзаў на 1997 г.” і іншыя [10].

Важным крокам у вызначэнні перспектывы партнёрскіх адносін у сацыяльна-працоўнай сферы стала распрацаваная з удзелам прафсаюзаў і зацверджаная НСПСП 12 сакавіка 1997 г. Канцэпцыя развіцця сістэмы сацыяльнага партнёрства і праграма мер па яе рэалізацыі [11, арк. 3-14]. У адпаведнасці з ёю пачалася распрацоўка праекта Закона «Аб сацыяльным партнёрстве ў Рэспубліцы Беларусь». Аднак па шэрагу аб’ектыўных і суб’ектыўных прычын гэтая работа не атрымала працягу і заканчэння, закон дагэтуль не прыняты.

Акрамя таго, на пасяджэннях НСПСП у 1997 г. былі разгледжаны пытанні “Аб удасканаленні сістэмы аплаты працы ў

галінах эканомікі”; “Аб заўвагах і прапановах Федэрацыі прафсаюзаў Беларускай па праекту Працоўнага кодэкса Рэспублікі Беларусь”; “Аб ходзе аздаравлення і санаторна-курортнага лячэння насельніцтва ў першай палове 1997 г.”; “Аб заўвагах і прапановах па праекту Падатковага кодэкса Рэспублікі Беларусь”; “Аб распрацоўцы праекта Генеральнага пагаднення паміж Урадам Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскімі аб’яднаннямі наймальнікаў і прафсаюзаў на 1998 – 2000 гг.” і іншыя [11].

У 1998 г. на пасяджэннях НСПСП, сярод іншых, былі абмеркаваны пытанні “Аб ходзе рэалізацыі Нацыянальнай жыллёвай праграмы Рэспублікі Беларусь”, “Аб выкананні ў першым квартале 1998 г. прагнозных паказчыкаў узроўню інфляцыі і росту зароботнай платы ў галінах эканомікі, прадугледжаных Генеральным пагадненнем паміж Урадам Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскімі аб’яднаннямі наймальнікаў і прафсаюзаў на 1998 – 2000 гг.”; “Аб парадку рэгулявання аплаты працы на аснове тарыфных пагадненняў і калектыўных дагавораў”; “Аб праекце Закона Рэспублікі Беларусь “Аб уставаўленні і парадку павышэння мінімальнага памеру аплаты працы і памераў дзяржаўных сацыяльных выплат насельніцтву”; “Аб ходзе рэалізацыі Канцэпцыі аплаты працы ў Рэспубліцы Беларусь ва ўмовах рыначных адносін і аб удасканальванні арганізацыі аплаты працы ў галінах эканомікі”; “Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у рэгламент Нацыянальнага савета па працоўных і сацыяльных пытаннях” [12].

У склад НСПСП, дзейнасць якога рэгулявалася Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 5 мая 1999 г. “Аб Нацыянальным савеце па працоўных і сацыяльных пытаннях”, уваходзілі па 11 прадстаўнікоў ад кожнага боку, уключаючы аднаго сустаршыню, з правам рашаючага голасу. Кіраўніцтва дзейнасцю НСПСП ажыццяўляў старшыня, які выбіраўся на пасяджэнні савета з ліку сустаршынь [9].

Урад Рэспублікі Беларусь дэлегаваў у склад НСПСП сваіх паўнамочных прадстаўнікоў. З лістапада 1996 г. па 7 мая 1998 г. сустаршынёй НСПСП ад урада з’яўляўся першы намеснік прэм’ер-міністра П.П. Пракаповіч, затым віцэ-прэм’ер У.П. Замяталін, якога змяніў 12 лістапада 1999 г. першы намеснік прэм’ер-міністра В.Б. Даўгалёў, а ў 2000 г. – першы намеснік прэм’ер-міністра А.У. Кабякоў [11, арк.1-2; 13, арк.70].

У склад НСПСП у другой палове 1990-х гг. уваходзілі прадстаўнікі ўрада: міністр эканомікі Г.П. Бадзей (са снежня 1996 г. У.М. Шымаў), міністр сацыяльнай абароны В.Б. Даргель, міністр працы А.В. Сасноў (са снежня 1996 г. І.А. Лях), міністр фінансаў П.У. Дзюк (з сакавіка 1997 г. М.Ф. Румас), старшыня Дзяржаўнага падатковага камітэта М.М. Дзямчук, міністр прамысловасці А.Д. Харлап, першы намеснік, потым міністр статystыкі і аналізу У.І. Зіноўскі, кіраўнікі іншых дзяржаўных органаў В.Ф. Некрашэвіч, Ю.Д. Мароз, В.Ю. Шашкевіч. Склад прадстаўнікоў ад рэспубліканскіх аб'яднанняў прафсаюзаў вызначаўся іх кіруючымі органамі прапарцыянальна колькасці членаў гэтых аб'яднанняў. У другой палове 1990-х гг. у склад НСПСП уваходзілі кіраўнікі ФПБ У.І. Ганчарык, Ф.П. Вітко, старшыні рэспубліканскіх камітэтаў буйнейшых галіновых прафсаюзаў А.У. Бельская, А.І. Бухвостаў, Л.Ф. Грушэцкая, А.Ф. Федынiч, Т.І. Чобатава, Г.Г. Южанiна, А.І. Ярашук, старшыня Магілёўскага аб'яднання прафсаюзаў А.Ц. Любчанка, прадстаўнік Беларускага кангрэсу дэмакратычных прафсаюзаў (БКДП) У.М. Макарчук (з лістапада 1999 г. В.С. Бабаед). Склад прадстаўнікоў ад рэспубліканскіх аб'яднанняў наймальнікаў зацвярджаўся на прэзідыуме Беларускай канфедэрацыі прамыслоўцаў і прадпрымальнікаў (наймальнікаў). У 1995–1999 гг. членамі НСПСП выбіраліся: Т.П. Быкава, Ю.А. Весялоў, У.М. Карагін, Э.Ч. Кісель, В.А. Емельянаў, С.А. Пірожнік, М.А. Стральцоў, В.Б. Вернікоўскі, М.В. Лявонаў, В.М. Хамярчук [13, арк. 70,74].

Пры НСПСП былі створаны рабочая група і пагадняя камісія для вядзення калектыўных перамоў па заключэнню Генеральнага пагаднення, група экспертаў па прымяненню міжнародных працоўных норм МАП.

У 1999 г. на пасяджэннях НСПСП разглядаліся пытанні “Аб змяненнях і дапаўненнях на 1999 г. у Генеральнае пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь, рэспубліканскімі аб'яднаннямі наймальнікаў і прафсаюзаў”; “Аб прапановах па ўдасканальванню існуючай сістэмы прымянення штрафных санкцый да прадпрыемстваў і арганізацый”; “Аб праекце Указа Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь “Аб Нацыянальным савеце па працоўных і сацыяльных пытаннях”; “Аб праекце Канцэпцыі аплаты працы ў

Рэспубліцы Беларусь”; “Аб тыпавым палажэнні аб галіновым тэрытарыяльным (абласным, гарадскім, раённым) савеце па працоўных і сацыяльных пытаннях”; “Аб ходзе выканання мерапрыемстваў па рэалізацыі Генеральнага пагаднення на 1998–2000 гг., а таксама галіновых тарыфных і мясцовых пагадненняў, калектыўных дагавораў; “Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў на 2000 г. у Генеральнае пагадненне на 1998–2000 гг.” і іншыя [13, арк.6а].

Такая ж праца праводзілася на рэгіянальным і галіновым узроўнях. Напрыклад, для выканання рашэння НСПСП ад 30 чэрвеня 1999 г. “Аб Тыпавым палажэнні аб галіновым тэрытарыяльным (абласным, гарадскім, раённым) савеце па працоўных і сацыяльных пытаннях” у Мінскай вобласці ў жніўні – кастрычніку 1999 г. былі выбраны ад прафсаюзных арганізацый, прадпрыемстваў саветы па працоўных і сацыяльных пытаннях. Пастановамі выканкама Савета Мінскага абласнога аб’яднання галіновых прафсаюзаў ад 5 і 26 кастрычніка 1999 г. “Аб дэлеганні ад прафсаюзаў прадстаўнікоў у раённыя і гарадскія саветы па працоўных і сацыяльных пытаннях” у кожны савет было накіравана па 5 прадстаўнікоў прафсаюзаў, у тым ліку, адзін сустаршыня (у большасці выпадкаў у гэтай якасці дэлегаваны старшыні раённых камітэтаў прафсаюза работнікаў АПК) [14]. У мэтах павышэння іх ролі ў вырашэнні рэгіянальных сацыяльна-эканамічных задач выканкам Савета Мінскага абласнога аб’яднання галіновых прафсаюзаў пастанавіў правесці 23 лістапада 1999 г. семінар-нараду актыву Мінскай вобласці, выбранага ў склад раённых і гарадскіх саветаў па працоўных і сацыяльных пытаннях [14, арк.70].

29 чэрвеня 1999 г. Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 348 «Аб Рэспубліканскім працоўным арбітражы» было зацверджана Палажэнне аб Рэспубліканскім працоўным арбітражы [13, с. 670-675]. Старшынёй РПА быў І.І. Дзіковіч. Пазней яго змяніў на гэтай пасадзе В.А. Чарамісін. З удзелам РПА, яго тэрытарыяльных падраздзяленняў разглядаліся калектыўныя працоўныя спрэчкі.

Аднак, нягледзячы на тое, што сістэма сацыяльнага партнёрства ў нашай краіне інстытуцыйна аформілася ў 1990-я гг., было б няправільна гаварыць аб тым, што яна дастаткова дакладна функцыянавала і апраўдвала сваё прызначэнне. Укараненне прынцыпаў сацыяльнага партнёрства ў рэспубліцы праходзіла з

відавочнымі хібамі. У прамове на пазачарговым IV з'ездзе ФПБ (верасень 2002 г.) Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А.Р. Лукашэнка адзначыў, што «існуючая трохбаковая сістэма сацыяльнага партнёрства на рэспубліканскім і мясцовым узроўнях сябе апраўдала. Але ў апошні час гэта сістэма прабуксоўвала. Нацыянальны савет па працоўных і сацыяльных пытаннях бяздзейнічаў, яго пасяджэнні праводзіліся нерэгулярна. І такое становішча недапушчальна. Асноўныя задачы органаў дзяржаўнай улады, прафсаюзаў і аб'яднанняў наймальнікаў супадаюць» [15]. Згодна з Палажэннем, Нацыянальны савет па працоўных і сацыяльных пытаннях (НСПСП) павінен быў склікацца не радзей аднаго разу ў квартал. Аднак у 2001–2002 гг. ён не збіраўся больш за год, у многім з-за неканструктыўнай пазіцыі тагачаснага кіраўніцтва ФПБ.

Сітуацыя пачала карэнным чынам мяняцца з выбраннем летам 2002 г. новага кіраўніцтва ФПБ на чале з Л.П. Козікам. У жніўні 2002 г. пасля працяглага перапынку аднавіў працу НСПСП. Сустаршынёй Нацыянальнага савета ад урада з'яўляўся першы намеснік прэм'ер-міністра С.С. Сідорскі, з назначэннем якога ў снежні 2003 г. прэм'ер-міністрам у склад НСПСП быў уведзены і выбраны сустаршынёй першы намеснік прэм'ер-міністра У.І. Сямашка. Ад прафсаюзаў сустаршынёй НСПСП з 2002 г. з'яўляецца старшыня ФПБ Л.П. Козік. Сустаршынёй ад аб'яднанняў наймальнікаў выбіраўся кіраўнік Канфедэрацыі прамыслоўцаў і прадпрымальнікаў (наймальнікаў) М.А. Стральцоў, а з 2007 г. былы міністр прамысловасці А.Дзм. Харлап.

Выступаючы 16 верасня 2010 г. на шостым з'ездзе Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі, Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А.Р. Лукашэнка падкрэсліў, што ў краіне атрымала высокае развіццё сацыяльнае партнёрства. «Вынікі сведчаць самі за сябе. – адзначыў ён. – На ўсіх узроўнях створаны і актыўна дзейнічаюць саветы па працоўных і сацыяльных пытаннях. Іх колькасць у параўнанні з 2003 годам павялічылася ў два разы». Расце колькасць тарыфных галіновых і мясцовых пагадненняў, калектыўных дагавораў. Цяпер у рэспубліцы заключана 530 пагадненняў і больш за 18 тысяч калектыўных дагавораў. Выкарыстанне новых арганізацыйных падыходаў дало магчымасць забяспечыць эфектыўную канструктыўную работу Нацыянальнага савета па

працоўных і сацыяльных пытаннях. Праз гэты савет прафсаюзы ўдзельнічаюць у вырашэнні ўсіх ключавых пытанняў і праблем сацыяльна-працоўнай сферы. На рэгулярнай аснове заключаюцца генеральныя пагадненні паміж урадам, прафсаюзамі і рэспубліканскімі аб'яднаннямі наймальнікаў. Як падкрэсліў Прэзідэнт, у ходзе іх заключэння “часам разгараюцца гарачыя спрэчкі, але, галоўнае, заўсёды знаходзіцца кампраміс” [16]. А.Р. Лукашэнка абазначыў важнасць таго, што ў апошнія гады даволі шырока пачало выкарыстоўвацца калектыўна-дагаворнае рэгуляванне працоўных адносін. Значна ўзрасла роля менавіта такога дыялога паміж наймальнікамі і работнікамі. У выніку многія пытанні вырашаюцца непасрэдна ў працоўных калектывах.

Сістэма сацыяльнага партнёрства і яго механізмы ў сучасных умовах даюць магчымасць вырашаць спрэчныя пытанні не шляхам забастовак і мітынгаў, а за сталом перамоў, шляхам дасягнення ўзаемнай згоды. Сацыяльна-працоўнае партнёрства адыгрывае стабілізуючую ролю, садзейнічае ўстойлівасці, сацыяльна-эканамічнай і палітычнай стабільнасці беларускага грамадства. Разам з тым лічым мэтазгодным павышэнне статуса Нацыянальнага савета па працоўных і сацыяльных пытаннях. Наспела неабходнасць прыняцця законаў Рэспублікі Беларусь «Аб сацыяльным партнёрстве» і «Аб аб'яднаннях наймальнікаў». Для павышэння ролі прафсаюзаў неабходна вяртанне ім права заканадаўчай ініцыятывы.

Выкарыстаная літаратура

1. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Законов о труде Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 15 декабря 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 4. – Ст. 36.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 7. Совет Міністраў Рэспублікі Беларусь. – Воп. 10. – Спр. 2458. Дакументы да пастановаў Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, 1991 г.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.).– Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999г.: одобрен Советом Республики 30 июня

1999 г., с изменениями и дополнениями по состоянию на 2 апреля 2009 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Респ. Беларусь, 2009. – 239 с.

5. Збор пастаноў Урада Рэспублікі Беларусь. – 1994. – № 12. – Арт. 228.

6. О создании Согласительного совета Республики Беларусь по трудовым и социальным вопросам: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 февраля 1993 г. //Деловая орбита. – 1993. – № 4. – С. 7.

7. О развитии социального партнерства в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 15 июля 1995 г., № 278 // Сборник действующих нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь: 1994-2000. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2001. – С.651-652.

8. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 1823. – Арк. 74–76.

9. О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам: Указ Президента Респ. Беларусь от 5 мая 1999 г., №252 // Сборник действующих нормативных правовых актов Президента Респ. Беларусь: 1994-2000.– Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2001. – С. 666–670.

10. НАРБ. – Ф.7. – Воп. 12. – Справа. 2130. Дакументы па пытаннях працы, заробтнай платы і працоўнага заканадаўства. – Арк. 84-88, 174-179, 210.

11. Архіў ФПБ. – Ф.1. – Воп. 17. – Справа 332. Дакументы Нацыяльнага савета па працоўных і сацыяльных пытаннях, 1997 г.

12. Там жа. – Ф.1. – Воп. 17. – Справа 391. Дакументы Нацыяльнага савета па працоўных і сацыяльных пытаннях, 1998 г.

13. Там жа. – Ф.1. – Воп. 17. – Справа 451. Дакументы Нацыяльнага савета па працоўных і сацыяльных пытаннях, 1999 г.

14. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 2313. – Воп. 1. – Спр.2043. Пратаколы пасяджэнняў выканкамаў саветаў аб'яднання арганізацый галіновых прафсаюзаў г. Мінска і Мінскай вобласці, 1999 г. – Арк.14, 59,60,70.

15. Беларускі час. – 2002. – 27 верасня. – С. 3.

16. Беларускі час. – 2010. – 17 верасня. – С. 1-3.

МІХАСЬ ЗАБЕЙДА-СУМІЦКІ – СЛАВУТЫ БЕЛАРУСКІ СПЯВАК

Лойка Т.В., кандыдат гістарычных навук, дацэнт

50 гадоў таму, летам 1963 г., беларуская культурная грамадскасць мела рэдкую магчымасць слухаць канцэрт непараўнальнага “беларускага салаўя” Міхаіла Іванавіча Забейды-Суміцкага. Яго канцэртная праграма ўключала класіку, творы савецкіх і замежных кампазітараў, песні народаў свету, а таксама лепшыя ўзоры беларускай народнай творчасці. Канцэрт Забейды-Суміцкага прайшлі ў Мінску, Гродна, Віцебску, Лідзе, Гомелі, Баранавічах і ўсюды яны сталі сапраўдным вялікім святам, святам музыкі, святам песні. Кантакт з аўдыторыяй быў моцным і трывалым. Непаўторна гучалі ў яго выкананні на мовах арыгіналаў руская і ўкраінская, польская і чэшская, італьянская і іспанская песні, арыі з вядомых опер, рамансы. Слухачы прымалі да сэрца ўсё як вялікі сяброўскі дар, адказвалі спеваку глыбокай удзячнасцю і бясконцымі просьбамі аб паўтарэнні. Але найбольш уражвала слухачоў у яго выкананні гучанне вядомых з дзяцінства беларускіх народных песень. М. Плавінскі, які прысутнічаў на яго канцэрце ў Віцебску, успамінаў: “Я не памятаю, калі б яшчэ так моцна і ўладарна дзейнічала на мяне простая народная песня, хаця слухаў да гэтага нямала розных выканаўцаў. Я забыўся на тое, што сяджу сярод людзей. У цішыні залы гаспадарыла спрадвечная мацярынская песня – беларуская калыханка, пад якую аднолькава спакойна засыналі нашы дзяды і бацькі, мы самі і нашы дзеці. Гром шчырых воплескаў узнагародзіў незвычайнага чараўніка за атрыманую асалоду, за сапраўднае мастацтва” [1, с. 21].

З таго часу прайшло паўстагоддзя. Сённяшняму пакаленню беларусаў імя Забейды-Суміцкага мала што гаворыць. Большасці яно проста невядома. А быў гэта таленавіты чалавек, шчыры беларус, спявак сусветнага маштабу, якога параўноўвалі з выдатным рускім выканаўцам Леанідам Собінавым.

Па волі лёсу і абставін, якія часам бываюць мацнейшымі за жаданні чалавека, ён на ўсё жыццё быў адарваны ад родных мясцін, стаў спеваком беларускай дыяспары. Але і на чужыне ён захаваў шчырую любоў да Бацькаўшчыны, да свайго народа, да яго песень. Як адзначаў вядомы дырыжор, народны артыст Беларусі Рыгор

Шырма, ”Забейда-Суміцкі патрапіў вывесці беларускую народную песню ў шырокі культурны свет. Яму першаму належыць гонар у перадачы гэтых песень праз грамафонныя пліты для шырокага карыстання ў краі і за мяжой” [2, с. 45]. Разам з тым, як чалавек высокай культуры, дэмакрат, ён глыбока паважаў іншыя народы свету, спяваў на 16 мовах і песняй яднаў народы.

Нарадзіўся Міхаіл Іванавіч Забейда 14 чэрвеня 1900 г. у невялікай вёсцы Несцяровічы на Гродзеншчыне (зараз Пружанскі раён Брэсцкай вобласці) ў беднай сялянскай сям’і. Калі хлопчыку было паўтара года, памёр бацька. Ад маткі ён даведаўся, што бацька быў здольны і працавіты чалавек, любіў спяваць, умеў іграць на скрыпцы. З малых гадоў Міхась дапамагаў маці па гаспадарцы, наймаўся на розныя падзённыя работы. Маці таксама мела прыгожы і меладычны голас і, як вядзецца на Беларусі, спявала і ў радасці і ў горы. Разам з ёю спяваў і малы Міхаська. “З цягам часу, – як адзначаў сам Забейда, – песня стала маёю моваю. Быў салістам у школе, у дзіцячым хоры, спяваў у царкве, спяваў на вяселлі. Меў здольнасці іграць на розных інструментах: на балалайцы, на мандаліне, на гітары, на гармоні і нават на скрыпцы, якая засталася ад бацькі. А на губным гармоніку мог зайграць усё, што толькі пачуў” [3, с. 66].

Пасля сканчэння школы у 1914 г. Забейда паступіў у настаўніцкую семінарыю ў г. Маладзечна. Вучыўся добра, атрымоўваў нават спецыяльную казённую стыпендыю і яшчэ падзарабляў урокамі са слабейшымі вучнямі. Менавіта тут, у настаўніцкай семінарыі, пачалося знаёмства будучага спевака з асновамі музычнай граматы. Ён навучыўся іграць на раялі, на канцэртах спяваў так, што аб ім пачалі гаварыць як аб “узыходзячай зорцы”.

Тым часам пачалася Першая сусветная вайна. Фронт набліжаўся да Маладзечна. Трэба было эвакуіравацца, думалася, што ненадоўга. Але гэта “ненадоўга” расцягнулася на ўсё астатняе жыццё. У Смаленску ў 1918 г. скончыў, нарэшце, настаўніцкую семінарыю. Затым два гады працаваў настаўнікам у сяле Усць-Калманскае каля Барнаула. Але віхуры грамадзянскай вайны прымусілі зняцца і з гэтага месца. Забейда апынуўся ў далёкай Манчжурый ў г. Харбіне, дзе ў той час было шырокае культурнае асяроддзе расійскай эміграцыі. У Харбіне быў універсітет, працаваў

тэатр. Забейда паступіў ва ўніверсітэт на эканамічнае аддзяленне юрыдычнага факультэта. У 1929 г. ён атрымаў вышэйшую адукацыю, працаваў эканамістам, атрымліваў нядрэнны заробак.

Але яго няўмольна цягнула да сябе музыка і песня. Адначасова з працай Міхаіл Іванавіч пачаў браць урокі ў лепшых майстроў музыкі, якія жылі тады ў Харбіне. Ён атрымаў новыя веды па тэорыі і гісторыі музыкі, удасканаліў свае навыкі ігры на раялі і, як казаў пазней ён сам, “пачынае сістэматычна школіць голас”. Асаблівы ўклад у яго фарміраванне як спевака ўнесла былая партнёрша Ф. Шаляпіна, прафесар музыкі Юлія Плотніцкая. Яна высока цаніла здольнасці Забейды, яго працавітасць і ветлівасць і гаварыла: ”Толькі Вам, мілы, я хачу пераліць усё тое, што ведаю і на што здольная...” [4, с. 41]. І гэтыя ўрокі далі свой плён. У хуткім часе Забейда ўладкаваўся салістам Харбінскай оперы, дзе ў гэты час адкрылася вакансія на партыю тэнара. Яго дэбют у оперным тэатры пачаўся з ролі Ленскага ў оперы “Яўген Анегін” Чайкоўскага і прайшоў з вялікім поспехам.

Уся мясцовая прэса, і руская, і кітайская, гучна загаварыла пра нашага спевака, прарочачы яму слаўную будучыню. Так, кітайская газета “Гунбао” пісала, што Забейда “чуткий музыкальный певец, он старается осмыслить роль в мельчайших деталях и по возможности перевоплотиться при исполнении роли. Артист со временем будет пожинать большие лавры на этом завидном поприще” [4, с. 42].

Забейда працаваў у Харбінскім тэатры да 1932 г. і праспяваў за гэты час 15 самых значных партый: Фауста з “Фауста” Гуно, Альфрэда з “Травіаты”, герцага з “Рыгалета” Вердзі, Альманава з “Севільскага цырульніка”, Уладзіміра з “Князя Ігара” Барадзіна і іншыя.

Запаветнай марай Забейды, як кожнага добрага спевака, было трапіць у сусветны цэнтр опернага мастацтва – знакамiты тэатр “Ля Скала”. І ён рабіў усё, каб гэтая мара здзейснілася. У 1932 г. Забейда атрымаў візу на паездку ў Італію. З дапамогай старых знаёмых ён увайшоў у кола міланскай опернай багемы, атрымаў доступ на оперныя спектаклі, вучыўся ў лепшых спевакоў высокаму майстэрству вакала. Тут, у Мілане, Забейда ўпершыню пачуў слаўтага Фёдара Шаляпіна, сустрэўся з Леанідам Собінавым. І калі Собінаў праслухаў у выкананні Забейды арыю Ленскага, ён сказаў:

“Как Вы припоминаете мои лучшие молодые годы», даў свой адрас і запрасіў у Маскву [5, с. 158].

Выступленні Забейды ў Італіі, як у оперным тэатры, так і ў гастрольных паездках адзначаліся вялікім поспехам і знаходзілі шырокі водгук у італьянскай прэсе. Крытыкі адзначалі яго “пяшчотную славянскую душу”, яго “чаруючы голас, здольны перадаць усе глыбінныя пачуцці таго ці іншага музычнага твора”.

Так, італьянская газета “Lordine” пісала ў 1934 г.: “Міхась Забейда – тэнар надзвычайнай якасці, артыст высокай культуры. Голас мяккі, гнуткі, падобны голасу свайго суайчынніка Собінава, інтрэпрэтаваў з выключнай чулівасцю тонкія кампазіцыі, выклікаючы захапленне ва ўсіх слухачоў” [4, с. 44].

Італьянскі перыяд жыцця Забейды скончыўся ў 1935 г. Ён вярнуўся на Радзіму, у Шэйпічы, якія ў гэты час ужо знаходзіліся ў складзе буржуазнай Польшчы. Там цяжка захварэла яго старэнькая маці і вельмі хацела ўбачыць сына. З нагоды прыезду ў родныя мясціны ў Ружанах адбылося першае выступленне Забейды на роднай зямлі. У гэты канцэрт ён упершыню ўключыў знаёмыя з дзяцінства беларускія народныя песні, ў тым ліку, і калыханку, якую спявала калісьці яму родная маці.

Поспех канцэрта выклікаў вялікі грамадскі рэзананс і зацікавіў польскія музычныя колы. Забейда атрымаў запрашэнне ў Познанскі оперны тэатр, дзе яму давялося спяваць на польскай мове галоўныя ролі ў новых для яго операх “Галька” Манюшкі, “Юлій Цэзар” Гэндэля, “Барыс Гадуноў” Мусаргскага і інш.

У 1935–1936 гг. выступленні Забейды-Суміцкага прайшлі па ўсёй Польшчы, а таксама ў Літве, Латвіі, Чэхаславакіі. Акрамя класікі, маэстра абавязкова ўключаў у свой рэпертуар беларускі фальклор і творы беларускіх кампазітараў. Шчыра і пранікнённа гучалі ў яго выкананні такія народныя песні, як “Лявоніха”, “Чаму ж мне не пець...”, “Купалінка”, “Кукавала зязюля” і іншыя. Новы саліст познанскай оперы збіраў аншлагі, але кіраўніцтва тэатра пастаянна было ім незадаволена. Прычынай гэтаму было нацыянальнае пытанне, бо Забейда-Суміцкі ўпарта адмаўляўся называць сябе польскім спеваком, не збіраўся адмаўляцца ад роднага народа і роднай мовы. Пазней Забейда пераехаў у Варшаву, дзе стаў салістам на польскім радыё. Але і тут была тая ж самая праблема. Польская цэнзура абмяжоўвала, а часам і забараняла тыя

выступленні, дзе гучалі менавіта беларускія, а не “рэгіянальныя”, “палескія” ці “людовыя” песні.

Сітуацыя аблягчалася тым, што прагрэсіўная частка польскай інтэлігенцыі не была абыякавай да творчасці Забейды. Падтрымліваў і дапамагаў яму і дырэктар Варшаўскага радыё Э. Рудніцкі, якога з удзячнасцю ўспамінаў пазней Міхаіл Іванавіч. Яго выступленні ў Варшаве трансліравалі Парыж, Лондан, Прага, Нью-Ёрк і іншыя радыёстанцыі, адкуль ён атрымліваў захопленыя водгукі і запрашэнні. У гэты час у Варшаве Забейда запісаў на грампласцінкі першыя ў Заходняй Беларусі і наогул у Польшчы беларускія народныя песні ў апрацоўцы Туранкова, Грачанінава, Галкоўскага, якія, дзякуючы яму, сталі папулярнымі сярод шырокіх колаў насельніцтва.

У 1939 г. М. Забейда рыхтаваўся пачаць вялікае турнэ па Еўропе і Амерыцы. Але ўсе планы зноў змяніла вайна, на гэты раз Другая сусветная. Падчас бамбардзіровак Варшавы Забейда атрымаў цяжкую кантузію, але добрыя людзі дапамаглі спеваку выжыць і вытрымаць. Пазней умовы жыцця ў акупіраванай Варшаве прымусілі яго пакінуць польскую сталіцу і выехаць у Чэхаславакію. Тады ён і не думаў, што Прага будзе для яго доўгім і апошнім прытулкам у блуканнях па свету.

Залатая Прага сваёй прыгажосцю аказала на Забейду моцнае і незабыўнае ўраджанне. Потым ён пазнаў і другі бок пражскага жыцця – цяжкі прыгнёт гітлераўскіх акупантаў. Першы канцэрт адбыўся восенню 1940 г. у перапоўненай Сметанаўскай зале, дзе было больш за тысячу слухачоў. І калі Забейда выканаў вядомую песню чэшскага кампазітара Б. Сметаны “Той народ яшчэ не загінуў, якому вяшчун спявае песні...”, раздаліся такія воплескі, што не паўтарыць песню было проста немагчыма [6, с. 61]. Гэта вечарына для пражскай публікі была адметная яшчэ тым, што яна ўпершыню пачула беларускія песні. За выкананне рускіх, беларускіх і ўкраінскіх песень Забейду абвінавацілі ў прапагандзе славянства. Акупацыйныя ўлады запатрабавалі “праявіць сябе палітычна”, не аднойчы выклікалі ў Берлін, прапаноўвалі ўзначаліць “беларускія” радыёперадачы. Нягледзячы на пагрозы, Забейда катэгарычна адмаўляўся. У яго былі іншыя планы. Пазней спявак адзначаў у сваіх успамінах: “Я ведаў, што фашысты нацкоўваюць адзін народ на другі, выкарыстоўваючы іх спрэчкі ў сваіх інтарэсах.

Я ж імкнуўся песняю з’ядноўваць людзей, імкнуўся закрануць найдалікатнейшыя, самыя патаемныя і лепшыя струны чалавечага сэрца. Таму я спяваў на роднай мове і на роднай мове таго народа, перед якім выступаў. Родная песня адкрывала іх сэрцы, збліжаючы з імі. Я спяваў на 16 мовах розных народаў. Спяваў толькі на памяць. Мае выступленні ўспрыималіся з асаблівай цеплынёй і шчырасцю. Гэта быў не проста поспех: адбывалася нешта такое, што ўзбагачала людзей, збліжала, рабіла лепшымі... Песня становілася сапраўднай зброяй у барацьбе за лепшага чалавека, за лепшае жыццё” [5, с. 160].

З гэтай “зброяй” спявак па-свойму і ваяваў – ездзіў па акупіраваных гітлераўцамі гарадах і выступаў з песнямі. Выступаў і ў Беларусі ў Мінску, Гродна, Баранавічах, Ваўкавыску, Дзвінску. “Калі б я не спяваў, то вымушаны быў бы працаваць дзе-небудзь у Германіі на ваенным заводзе, як працавалі іншыя, прымусова ўзятыя фашыстамі” – адзначаў Забейда. Свой ганарар ад многіх выступленняў ён перадаваў партызанам, антыфашыстам. Яго арыштоўвалі, цягалі ў гестапа то як “большавіцкага агента”, то як “непажаданую асобу”. Урэшце яго кінулі ў турму...

Вызваліла яго Савецкая Армія. Але дадому ў Беларусь ён так і не вярнуўся, застаўся жыць у Празе. Шмат працаваў, выступаў з канцэртамі, на радыё, запісваў пласцінкі. Па-ранейшаму спяваў не толькі класіку, але і песні народаў свету, творы савецкіх кампазітараў. У яго рэпертуары былі рамансы Шастаковіча, санеты Кабалеўскага, творы Хачатурана, Салаўёва-Сядога, Багатырова, Чуркіна і іншых кампазітараў. За сваю актыўную і самаадданую канцэртную дзейнасць Забейда-Суміцкі атрымаў за мяжой шырокую папулярнасць, прызнанне, шматлікія ўзнагароды. Ён вельмі хацеў памерці на Радзіме, але пакінуў жыццё на чужыне. Памёр Міхаіл Івановіч Забейда-Суміцкі 21 снежня 1981 г. Пахавалі вялікага спевака на Альшанскіх могілках у Празе. Сваю творчую спадчыну, архіў, бібліятэку ён завяшчаў роднай Беларусі, з якой у песнях і думках не раставаўся ніколі.

Выкарыстаная літаратура

1. Плавінскі, М. Салавей бацькаўшчыны мілай / М. Плавінскі // Беларусь. – 1990. – № 2. – С. 21.

2. Шутовіч, Я. На вышніх мастацтва / Я. Шутовіч // Куфэрак Віленшчыны. – 2001. – № 1. – С. 45.

3. Песня стала маёю моваю // Мастацтва Беларусі. – 1990. – № 6. – С. 66.
4. Шутовіч, Я. На вышынях мастацтва / Я. Шутовіч // Куфэрак Віленшчыны. – 2001. – № 1. – С. 41.
5. Шутовіч, Я. На вышынях мастацтва / Я. Шутовіч // Куфэрак Віленшчыны. – 2001. – № 1. – С. 42.
6. Забейда-Суміцкі, Міхась // Маладосць – 1988. – № 10. – С. 158.
7. Шутовіч, Я. На вышынях мастацтва / Я. Шутовіч // Куфэрак Віленшчыны. – 2001. – № 1. – С. 44.
8. Забейда-Суміцкі, Міхаіл Той народ яшчэ не загінуў, якому вяшчун спявае... / М. Забейда-Суміцкі // Мастацтва Беларусі. – 1999. – № 7. – С. 61.
9. Міхась Забейда-Суміцкі // Маладосць – 1988. – № 10. – С. 160.

ЗАСЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ ЧЕЛОВЕКОМ

Божанов В.А., доктор исторических наук, профессор

Длительное время развитию науки о происхождении человека препятствовало установившееся мнение, что природа – это божественная сущность и она не подлежит изменениям, развитию. Лишь сравнительно недавно было признано, что природа и его составная часть – человек, были не всегда. Человек возник в результате постепенного действия эволюционной энергии природных сил, переходя, как выразился Ф. Энгельс, от дикости к варварству и затем к цивилизации. Ученые доказали, что нет непроходимой стены между органическим и неорганическим мирами, вся природа движется в вечном потоке и круговороте. Возникнув из неорганической природы, органический мир дифференцировался до появления позвоночных, среди которых появилось «то позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя, – человек» [8, с. 365]. На это ушли сотни тысяч лет, что для истории Земли является лишь мгновением.

Многое в этой проблеме прояснила археология. Первые эмпирические данные о происхождении человека стали появляться с 1856 г., когда во Франции были найдены останки древнего человека – дриопитека. В 1924 г. в Южной Африке были обнаружены останки австралопитека. Современные ученые полагают, что австралопитек является, так сказать, ближайшим родственником человека.

Это было прямоходящее млекопитающее, существовавшее примерно от 5 до 2,5 млн. лет назад. Австралопитек в качестве оружия для защиты от врагов и для добычи пищи использовал кости животных и камни. Голландский исследователь Эжен Дюбуа обнаружил на острове Ява останки прямоходящего человека, названного питекантропом. Черепная коробка яванского человека – питекантропа – превосходила по размеру череп любой человекообразной обезьяны и составляла примерно 2/3 от черепа современного человека. Он принадлежал к семейству Номо и имел зачаточные речевые навыки [5, с. 41]. Его существование датируется примерно от 500 тыс. до 2 млн. лет назад. Питекантроп был охотником, использовал огонь. Питекантроп, полагают ученые, – это звено между длиннорукой обезьяной и человеком.

В 1960–1970-е гг. в Африке были обнаружены останки древнейших людей, которые пользовались простейшими орудиями труда из гальки. Этих людей назвали *homo habilis*, т.е. человек умелый. На его основе, полагают, примерно через 500 тыс. лет в результате эволюции возник питекантроп, которого сменил неандерталец. Останки последнего были найдены сначала в Германии, а затем и по всей Европе, Азии и Африке, т.е. неандерталец впервые заселил планету. Неандертальцы научились сдирать с животных шкуры, шить из них непрехотливую одежду, воздвигать жилища. Они были предками кроманьонцев и делились на две группы. Ученые полагают, что у первой группы появились зачатки членораздельной речи. Вторая группа, по мнению ученых, проявила склонность к социальной сплоченности, поэтому у ее представителей значительно увеличился размер лобных долей головного мозга. Скорее всего, вторая группа породила *homo sapiens*. Утверждается, что эти два вида млекопитающих существовали одновременно на протяжении нескольких тысячелетий [7].

Выявляя ключевой момент в происхождении человека, Ф. Энгельс писал: «Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря чему пропасть между человеком и обезьяной стала с тех пор непроходимой» [8, с. 53].

Во Франции обнаружены останки кроманьонцев, появившихся в верхнем палеолите. Для этого периода характерно применение множества новых видов орудий и появление современного человека – homo sapiens. Изобретение инструментов из кремневых пластин можно назвать первой промышленной революцией [5, с. 69]. Важным открытием верхнего палеолита стало то, что из одного большого куска кремня можно было получить много отщепов с параллельными краями. Пластинчатые орудия, по всей видимости, являются первым изобретением человека разумного [5, с. 72]. С помощью своих орудий труда они умели изготавливать одежду и строить жилища. Они владели членораздельной речью, обладали по сравнению со своими предшественниками высоким ростом (до 180 см.) и объемом черепной коробки, равной примерно 1600 см. в кубе.

Вскоре после того, как появилось это важное изобретение, по Европе, Азии и Индии внезапно распространился современный человек, принесший с собой все пластинчатые орудия, а все люди мустьерской культуры исчезли. В то же время надо отметить, что человек, живший в мустьерскую эпоху, начал рисовать. Об этом свидетельствуют наскальные рисунки. Древняя живопись начиналась с рисования силуэтов, затем их начали раскрашивать. Важнейшее открытие неолитического человека – изготовление разных вещей из глины, Появилась возможность кипятить воду, хранить молоко и зерно.

Пройдя огромный путь от присвоения готовых продуктов природы к скотоводству и земледелию и затем к промышленному производству всего необходимого для своей жизни, человек сформировал современную цивилизацию, стал претендовать на независимость от природы. В то же время уже давно, а в наше время особенно остро выявилось, что человек, возвышаясь над природой, одновременно наносит ей огромный ущерб. Овладевая законами природы, мы не научились правильно их применять, тем самым ставя под угрозу сам факт существования человека и жизни на Земле. Близкие и отдаленные последствия хозяйственной деятельности человека не в полной мере им осознаются и предусматриваются. Человек и природа имеют единое начало. Уничтожая природу, необдуманно вмешиваясь в ее развитие, человек подрывает естественную среду своего обитания. Именно в солнце, ветре, дожде, растительности, облаках, сменах времен года, дня и ночи, воде, обмене

веществ и т.д. лежит основа жизни и планеты, и самого человека. Человек не противоположен природе, он един с ней как дух и материя, душа и тело.

Развитие человека, его социальной среды получили ни с чем в прошлом не сравнимое ускорение, которое отныне будет только нарастать. В основном, это будет интеллектуальное развитие в отличие от завершенного физического. Человек вырвался из животного мира, сам стал определять свои потребности и степень их удовлетворения и вскоре его хозяйственная деятельность превзошла природную. Человек научился изменять природу, т.е. естественную среду своего существования, но не приобрел пока чувства меры, ощущения и понимания границы допустимого вмешательства в природное начало. В природном начале таится источник животоворящего. Где-то, неизвестно где! Если человек дотянется до таинства жизни на планете, то неосторожным или необдуманным, а может и злобным действием безвозвратно погубит это таинство и жизнь на Земле.

Недавно ученые на основе второго закона термодинамики (процесс передачи теплоты от горячего тела к холодному является необратимым) открыли циклический закон возникновения Вселенной. Во Вселенной, как замкнутой системе, энтропия (мера беспорядка системы, состоящей из многих элементов) стремится к максимуму, что в конце концов приводит Вселенную к «тепловой смерти». Происходит Большой взрыв и зарождается новая Вселенная. Так циклически появляется, исчезает и вновь появляется Вселенная, подчиняясь вечным процессам смерти и рождения. Вселенная непрерывно пульсирует: то расширяется, то сжимается – и потому нет ни начала, ни конца. Соответственно, Большой взрыв – не первое и не единственное событие такого рода. Модель пульсирующей Вселенной сегодня предпочтительна в научном мире [8, с. 58].

В результате подобного Большого взрыва, по мнению ученых, 14 млрд. лет назад возникла нынешняя наша Вселенная, а примерно 4 млрд. лет назад – планета Земля. 600 млн. лет назад, в эпоху палеозоя, на Земле появились первые ростки жизни в виде водяных водорослей. В мезозое возник животный мир: рептилии, очень крупные насекомые, первые птицы. В неозое животный мир стал похожим на современный. Человек, как считают ученые, появился в конце ледникового периода. Это время, когда млекопитающие вы-

делились из класса пресмыкающихся следующими признаками: четырехкамерное сердце, разделение артериального и венозного кровотоков, внутриутробное развитие и вскармливание детенышей молоком, преобладание условных рефлексов над безусловными.

Великий англичанин Чарльз Дарвин в 1871 г. опубликовал свою работу «Происхождение человека и половой отбор» [1], которая была раскуплена в тот же день. Согласно изложенной в ней эволюционной теории, человек возник в результате длительного развития живых существ от простых к все более сложным. Дарвин, ссылаясь на работы известных естествоиспытателей, пришел к выводу о том, что «человек построен по тому же общему типу или образцу, как и другие млекопитающие» и привел многочисленные, по его мнению, доказательства этой концепции. Он обнаружил сходство скелета человека с костями обезьяны, летучей мыши или тюленя. То же относится к его мускулам, нервам, кровеносным сосудам и внутренностям. Мозг следует тем же законам, что подтверждают исследования анатомов. У человека и у низших животных проявляются такие сходные болезни, как оспа, сифилис, холера, лишаи, катаракта, чахотка, катар и т.д., зародыш человека близко сходен с зародышами других млекопитающих. Дарвин нашел немало рудиментов, которые похожи на части тела или внутренние органы животных, но у человека уже не функционирующие. Например, у человека есть хвостовая копчиковая кость, а также некоторые другие позвонки, которые хотя и не играют роли хвоста, тем не менее, отчетливо соответствуют этой части тела у других животных. «Человек и все другие позвоночные, – заключает Чарльз Дарвин, – были построены по одинаковому общему образцу», все они проходили через одинаковые ранние стадии развития. «Мы должны откровенно допустить общность их происхождения». – делает вывод ученый [9].

Уже на следующий день после опубликования дарвиновского труда даже известные в то время ученые предрекали этой теории происхождения человека скорую смерть. В наше время она также подвергается попыткам опровержения, замены другими теориями. В ней есть немало мест для критики. Что вдохнуло в планету Земля первоначальную жизнь? Сходство животных и человека не является ли доказательством того, что у них один Творец? Между видами животных существуют разрывы, что ставит под сомнение их после-

довательное развитие. Естественным отбором невозможно объяснить художественный, музыкальный или любой другой эстетический талант, поскольку ни один из них не даёт никаких преимуществ в борьбе за выживание. Концепция Дарвина, отработав часть своего пути к познанию, уступает место новым открытиям в этой области. Думается, что человечество все же раскроет и эту тайну своего происхождения.

Эволюционная идея Чарльза Дарвина родилась одновременно со своей противоположностью – вторым законом термодинамики Карно – Клаузиуса. Полная оптимизма теория Дарвина взяла на вооружение агрессивность и изменчивость, определяя земную жизнь как односторонний путь из хаоса к вершинам естественного отбора более совершенных особей. Теория же Клаузиуса предвещала непрерывную дезорганизацию или разрушение изначально созданной структуры, движение к хаосу и «тепловую смерть», т.е. указывала противоположное направление естественного развития. Ученые пришли к выводу, что естественный отбор является одним из могучих двигателей в процессе прогрессивного развития, но были и другие факторы влияния. Спустя 17 лет после издания своего знаменитого труда Дарвин говорил: «По-моему, я сделал одну большую ошибку, что не признал достаточного влияния прямого воздействия окружающего, т.е. пищи, климата и пр., независимо от естественного отбора» [Цит. по: 8, с. 73].

Первоначальное проникновение человека на территорию современной Беларуси произошло примерно от 100 до 35 тыс. лет назад в период среднего палеолита. На планете происходило потепление климата, т.к. ледник уже 250–110 тыс. лет назад начал таять. Заселял территорию неандерталец – последний (по нынешнему состоянию науки) переходный тип от человекообразья к современному человеку. Он оставил после себя очевидные человеческие признаки – грубо обработанные приспособления труда [6, с. 10].

Каменные орудия практически всегда являются единственными свидетельствами существования первых людей каменного века [5, с. 24]. Когда первобытному человеку пришло в голову сделать из осколка кремня грубый инструмент, придав ему форму, он сделал первый шаг к цивилизации. Однако ушли на это тысячелетия. Археологи обнаруживают кости первобытных животных, убитых человеком, в окружении рубил, которыми он пользовался для освеже-

вания и разделывания туши. Вокруг скелетов животных могло быть разбросано по два десятка рубил и кремневых осколков. Такие орудия зачастую находят тысячами в одном и том же гравийном карьере. Считается, что это доказывает существование крупных первобытных стоянок с большим количеством людей.

Редкие находки показывают, что неандерталец слабо заселил территорию Беларуси: на сотни километров простиралась неосвоенная человеком местность. Неандерталец – получеловек, полупрimate – пользовался огнем, хоронил умерших, осуществлял коллективные работы, формировал свою социальную среду. На смену неандертальцу 40–35 тыс. лет назад, в период позднего палеолита, пришел кроманьонец – современный тип человека. С него начинается человеческая история как таковая.

Однако природа жестко встретила кроманьонца, как бы испытывая его на выживание. 90–70 тыс. лет назад произошло новое и последнее оледенение. 18 тыс. лет назад климат стал настолько суровым, что кроманьонец вынужден был на 10 тыс. лет покинуть территорию Беларуси. Лишь в мезолите, 8500–8300 лет до н.э., наступил конец последней ледовой эпохи.

Схематично эволюцию человека можно представить следующим образом: парапитек (30 млн. лет назад) – австралопитек (5 млн. лет назад) – *homo habilis* (человек умелый, 2,4 млн. лет назад) – *homo erectus* (человек прямоходящий, 1,5 млн. лет назад) – питекантроп, синантроп (древнейшие люди, 1 млн. лет назад, нижний и средний палеолит) – *homo neanderthalensis* (200 тыс. лет назад, нижний и средний палеолит) – *homo sapiens* (человек разумный, кроманьонец, 50 тыс. лет до н.э.) – *homo faber* (человек творящий, XIV–XVI вв. до н.э.)... Рука не поднимается поставить точку, ибо человеческое развитие не может завершиться. К *homo* будут прирастать новые его качества, в которых проявится неисчерпаемость человеческого разума. Каждый из обозначенных типов человекообразного существа обозначал путь, по которому жизнь на планете пробивалась к своему высшему проявлению – разуму. Парапитек и австралопитек были, очевидно, почти полными приматами с некоторыми непостоянными способностями к творческой работе по отбору из окружающей природы наиболее полезных для него предметов. Человек умелый, который жил только в Африке, не только сделал этот признак постоянным, но и начал грубую обработку отбираемых пред-

метов. Речь, конечно, идет о кремневых камнях, которые оказались для первобытного человека наиболее подходящим материалом, чтобы изготавливать примитивные орудия труда.

Работа с орудиями труда требовала освобождения передних конечностей от опорно-двигательной функции и перепрофилирования их на созидательно-творческую. Для этого человек начал преодолевать горизонтальное положение, становился прямоходящим. Его кругозор, масштаб обозреваемости местности значительно увеличился, что, несомненно, развивало мыслительные способности этого существа. Объем и разнообразие получаемой им информации нарастали. Морда преобразовывалась в лицо, освобождаясь от сугубо охотничьих функций и приобретая способность к эстетически подвижной и многовыразительной мимике. В неандертальце эти способности по закону превращения количества в новое качество подвели к необходимости разрыва этого существа со своей природно-звериной частью. Видимо, этим объясняется повсеместное вымирание на Земле неандертальца и появление человека разумного. Природная ветвь исчерпала себя в возможностях развития и дальше произошел прорыв в царство разума. Этот скачок до сих пор не находит конкретного доказательства, кроме логического. Но примем его за аксиому.

Возникший человек разумный стал хозяином самого себя и своего бытия. Теперь он сам начал определять свои потребности и их удовлетворение. Первичная природа дополнилась искусственной природой человека. Но признаки зверя не исчезли из человека полностью. Поэтому люди не всегда удерживают себя в разумном состоянии и в некоторых ситуациях позволяют инстинктам вернуть себя к проявлению звериной необузданности и природно-необходимого начала. Это ни плохо, ни хорошо. Это – объективность, которая в одних случаях выручает человека, в других приносит большую беду. И человеку нужно помнить об этом, чтобы уметь предельно обуздать в себе атавизмы зверя. Вид «человек разумный» – *homo sapiens* был определен Л. Линнеем в его знаменитой книге «Система природы», вышедшей в 1758 г. Вид «человек неандертальский» – *homo neanderthalens* был установлен У. Кингом в 1861 г. Последний являлся ранней стадией эволюции гоминид. Соответственно, существовала теория двух скачков: одного – при образовании самого семейства гоминид и второго – при переходе от

рода *Pithecanthropus* к роду *homo*, к человеку современного типа. Формирование человеческого общества происходило в течение всего раннего (нижнего, древнего) палеолита, или, иначе, археолита, и закончилось лишь с переходом к позднему (верхнему) палеолиту.

История формирующегося общества отчетливо подразделяется на две основные стадии. Первая – эпоха архантропов (питекантропов, синантропов и других сходных форм), которая охватывает весь ранний археолит, представленный развитой олдувайской и раннеашельской индустриями. Она началась примерно 1–1,5 млн. лет и закончилась 200–300 тыс. лет назад. Вторая стадия – эпоха палеантропов (неандертальцев), которая охватывает поздний археолит, представленный среднеашельским, позднеашельским, предмустьерским, раннемустьерским, позднемустьерским периодами и другими сходными с ними эпохами. Завершилась она примерно 35–40 тыс. лет назад.

Переход от ранних палеантропов к поздним был ознаменован огромным прогрессом и формированием общественных отношений. Резко сократилось число конфликтов внутри человеческих объединений и, соответственно, выросла их сплоченность. Завершение становления человека и общества было невозможно без преодоления замкнутости прообщин. И она была преодолена. Становление человека и общества завершилось [2, с. 73].

Итак, в мезолите человек вновь появился на территории Беларуси и на этот раз всю ее заселил. Общее число найденных археологами мезолитических стоянок человека достигает 120 вместо двух палеолитических. Человек изобрел лук со стрелами, приручил собаку, стал передвигаться по рекам и озерам на челнах. Теперь он был в состоянии не только утолить актуальный голод, но и создавать продуктовые запасы. Это вызвало индустрию глиняной посуды.

Территория Беларуси обживалась, приобретала хозяйственную устойчивость. Начиная с 3500 лет до н.э., понадобилось не менее 2 тыс. лет, чтобы вся Беларусь сделалась земледельческим краем, что называют неолитической революцией. Для этого нужна была определенная плотность населения. В IV тысячелетии до н.э. с востока пришли финно-угорские группы, а в III-II тысячелетии до н.э. индоевропейские группы с Причерноморья освоили нашу землю. Одна из этих групп получила название «балты». С 2300 по 1800 гг.

до н.э. – новая сильная волна расселения племен, а в I тысячелетии до н.э. произошла первая крупная миграция славян в Беларусь, в VI–XI вв. славяне массово заселили территорию Беларуси. Ключевский считал, что с VII в. восточные славяне расселялись с Карпат [3, с. 127].

С конца IV в. до VI в. н.э. происходит Великое переселение народов. Но оно проявилось главным образом исходом из балтийской области германских племен готов в Причерноморье. В VIII–X вв. в Верхнем Подвинье и Поднепровье сформировались новые устойчивые восточнославянские этнические сообщества – кривичи-полочане, дреговичи, радимичи, причем этот процесс происходил стихийно. В культуре и языке кривичей-полочан, дреговичей, радимичей переплелись славянские и балтские элементы. При этом каждая из этих групп сама явилась результатом смешивания различных этнических групп. Например, кривичи произошли от ассимиляции пришлыми славянами местных балтских и западно-финских племен. Это были качественно новые пробелорусские образования, делают вывод авторы академического издания «Нарысы гісторыі Беларусі» [6, с. 71]. Кохановский А.Г. утверждает, что, во-первых, славяно-балтский синтез происходил в IX–X вв., во-вторых, он также согласен, что на основе этого синтеза образовались первоначальные восточнославянские этнические общности: дреговичи, кривичи и радимичи, и, в-третьих, эти общности просуществовали до середины XII в. и к этому времени вместе с другими восточнославянскими общностями (древлянами, волынянами, полянами, словенами, вятичами, северянами и др.) трансформировались в общевосточнославянскую этническую общность. Люди, которые относились к этой новой восточнославянской общности, называли себя «русинами», «русичами», «русскими» [4, с. 5]. То есть, речь идет не о пробелорусской, а об общевосточнославянской этнической общности. Первое упоминание о понятиях Русь или Русская земля В.О. Ключевский нашел в договоре князя Игоря с Византией, датированным 945 годом. Речь шла преимущественно о Киевской области [3, с. 282]. При этом Ключевский подчеркивал, что понятие Русская земля ограничивалось географическим пространством и не выражало в то время понятие «русский народ» как национальное единство. Для Ключевского понятия «восточное славянство» и «русское славянство» являлись синонимами.

Непосредственно основными предками белорусского народа, по мнению А.Г. Кохановского, были две большие группы этой новой восточнославянской этнической общности, центрами которых явились Поприпятье и Подвинье [4, с. 5-6]. Доказательством он считает то, что в языке и культуре поприпятской и подвинско-поднепровской групп восточнославянской этнической общности возникло много элементов, из которых сформировался язык и комплекс традиционной культуры белорусского народа. Автор, к сожалению, не приводит конкретных тому свидетельств, что делает его утверждение интересным, но умозрительным. На остальной территории Беларуси – северная часть поприпятской и южная часть подвинско-поднепровских групп – в основу белорусского этноса вошли отдельные группы западнославянского (польского), балтского (как восточнобалтского – литвы, латгалов, так и западнобалтского – прусов, ятвягов, жемойтов) и тюркского (татарского) населения. Отсюда разные обозначения населения – литвины, русины, белорусцы. Самостоятельный этнос «белорусы» окончательно сформировался в XV – начале XVI вв. Территория формирования белорусского культурного комплекса в этот период входила в Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское [4, с. 6].

Киев стал первым центром единства восточного славянства, первоначальной формой Русского государства (Ключевский). Выгодно расположенное на торговом пути «из варяг в греки», Киевское княжество не только обогатилось, но и стало распространять свое влияние на соседние княжества. С востока кочевое население степей своими бесконечными и жестокими набегами, по существу, преградило путь восточным славянам на восток. Поэтому на многие века определился главный вектор восточнославянской экспансии – на запад, к морю. «Паровозом» этого движения стало быстро набравшее силу Московское княжество.

Что же касается восточных славян, осевших в Поднепровье, Подвинье и Поприпятье, то они довольствовались местными природными условиями (лес, болота), позволявшими людям уходить от врагов в недоступные места, сохранять свое хозяйство, быт. Отсюда сформировавшиеся в характере белорусов неторопливость, ведение небогатого, но устойчивого хозяйства, настороженное отношение к незнакомцам, сдержанность в проявлениях радости, веселья, несчасть.

Использованная литература

1. Дарвин, Ч. Происхождение человека и половой отбор. // www.vivovoco.rsl.ru/vv/PAPERS/BIO/DARWIN/DESENT/RACE.HTM – Дата выхода: 14.05.2013.
2. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986. – 578 с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 1. / В.О. Ключевский. – М.: «Мысль», 1987. – 430 с.
4. Становление и развитие белорусской государственности / А.Г. Кохановский [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – 44 с.
5. Марджори, К. Первобытные люди. Быт, религия, культура / К. Марджори. Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 238 с.
6. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч.1.– Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.
7. Филин, С. Концепция современного естествознания: конспект лекций // www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Filin/0.5.php. – Дата выхода: 14.05.2013
8. Фурса, Е.Я. Мироздание – мир волн, резонансов и...ничего более / Е.Я. Фурса. – Минск: УниверсалПресс, 2007. – 480 с.
9. Энгельс, Ф. Введение к «Диалектике природы» // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1970.– 644 с. www.koob.ru – Дата выхода: 14.05.2013.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КООРДИНАТ

Семёнова Л.Н., доктор исторических наук, доцент

Постмодернизм, ставший методологической основой современной постнеклассической науки, во многом способствовал потере у историков интереса к теоретическим вопросам. Постмодернистская стилистика переводит вектор исследовательской деятельности с постижения сущности объекта к его авторскому представлению и пониманию. Уход в культурологические, психологические, герменевтические, лингвистические аспекты стал для многих историков компенсацией за разочарование в марксистско-ленинской и других классических теориях. Между тем, потребность в теоретическом осмыслении исторического процесса по-прежнему актуальна, и в

условиях сегодняшней нестабильности, конфликтности, нарастающих кризисов только усиливается.

Одной из важнейших теоретических проблем всегда будет оставаться система координат для организации исторического материала. Основополагающими в этой системе являются минимум две координаты: временная, определяющая сущность исторических периодов, и пространственная, находящая компромисс между политическими, региональными, цивилизационными и прочими границами. Устоявшаяся система координат применяется в учебном процессе.

Обратимся к общим курсам и учебной литературе по истории Беларуси. В рамках политической истории сложилась политическая периодизация пребывания белорусских земель в составе разных государств: Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза, и, наконец, суверенной Республики Беларусь. Что касается общеисторической периодизации, в которой учитываются тенденции мирового исторического процесса, а также сущность общественного устройства, включая экономическую, социальную, политическую и идеологическую системы общества, здесь далеко не все очевидно. Например, «История Беларуси» в шести томах сначала представляет материал с учетом общеисторической периодизации, например, генезис феодальных отношений на белорусских землях, Беларусь на склоне феодально-крепостнической эпохи, становление буржуазного общества. Однако история Беларуси XX в. трактуется преимущественно в рамках политической периодизации, например, Советская Беларусь в условиях тоталитарной системы, укоренение административно-командных методов в экономике и т.д. [7].

Согласно общеисторической периодизации, всемирную и европейскую историю принято делить на первобытную (3 млн. лет до н.э. – IV–III тыс. до н.э.), древнюю (IV–III тыс. до н.э. – V в. н.э.), средневековую (V–XV вв.), новую (XVI–начало XX в.) и новейшую (XX–XXI вв.). Главным критерием разделения древней и первобытной истории выступает политогенез – происхождение государства. Государственность у славян формируется существенно позже других народов. Поэтому в отечественной историографии, школьных и вузовских учебниках и атласах периоды первобытной и древней истории, как правило, объединяются в один период древней исто-

рии. Однако, на наш взгляд, формула «Беларусь в период первобытной и древней истории» в соответствии с общепринятой хронологией всемирной истории точнее подчеркивала бы общемировой контекст исторических процессов на белорусской территории. Одно дело, борьба за выживание людей каменного века, и совсем другое, миграции индоевропейцев в условиях существования крупнейших древних империй в период бронзового и железного веков.

В белорусской историографии утвердились следующие характеристики исторических этапов в контексте общеисторической периодизации. Для Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, развивавшихся в эпоху средних веков и раннего нового времени, характерен феодализм. В Российской империи в эпоху нового времени при феодально-крепостнической системе складывался капитализм, который после отмены крепостного права получил простор для своего развития. Советский Союз в период новейшего времени – социалистическое государство. Наиболее частые характеристики суверенной Республики Беларусь – белорусская модель социально-экономического развития, социально-ориентированная рыночная экономика и т.д. Таким образом, представлена четкая схема прогрессивного исторического процесса Беларуси: древность – феодализм – капитализм – социализм – белорусская модель.

С одной стороны, в отечественной историографии подобные периоды и их характеристики связываются с «формационной теорией» К. Маркса, причем в советском обществоведении «формационная теория» приобрела собственные очертания. Это известная с 1930-х гг. «пятичленка» в виде первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций. Отношение к этой теории предельно точно выражено, например, в учебно-методическом пособии под ред. В.И. Голубовича и Ю.Н. Бохана: «В конце концов, формационный подход в истории не выдержал проверки временем и уступил место более научно обоснованному подходу – цивилизационному» [11, с. 7].

Но, с другой стороны, логика и категориальный аппарат советской формационной теории воспроизводятся в учебной литературе с удивительным постоянством. Упомянутое учебно-методическое пособие под редакцией В.И. Голубовича и Ю.Н. Бохана, претендующее на изложение истории Беларуси в контексте мировых ци-

визаций с точки зрения цивилизационного подхода, в лишь добавляет в утвердившуюся схему некоторые понятия: становление христианской цивилизации, индустриальной цивилизации, становление нового уклада жизни (1917 – 1920 гг.), соревнование и конфронтация двух социально-политических систем и т.д.

Безусловно, сложившаяся схема логична и обладает мощным объяснительным потенциалом, хотя уже накоплено множество фактов, показывающих несоответствие реальной исторической практики классическим теоретическим постулатам. Кроме того, сам факт, что все категории и теории феодализма, капитализма, социализма, за исключением, естественно, «белорусской модели», были сформированы в XIX в., заставляет задуматься о востребованности современной теоретической мысли. Гуманитарная наука XX в. достаточно интересна и плодотворна. Новые концепции вполне имеют шанс не только дополнить и развить, но даже и потеснить советскую формационную теорию. Но сначала обратимся к теоретическим положениям самого К. Маркса, которые гораздо более глубоки и диалектичны, чем интерпретации марксистско-ленинской философии.

К. Маркс не разрабатывал теорию формаций. Одним из первых понятие «общественно-экономическая формация» ввел Г.В. Плеханов, затем его подхватил В.И. Ленин. В ходе продолжительных дискуссий в советском обществоведении 1930-х гг. И.В. Сталин предложил теорию общественно-экономических формаций, которая из его работ перешла в учебники по истории КПСС, намертво сцементировав все последующие исторические построения советского обществоведения. Будучи гегельянцем и разделяя идею Гегеля о триадах в мышлении, К. Маркс выделял три и только три общественные формации: первичную (архаическую), вторичную (экономическую) и третичную (коммунистическую). Определение «экономическая» относится лишь к вторичной формации, означая первостепенную роль в ней экономической деятельности, основанной на труде, понимаемом в качестве внешней материальной необходимости. В соответствии с философией К. Маркса это – «царство необходимости», тогда как при третичной формации человечество вступит в «царство свободы». В экономической формации К. Маркс насчитывал несколько способов производства: «... в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрес-

сивные эпохи экономической общественной формации» [15, с. 138]. Вот она, часто цитируемая и породившая столько загадок и разночтений, формулировка К. Маркса из работы «К критике политической экономии». Отсюда логично вытекает вывод о том, что способы производства присутствуют в формации, сменяют друг друга, возможно, и сосуществуют. В этой формуле мы видим и азиатский, по поводу которого было сломано немало копий, и античный, а не рабовладельческий, способы производства. Итак, способ производства не сам по себе, а в контексте формации. А ведь еще следует учитывать пространственный, культурный, цивилизационный фон. Не случайно К. Маркс наряду с абстрактными понятиями применял географический термин – азиатский способ производства. Нельзя не признать, что в любом обществе существует некий смыслообразующий стержень, культурный код, в рамках которых задаются направления и формы всей человеческой деятельности, включая экономическую.

Обратимся к современной авторской концепции восточной и западной структур общества известного востоковеда Л.С. Васильева. Эти структуры вырастают, исходя из идейно-институциональной основы, о которой Л.С. Васильев пишет, что «именно и только она, а не что-либо иное, становится с течением времени фундаментом, определяющим образ жизни и конкретные формы существования любых человеческих общностей во всем их невообразимом многообразии» [5, с. 17]. В эпоху древней истории начинается формирование цивилизаций и расхождение цивилизационного пути по двум основным магистралям: Восток – Запад. Цивилизация Запада техногенна, постоянно пребывая в состоянии модернизации. Ее история динамична и прерывиста, исторические периоды качественно отличаются друг от друга, поскольку в них складываются принципиально новые формы общественного устройства: в древности – античный капитализм; средневековье – феодализм; новом времени – первоначальное накопление капитала, индустриальный капитализм; новейшем времени – индустриальный и постиндустриальный капитализм. Цивилизации Востока традиционны, устойчивы, нацелены на сохранение социальной стабильности. Западная периодизация весьма условна для истории Востока, выступая экстраполяцией западных реалий на восточную историю. Идеино-институциональной основой восточных цивилизаций является азиатская командно-ад-

министративно-распорядительная структура, феномен власти-собственности, по терминологии Л.С. Васильева. Восточное государство абсолютно довлело над обществом, подчиняя себе и способы производства, и экономические, и социальные отношения. Основой общественных отношений выступала властная вертикаль. Политогенез во всех обществах древнего мира, от Китая до Египта, начал развиваться по этому пути. Но в гомеровской Греции произошла революционная трансформация, вызвавшая к жизни принципиально другую идейно-институциональную основу и породившую ее западную рыночно-частнособственническую структуру. Государство выступало в ней организатором рыночных, частнособственнических отношений, гражданского общества, системы права. Социально-политические отношения разворачивались по горизонтали взаимодействия (борьбы и сотрудничества) государства и гражданского общества (об алгоритме политогенеза см. 4, с. 47–83).

Основополагающую роль и в восточной, и в западной структурах играли власть и государство. Сначала политогенез, потом социогенез. Проиллюстрируем это концепцией двойного структурирования социального пространства французского философа П. Бурдьё. Согласно его концепции, в социуме постоянно происходит структурирование по объективным признакам на определенные общности: экономические, языковые, конфессиональные, культурные и другие. Но оно лишь намечается и не всегда должным образом осознается, пока на субъективном уровне процессы дифференциации не подчинит себе политическая власть. Символическая власть, как правило, государственная, называет складывающиеся структуры, сообщает им смысл и назначение, что приводит к структурному оформлению социума, социальной организации экономики. П. Бурдьё пишет, что любые группы, классы «должны быть “сформированы”». Они не являются данностью, присущей социальной реальности» [2, с. 142]. Трудно переоценить роль государства в формировании экономических укладов и способов производства. Восточное государство, подчиняя себе экономические отношения, сосуществовало с экономическими укладами: рабовладельческим, феодальным, капиталистическим. Взаимодействуя с западными государствами, экономические процессы в Европе становились доминирующими способами производства, определяющими все общественное устройство: феодализм, капитализм.

Восточная и западная структуры не привязаны накрепко к географии. Политогенез до определенных стадий везде развивался одинаково. Расхождение на западные и восточные структуры зависит от случайного сочетания самых разнообразных факторов: природных, экономических, политических. Чаще всего эти структуры становились следствием сознательно выбранных политическими элитами страны политических курсов. Тогда они эволюционировали, сменяя друг друга, в одном обществе, приравливаясь к конкретному культурно-цивилизационному коду, коррелируя с идейно-институциональной основой. Кстати, для государства, как правило, проще, понятнее, надежнее обратиться к восточной структуре (административно-командной), нежели к западной (договорной, рыночной), требующей особой культуры и толерантности. Это хорошо видно в сложные периоды жизни государства: военные, кризисные.

Выделение восточной и западной общественных структур вполне органично вписывается в геополитическую дихотомию сухопутных цивилизаций (теллуократических) и морских (талассократических), которые также весьма подвижны в своих пространственных очертаниях. Логично предположить, что теллуократические цивилизации, как цивилизации земледельческие, располагающие большой сухопутной территорией, консервативные, традиционные, ориентированные на ценности патернализма и иерархии, базируются на восточной структуре. Талассократические цивилизации – торговые, склонные к динамическому развитию, гибкости, представляют из себя Запад. Краеугольным постулатом геополитики является противостояние двух типов цивилизаций, борьба Суши и Моря, Бегемота и Левиафана, постоянно воспроизводимая в разных исторических контекстах борьба Рима и Карфагена, Российской и Британской империй, евразийства и атлантизма. Цель динамичного Запада в этой борьбе заключается в подчинении консервативного Востока, в контроле над внутренней частью Евразии – «хартлендом» (сердечной землей), которая в результате процессов длительной кристаллизации воплотилась в России – СССР. Важной деталью данного геополитического расклада является выделение вокруг хартленда постоянно меняющейся береговой зоны – римленда. В эпоху нового и новейшего времени она проходит от Европы через Ближний Восток, Индию, Юго-Восточную Азию. Именно за этот римленд разворачивается основная борьба между мор-

ской цивилизацией англосаксов и сухопутной российской цивилизацией, Начиная, по крайней мере с XVIII в., Европа находится в центре этого противостояния. Более того, внутри нее также имела и имеет место подобная борьба [подробнее см. 1, с. 50–54].

А теперь посмотрим на историю Беларуси в системе предложенных теоретических координат.

Упомянутые в «Повести временных лет» кривичи, дреговичи, радимичи, как и другие восточнославянские племена, скорее всего, находились на той стадии политогенеза, когда сформировалось вождество, которое выступало организатором процессов трибализации и урбанизации. Затем процесс политогенеза вступает в очень важные фазы сакрализации власти правителей, проявления тенденции к приватизации при существенном увеличении производства избыточного продукта и оформления на этой волне новых государственных форм уже в двух вариантах: восточном, при котором государство подчиняет эту тенденцию в угоду устоявшимся традициям и социальной стабильности, или западном, при котором государство подчиняется этой тенденции и институционально ее оформляет. Как правило, эти процессы были связаны с объединением малых вождеств в более территориально крупные государственные объединения под началом новой власти. М. Вебер называл это «экспроприацией самостоятельных “частных” носителей управленческой власти» [6, с. 650]. При существовании язычества и вполне заурядной роли немногочисленных жрецов-волхвов процесс сакрализации власти затягивался. При этом обнаруживался пietet к властным амбициям чужестранцев. Легче признать, что над местными князьями воцарился не один из них, не равный с ними, молящийся тем же богам, что и все, а другой – варяг, прибывший издалека, как будто специально присланный для наведения порядка. А варяги-норманны пришли к славянам не только с вооруженными дружинами для простого завоевания, а, будучи торговцами, своеобразными выразителями средневековой европейской талассократии, выступили организаторами определенного способа производства. Это был отнюдь не классический феодализм. При феодализме главным ресурсом является земля, по отношению к которой складывается система условного землевладения, представленная иерархией класса феодалов с вассально-ленными отношениями между собой и главным феодалом – королем и зависимым крестьянством. Феодалы

организуют сельскохозяйственное производство в форме феодального (вотчинного) хозяйства. Живя разбоем и торговлей, в славянских землях варяги организовали торговый путь по рекам «из варяг в греки» и наладили прибыльную торговлю с Византийской империей. Еще выдающийся русский историк В.О. Ключевский отметил, что «господствующим фактом экономической жизни в этот период является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством. Это Русь Днепровская, городская, торговая. Господствующий политический факт периода – политическое дробление земли под руководством городов» [12, с. 33]. Недаром Русь называли «страной городов». Группа российских ученых под руководством И. Фроянова разработала концепцию общинной государственности Киевской Руси по типу «городов-государств» (не княжеств, а республик), находящихся на стадии перехода от доклассового строя к классовому [17, с. 266]. Античные греческие полисы также не имели ничего общего с феодализмом. Их экономика на сегодняшний день вполне адекватно может быть охарактеризована категорией раннего античного капитализма. Между прочим, В.О. Ключевский прямо указывал на доминирование в экономике Киевской Руси торгово-промышленного капитала, называл Русскую Правду «кодексом капитала» [12, с. 284].

И вполне капиталистическая торговая экономика, и городской политогенез развивались в Киевской Руси под влиянием норманнов в соответствии с западной рыночно-частнособственнической структурой. Восточная структура оформлялась в обществах с высокой плотностью населения, занятых сельскохозяйственным производством вдоль крупных рек. Именно речные сельскохозяйственные цивилизации, вынужденные взрастить у себя мощный государственный аппарат, объединявший трудовые усилия многочисленных земледельцев и поддерживавший ирригационные системы, становились восточными деспотиями, теллуократиями. В Древней Греции, а теперь и в Киевской Руси в силу природно-климатических особенностей не могли сложиться великие речные сельскохозяйственные цивилизации. Сельским хозяйством там было по силам заниматься небольшим общинам и отдельным семьям. К тому же наличие более развитых государств, будь то Египта и стран Восточного Средиземноморья для Греции или Византии для Киевской Руси, открывало большие возможности для функционирования торгового капитала.

Экономика капитализма может функционировать не в замкнутом сухопутном пространстве одного или даже нескольких государств, а только на международной арене, при существовании международных рынков, взаимодействии цивилизаций Моря и Суши.

В XII – XIII вв. Киевская Русь переживала тяжелый кризис. При политической раздробленности государство не могло выполнять своих непосредственных функций, прежде всего, защиты от внешних врагов: усилились набеги кочевников с юго-востока, крестоносцев и балтийских племен с северо-запада; и поддержания экономики: сворачивалась торговля, приходили в запустение общинные сельскохозяйственные угодья. Итогом этого кризиса стал распад русских земель на Запад и Северо-восток, в которых под влиянием внешних завоеваний – литвы и татар стали формироваться новые государства: Великое княжество Литовское и княжество Московское. Точка бифуркации оказалась не только в политической, но и в социально-экономической и даже в цивилизационной плоскостях. В Западной Литовской Руси сохранялась западная структура, в Северо-восточной Московской – прорастали элементы восточной, завязывались нити кристаллизации евразийской сухопутной цивилизации. Причина этого кроется отнюдь не в завоевателях. Литва по уровню развития существенно уступала Киевской Руси и никак не могла быть проводником западного морского влияния, скорее, она сама оказалась под западным христианским влиянием Руси. Как заметили российские историки XIX в., победила не Литва, а ее название [18, с. 31]. Степняки-кочевники, нападавшие на Русь с востока, и татары, бывшие к тому времени уже вполне оседлым государственным народом, также никак не подходили к типу восточных сельскохозяйственных речных цивилизаций. Вообще крайне трудно внести цивилизационную матрицу в культуру другого народа. Последняя формируется только изнутри, но отнюдь не навсегда, а подвержена разным метаморфозам.

В Великом княжестве Литовском после разрушения торгового пути «из варяг в греки», ослабления Византии под ударами завоевателей, при отсутствии капитала центр экономической тяжести переместился к единственно возможному на то время ресурсу – земле. И как в Западной Европе в варварских государствах германцев, разрушивших Западную Римскую империю, так и в ВКЛ после разрушения Киевской Руси стали развиваться феодальные отношения.

Феодализм складывается в условиях ослабления государственности, политической раздробленности и разрушения хозяйственных связей, сокращения роли торгово-промышленного капитала, который затаивается до поры до времени в городах, выпавших из цепочек мировой торговли. Поскольку главным ресурсом становится земля, причем ресурсом весьма ограниченным, она выводится государством из рыночной экономики, становясь социально-политическим институтом и маркером определения общественных отношений. Капитал и рынок уходят в тень, подчиняются государству. Не случайно при феодализме мы можем наблюдать некоторое смешение элементов западной и восточной структур. Феодализм является выражением кризиса капиталистического развития, свойственного в большей степени западным структурам.

Для характеристики общественного строя ВКЛ, Польского королевства, а впоследствии Речи Посполитой понятие феодализм гораздо более уместная научная категория, чем ее применение для Киевской и Московской Руси. Дискуссия о «русском феодализме», начатая еще в XIX в., в последнее время разгорелась с новой силой. Сторонники одной из позиций в этой дискуссии отрицают наличие феодализма в истории России, так как в ней формировалась восточная структура власти-собственности, обусловленная необходимостью поддержания обороноспособности при наметившемся противостоянии с западной морской цивилизацией. Как заметил В.О. Ключевский, Московское государство складывалось как «вооруженная Россия». Его главными особенностями стали боевой строй, тяглый, неправовой характер внутреннего управления, при котором сословия различались не правами, а повинностями, и абсолютный характер верховной власти [13, с. 36].

На Западе же Руси сохранялась западная структура. ВКЛ, Польское королевство, Речь Посполитая стали сословно-представительными феодальными монархиями. В каждой европейской стране феодализм имел свои специфические особенности. Классическим принято считать феодальное устройство Франции и германских государств. В ВКЛ не сложилось четкой и многоступенчатой лестницы феодальной иерархии, скрепленной вассально-ленными отношениями. Все представители шляхетского сословия считались равными между собой, все имели гарантированное право собственности на выслуженные у великого князя, передаваемые по наслед-

ству вотчины. В соответствии с фактическим имущественным положением шляхта разделялась на несколько категорий: «голота», мелкая, средняя, крупная шляхта (бояре), магнаты (паны). Но при этом мелкий шляхтич не становился вассалом крупного магната. Это результат польского влияния. В Речи Посполитой «народ шляхетский», объединивший польскую и великокняжескую шляхту, имел уже «золотые шляхетские вольности» – набор беспрецедентных привилегий. Среди них одним из самых одиозных было «либерум вето» – право каждого шляхтича, являвшегося депутатом сейма или сеймика, запрещать принятие решения. Именно «золотые шляхетские вольности» стали важнейшим фактором государственной слабости Речи Посполитой, приведшей к фактическому безвластию и уничтожению страны в результате разделов. Таков был вектор государственного развития Речи Посполитой в XVI – XVIII вв., в то время, когда на востоке крепло самодержавное Российское государство, а на западе складывались абсолютистские монархии, в которых мощная королевская власть уже удерживала равновесие между феодалами и набиравшими силу капиталистами, всячески способствуя росту капитализма.

Подобных процессов в Речи Посполитой не было. Почему шляхта оказалась столь всемогущей, что не подчинилась государству, а напротив, подчинила государство себе? Почему, овладев государством, шляхта не смогла ответить на вызовы капитализма, а привела страну к разрушению? Почему в Речи Посполитой не сформировались капиталисты, не были накоплены капиталы, не вызрел внушительный капиталистический уклад? Это ключевые вопросы для истории Речи Посполитой раннего нового времени.

Логика западной структуры, в которой устанавливается горизонтальное взаимодействие между обществом и государством, объясняет причины и состоявшейся, и несостоявшейся модернизации. В случае успешной модернизации государство либо не мешает, либо помогает созреть новым силам, капиталистам, а потом им подчиняется, организуя общество по новым лекалам. В противоположном случае государство полностью подминается старыми силами, тем самым блокируются процессы государственной организации и поддержки новых институтов и отношений. Государство в западной структуре напоминает важный элемент, встроенный в социальную систему, поэтому, в зависимости от ситуации, он или вы-

таскивает систему на новый уровень развития, или разрушает ее вместе с собой. В восточной же структуре государство выведено из социальной системы, надстраиваясь над ней особой самостоятельной системой. Такая жесткая механическая сцепка, с одной стороны, лишает теперь уже две системы гибкости, способности к существенным внутренним изменениям, но, с другой стороны, придает всей конструкции стабильность, живучесть, способность к восстановлению после разрушительных катаклизмов. Это хорошо иллюстрирует цикличность истории Китая в форме очередных императорских династий, Индии – в форме новых государств, созданных иностранными завоевателями, России – в форме и новых государственных образований, и реформационных, и контрреформационных циклов государственного управления.

Глобальная цивилизационная логика в ответах на вопросы о силе шляхты и слабости капитализма Речи Посполитой, конечно же, должна быть дополнена спецификой ее конкретной истории. Путь развития феодализма в Западной Европе назван синтезным. Он стал результатом соединения институтов, принесенных германскими племенами, и сохранившимися со времен Римской империи. Германцы, как завоеватели, смогли обеспечить силу королевской власти и феодальной верхушки, а влияние Римской империи сказывалось в оформлении прав разных общностей, оказавшихся внизу социальной лестницы. Это диктовалось и ограниченностью земельных ресурсов, приведших к формированию сложнейших систем условного землевладения и вассальных отношений. Огромную роль в экономике и общественной жизни играли горожане, сохранявшие и приумножавшие капиталы. Горожане не поступались своими правами, среди которых было право быть представленными в общенациональных органах сословного представительства. Горожане вместе с рыцарями заседали в палате общин Англии, третье сословие было представлено в Генеральных штатах Франции. Великие географические открытия и перемещение импульсов экономического развития в Атлантику открыли дорогу западноевропейским бюргерам, торговцам и предпринимателям к накоплению капиталов. Западноевропейские страны, обращенные к Атлантическому океану, держа в своих руках мировые торговые пути, стали поочередно формировать центр мировой системы капитализма.

Развитие феодализма в Центральной и Восточной Европе оказалось бессинтезным. Славянские племена полян, положившие начало Польскому королевству, самостоятельно обустроивали свою жизнь и сельскохозяйственную экономику. У них не было завоевателей, которые бы составили класс феодалов и навязали бы им правящую династию, и они не входили в сферу влияния Римского права. Первая польская династия Пястов была местной, полянской. Впоследствии образ Пястов стал восприниматься как символ польскости, «честного предка», не военной доблести, а пасторализма. Под защитой такого предка польская знать не склонялась в вассалитете, а наращивала свои права. Достаточное количество земли не способствовало развитию сложной системы условного землевладения, накоплению капиталов в городах, отодвинутых от торговых путей Атлантики. Горожане не стали серьезной политической силой, они не были представлены в сейме. Экономические интересы шляхты, продававшей зерно центральным странам капиталистической системы, шли вразрез с национальными интересами страны, которая в результате оказалась всего лишь полупериферией мировой системы капитализма. Следствием этого стало политическое разделение польских территорий.

Волевым развязыванием польского узла точно отразило наметившиеся глубинные процессы. К концу XVIII в. Российская империя созрела в качестве центра евразийской сухопутной цивилизации и прорывалась к Балтийскому и Черному морям для выхода в Атлантику и римленду по всему периметру своей границы. В этом ей всячески препятствовала морская западная цивилизация, лидером которой становилась Великобритания. Речь Посполитая оказалась тем фрагментом римленда, который был безжалостно разорван крупными мировыми игроками «евразийской шахматной доски», по терминологии З. Бжезинского [1, с. 44–46].

Еще один ракурс рассмотрения исторической действительности предлагает теория мир-системного анализа И. Валлерстайна, терминологию которой мы уже использовали. С XVI в. в мире стала формироваться единая мир-система – мировая система капитализма или капиталистическая мир-экономика. В ее структуре выделяются три зоны: центр, полупериферия и периферия, между которыми идет борьба, приводящая к смене позиций. Объединяя идеи геополитической дихотомии и тройственного мир-системного анализа,

можно сказать, что в эпоху новой и новейшей истории центром мир-системы становится талассократия Западной Европы, затем Великобритании, впоследствии США. Она находится в противодействии с теллуократией полупериферии Евразии. Буфером между ними, но одновременно и полем их битвы, оказывается береговая линия, или, собственно, та же полупериферия капиталистической экономики. Это «евразийская шахматная доска». Остальной мир – периферия или внешний полумесяц, с точки зрения геополитики.

Белорусские земли при любых теоретических ракурсах оказываются в центре глобальных противостояний. После разделов Речи Посполитой они были втянуты в восточную структуру евразийской теллуократии. Восточное государство России управляло экономическими укладами. Общепринятые термины – государственный феодализм, государственный капитализм, государственный социализм вполне адекватно описывают проявление феномена власти-собственности в российской истории. Разбор шляхты, проводившийся царскими властями в первой половине XIX в., стал своеобразным учетом, благодаря которому шляхтичей приписали к имеющейся иерархии российских сословий.

Русская революция 1917 г. привела к полному слому государственности и глубочайшим социальным катаклизмам. Но панораму капиталистической мир-системы и геополитического противостояния она существенно не изменила. Советский Союз продолжал полупериферийное положение в капиталистической мир-экономике и оставался сухопутной державой. Изменился центр мир-системы капитализма и мировой талассократии. Им во второй половине XX в. стали США.

В революционной ломке 1917 г. интересно другое. В ней не погибла восточная структура, более того, обновившись, она лишь закалилась как сталь в горниле мартеновской печи. Не потому ли так были популярны «социализмы» и «социалистические ориентации» в странах Азии и Африки, что, помимо помощи СССР, в условиях глобального противостояния они соответствовали восточной структуре их цивилизаций?

Насколько правомерна для характеристики общественного строя СССР категория «социализм» или уточняющая «государственный социализм»? Разные мировоззренческие традиции в своем проекте социализма базировались на отрицании элементов капитализма и,

соответственно, введении их полной противоположности. На смену капиталистической частной собственности при социализме должна прийти общественная; частному присвоению – государственный контроль над распределением. Движение капитала, стремящегося к бесконечному расширению, открывающего новые рынки, вторгающегося во все сферы общества, должно смениться необходимыми с точки зрения общественных целей государственными инвестициями. Если динамика капитала стимулирует развитие рыночной системы, то социализм заменяет ее государственной монополией и планомерным распределением ресурсов. Показательно, что англо-американский капитал, субсидировавший русскую революцию, был заинтересован в установлении именно государственной монополии. С ее помощью центру мировой системы капитализма было бы легче ослабить и контролировать в своих интересах российскую экономику. С учетом даже этих немногих вышеперечисленных черт социализма как альтернативы капитализму можно сделать вывод о том, что в Советском Союзе утвердился социализм. Восточная структура с всесильным государством весьма способствовала его установлению. Это был не мутантный социализм, как часто пишут современные марксисты, а социализм, соответствующий специфике восточной структуры российской цивилизации.

Став альтернативой капитализма в деталях внутреннего устройства общества, советский социализм, как и социализм в странах Центральной и Восточной Европы, Азии оказался вписанным в мировую систему капитализма. Социалистический лагерь стал для капитализма тем внешним окружением, из которого капитализм, с одной стороны, черпал ресурсы, с другой стороны, превращал его в зону своего возможного расширения. В современных проектах социализма подчеркивается его неизбежность по двум основным причинам: в условиях глобального экологического кризиса [8, с. 56] и в условиях кризиса исторического капитализма, теряющего возможности для своего расширения, по причине дилеммы накопления по теории И. Валлерстайна [3, с. 159].

Какой же общественно-экономический строй сложился за период более чем двадцатилетнего существования суверенной Республики Беларусь? Какова социально-экономическая основа белорусской модели? Общественно-экономический строй Беларуси вполне логично характеризуется как социалистический. Отвечая в

2008 г. на вопросы британского информационного агентства «Рейтер», Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подчеркнул: «Если иметь в виду ту высочайшую степень социальной защиты нашего населения, то эту экономику и эту политику можно назвать социалистической» [16, с. 57]. В 2005 г. в Беларуси более 80 % активов являлись государственной или кооперативной собственностью, в настоящее время – около 70 %. С 1996 г. у нас восстановлено пятилетнее и годовое «прогнозирование» основных показателей развития экономики. Недаром Всемирный банк в 2000 г. отнес Беларусь к странам с командной экономикой в соответствии с индексом структурных преобразований [10, с. 14].

Употребляется понятие рыночный социализм. Как говорил А.Г. Лукашенко, «... для нашей страны вопрос сочетания социализма и рынка уже перешел в плоскость практической реализации. Рыночные механизмы хозяйствования и сильная социальная политика должны служить единой цели – эффективному социально-экономическому развитию нашего общества» [16, с. 66].

В настоящее время белорусская модель в ряде документов определяется как «социально ориентированная рыночная экономика» (СОРЭ). Однако при этом государством взят курс на либерализацию экономики, который и должен привести к установлению рыночных институтов. Кстати, еще на рубеже 1980–1990-х гг. была принята «Программа перехода Белорусской ССР к рыночной экономике», но она не была выполнена. Власти сами признают отсутствие у нас полноценной рыночной системы. Действительно, в Беларуси преобладает государственная собственность и государственное ценообразование, тогда как при рыночной экономике государство должно обеспечивать свободу ценообразования, не допуская монополизации. В 2010 г. в соответствии с индексом трансформации Фонда Бартельсмана (разработан в Мюнхенском университете) Беларусь была отнесена к странам «с плохо функционирующими либо зачаточными рыночными институтами» [10, с. 14].

Осмысление сложившегося у нас общественного устройства не праздный вопрос. Без ответа на него невозможно определять текущую политику и строить планы на будущее. Более того, на этом базируется идеологическая система. Наши трудности в этом вопросе во многом обусловлены стереотипами линейной исторической ретроспективы советского обществоведения. В соответствии с

этой позицией в общественном развитии не может быть возврата к прошлому даже на новом витке в виде гегелевской спирали. За социализмом должен последовать новый общественный строй – коммунизм. Но реалии современной жизни никак не вписываются в редкие и скупые философствования К. Маркса о коммунизме как о третичной формации. Признание труда в качестве внешней материальной необходимости и важной роли экономики в обществе свидетельствуют о пребывании нас еще во вторичной экономической формации.

Давно уже пришло время пересмотреть просветительскую идею прогресса и позитивистскую линейную эволюцию, возможно, вслед за Ф. Броделем признать отсутствие всякой социологии прогресса и порядка, оставить веру в священный принцип последовательности развития, вскрывать множественность направлений исторического развития, полиритмический характер исторического движения, наличие преемственности (континуитета), но также и разрыва связей, прерывистости (дисконтинуитета) [9, с. 199–200]. Нелинейность развития – излюбленный постулат синергетики. Развитие человеческого общества вполне адекватно описывается различными циклами: экономическими, социально-демографическими, политическими и т.д.

В целом можно говорить о том, что цикличность общественного развития проявляется, по сути, в чередовании не более чем двух устройств: в доиндустриальной цивилизации – капитализма и феодализма, в индустриальной цивилизации – капитализма и социализма. И феодализм, и социализм устанавливаются как реакция на кризисы капитализма. Эти устройства воплощают в себе два основных вида государственного управления, которые вслед за французским политологом М. Крозье обозначим как регуляции и регламентации [14, с. 190]. При социально-экологическом балансе, благоприятных экономических, политических и международных факторах общество вступает в фазу подъема, связанную с капиталистическими отношениями. Государство стимулирует развитие капиталистической рыночной экономики регулирующим управлением. При капитализме естественная для человеческого общества тенденция к приватизации получает простор для развития и поднимает экономику. Однако именно эта тенденция доводит общество до кризисов, разбалансирует его, нарушает социально-экономическое равновесие, и тогда государство жесткими командными

методами укрощает эту тенденцию и начинает заниматься социальным обустройством. В эпоху кризисного развития общество и государство неизбежно обращаются к командным регламентациям. Это, в свою очередь, также приводит общество к экономическому кризису, к нарушению равновесия и история вновь повторяется. Подобные колебания проявляются и в крупных общемировых и региональных исторических циклах, и в циклах политической истории конкретных стран, например, в смене консервативных и социалистических правительств в капиталистических странах Запада.

В такой системе координат история Беларуси приобретает новые очертания. В эпоху древнего мира восточные славяне втягивались в зоны цивилизационного притяжения теллуократии Византийской империи и талассократии германцев-варягов, которые затем сменились теллуократией России и талассократией англосаксов. Это противоборство и будет определять промежуточность, пограничность всей дальнейшей цивилизационной эволюции. В рамках западной структуры Киевской Руси, ВКЛ, РП, Беларусь пережила капитализм и феодализм, в контексте восточной структуры Российской империи и СССР Беларусь пережила феодализм, капитализм, социализм. Суверенная Беларусь оказалась в точке бифуркации между восточной и западной структурами и между социализмом и капитализмом. Подчиняясь циклическим ритмам общественного развития и императивам мировой системы в виде капиталистической экономики, мы неизбежно разворачиваемся к капитализму. От политического выбора и воли зависит, будет это происходить в рамках восточной или западной общественной структуры.

Использованная литература

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2006. – 256 с.
2. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. – Весна 1993. Том 1. Вып. 2. – С. 137 – 150.
3. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
4. Васильев, Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 1 / Л.С. Васильев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2001. – 512 с.

5. Васильев, Л.С. Культура – источник свободы / Л.С. Васильев // Знание-сила. – 2010. – № 6. – С. 17–20.
6. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения / Сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
7. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2012.
8. Голанский, М. Новые тенденции в мировой экономике / М. Голанский // Наш современник. – 1993. – № 4. – С. 50–62.
9. Грабски, А.Ф. Фернан Бродель: вопросы методологии истории / А.Ф. Грабски // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. – С. 194–201.
10. Злотников, Л. Номенклатура в рынок не спешила / Л. Злотников // Белорусы и рынок. – 2012. – № 16. – С. 14–15.
11. История Беларуси: в контексте мировых цивилизаций: учебно-методическое пособие / Под. ред. В.И. Голубовича, Ю.Н. Бохана. – Минск: Экоперспектива, 2011. – 464 с.
12. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций: В 2 - х кн. Кн. 1 / В.О. Ключевский. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1056 с.
13. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций: В 2-х кн. Кн. 2 / В.О. Ключевский. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1056 с.
14. Крозье, М. Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения / М. Крозье // Социология власти. – 2011. – № 2. – С. 190–200.
15. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 4. – М.: Политиздат, 1986. – С. 136–140.
16. Медведев, Р.А. Александр Лукашенко. Контурь белорусской модели / Р.А. Медведев. – М.: Издательство ВВРГ (ЗАО «ББП»), 2010. – 320 с.
17. Фроянов, И.Я. Города-государства Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1988. – 269 с.
18. Широкопад, А.Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики / А.Б. Широкопад. – М.: Вече, 2007. – 496 с.

БЕЛОРУССКИЕ МУЗЕИ В 1920–1960-е гг.

Давидович А.В., кандидат исторических наук, доцент,
Корнеев И.А., ст. преподаватель

Создание белорусских национальных музеев началось в XIX в. Сначала это были частные коллекции, а к концу века возникли музеи, созданные научными обществами, статистическими комитетами, земствами, церковно-археологическими комитетами, учебными заведениями. Например, при Минском церковном историко-археологическом комитете в 1908 г. был создан Минский церковно-археологический музей, который просуществовал до 1915 г. Его экспозиция насчитывала в 1910 г. 1363 экспоната, среди них церковные предметы, тексты песен, монеты, археологические находки и другое. С 1892 г. по 1919 гг. существовал Витебский церковно-археологический музей, созданный на средства Витебского Свято-Владимирского братства. В 1906 г. этот музей насчитывал 1500 экспонатов: произведения белорусских художников, иконы, церковную утварь, монеты, мебель и др [1, с. 717]. В Могилеве существовали три музея: в 1867 г. созданы Могилевский музей при губернском статистическом комитете и Могилевский областной краеведческий музей, в 1897 г. – Могилевский церковно-археологический музей. На основе экспозиций этих музеев в 1918 г. был основан Могилевский исторический музей [2, с. 160]. Накануне Первой мировой войны на территории Беларуси существовало примерно 50 музеев. В них были собраны ценные коллекции, которые в дальнейшем составили основу белорусских музеев.

После Октябрьской революции 1917 г. советское правительство сразу же уделило внимание вопросам образования и культуры. Декретом советской власти от 9 (22) ноября 1917 г. была учреждена комиссия по просвещению, в составе которой был создан отдел искусств. В его обязанности входила сохранность памятников искусства. После создания БССР правительство республики 30 января 1919 г. приняло постановление об ответственности Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) за сохранность памятников истории и искусства.

Однако необходимо отметить, что много ценных исторических предметов, принадлежавших белорусскому народу, было передано Польше. Первый шаг в этом направлении сделало Временное пра-

вительство. 15 марта 1917 г. была создана ликвидационная комиссия по делам Царства Польского, в обязанности которой входило «хранение имущества государственных и общественных учреждений Царства Польского до передачи их польскому государству...» [3, с. 193]. В декабре 1917 г. советская власть ликвидировала эту комиссию, а в январе 1918 г. был принят Декрет об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу, В нем указывалось, что «в западных и северо-западных губерниях Российской Республики, в усадьбах лиц польской национальности находятся предметы, имеющие художественную и историческую ценность для польского народа ... и они принимаются под охрану власти ... до передачи польским народным музеям» [3, с. 343–344]. Согласно этим распоряжениям, в 1920 г. была создана особая комиссия по учету, регистрации и хранению художественного, научного и исторического имущества, подлежащего передаче Польше, проводившая передачу культурных ценностей. В отчете о деятельности польско-советских комиссий по приему культурных ценностей за период с 17 мая 1921 г. по 17 мая 1924 г. указывалось, что возврат культурных ценностей имеет большое политическое значение для будущего добрососедского сосуществования обоих народов [4, с. 290]. Деятельность этих комиссий привела к утрате многих культурных ценностей, принадлежащих белорусскому народу, обеднила фонды наших музеев.

По решению Наркомпроса БССР в 1919 г. в здании бывшего Дворянского собрания был создан Минский областной музей, который закрыли во время польской оккупации. В 1921 г. при Наркомпросе БССР создана музейная комиссия, перед которой была поставлена задача организации общегосударственной музейной сети. В августе 1923 г. был образован Белорусский государственный музей, ставший центральным музейным учреждением с филиалами в Витебске, Могилеве, Гомеле. Филиалы сохраняли возможность самостоятельно пополнять свои коллекции и вести научную работу.

Эти музеи создавались на основе ранее существующих музеев. Основу Белорусского государственного музея (с 1919 г. по 1923 г. – Областной музей) составили коллекции Минского церковно-археологического музея и Минского общества любителей природы, этнографии и археологии. Наиболее ценными экспонатами были рукописные и печатные книги XV–XVI вв., денежные клады X–

XVIII вв., случкие пояса, иконы XV–XIX вв., белорусская национальная одежда, предметы быта, сабля наполеоновского маршала Нея. В 1940 г. коллекция музея пополнилась оружием и рыцарскими доспехами из Несвижского замка [5, с. 90]. Гомельский музей был создан в 1919 г. как художественный и исторический музей на основе коллекции живописи, скульптуры, предметов декоративно-прикладного искусства, собранной владельцами Гомельского дворца князьями Паскевичами во второй половине XIX – начале XX вв. [5, с. 201]. Могилевский областной музей, созданный в 1918 г. путем объединения Могилевского музея и Могилевского церковно-археологического музея, сконцентрировал много ценных исторических экспонатов: коллекции монет X–XIX вв., кольчугу и украшения с раскопок Онелинского кургана Быховского уезда, грамоты королей Речи Посполитой, иконы XVI–XVIII вв., предметы христианского богослужения XVII–XVIII вв. и др. [6, с. 29].

В 1920 – 1930-е гг. правительство БССР постоянно уделяло внимание развитию музеев. В 1924 г. СНК БССР принял постановление «О концентрации художественных и историко-культурных ценностей». В 1928 г. Наркомпрос БССР утвердил новый устав белорусских государственных музеев, который позволил филиалам Белорусского государственного музея стать самостоятельными музеями. При Наркомпросе было организовано Главное управление по делам научно-исследовательских учреждений (Главнаука), в ведение которого вошли музеи. Эти изменения закрепили за музеями статус научных учреждений.

Кроме музеев Наркомпроса, существовали музеи других ведомств. Особое место в развитии культуры в республике занимал Институт белорусской культуры (Инбелкульт), имевший право создавать свою библиотеку, архивы, музеи. В институте были собраны богатые этнографические, зоологические, геологические коллекции, которые составили основу некоторых музеев. В 1925 г. начал действовать музей природы, в 1928 г. создан геологический музей и музей сельского и лесного хозяйства. По инициативе секции искусства была проведена I Всебелорусская художественная выставка, а в 1928 г. создан музей белорусского искусства [5, с. 20]. Богатые фонды имели музеи высших учебных заведений. В декабре 1921 г. на кафедре зоологии педагогического факультета Белгосуниверситета организован зоологический музей. На других факультетах БГУ

существовали кабинеты почвоведения, ботаники, первобытной культуры. Последний в 1940 г. преобразован в историко-археологический музей. Развитие образования, здравоохранения, промышленности привело к созданию ведомственных музеев. В 1926 г. был открыт центральный педагогический музей, созданный Минским окружным отделом народного просвещения. Политехнический музей существовал при Центральной школьной станции в Минске. В 1921 г. в Гомеле возник медицинский музей народного здоровья. Наиболее значимыми ведомственными музеями в системе Совнархоза являлись сельскохозяйственные музеи в Минске и Могилеве; Белорусского военного округа – музей при Доме Красной Армии; НКВД – музей уголовного розыска в Минске.

В 1920-е гг. большое развитие получило краеведческое движение. Краеведческие объединения создавались при учебных и научных учреждениях, отделах народного образования. В 1921 г. было образовано Белорусское вольное экономическое товарищество при Белорусском политехническом институте, которое ставило перед собой задачи изучения природно-исторического и промышленно-экономического развития Беларуси. С 1922 г. координационным центром краеведческого движения стал Инбелкульт, при котором с 1924 г. действовало Центральное бюро краеведения. В его задачи входило руководство краеведческими организациями, подготовка кадров, издание журнала «Наш край» и сборников материалов краеведческих съездов и конференций [7, с. 259]. Создание краеведческих музеев началось после I-го Всебелорусского краеведческого съезда (1926 г.). Постановление этого съезда обязывало каждую краеведческую организацию основать свой музей, отражающий природу, хозяйство и быт данного региона [8, с. 484]. Эти музеи финансировались из местного бюджета. Наиболее значимые краеведческие музеи находились в окружных центрах – Слуцке (1921 г.), Бобруйске, Борисове, Орше (1924 г.), Полоцке (1926 г.) Мозыре (1927 г.). Материалы, собранные в этих музеях, были очень важны для изучения истории и природы, а в дальнейшем стали основой источниковедческой научной базы Беларуси. Полоцкий краеведческий музей размещался в здании Софийского собора. В музее хранились древние рукописи, редкие издания XVI–XVIII вв., коллекция оружия, слуцкие пояса и др. [5, с. 479]. В 1927 г. был создан краеведческий музей в г. Турове как школьный музей истории и

природы. В фондах музея находились этнографическая коллекция, собрания печатных и рукописных книг, предметы декоративно-прикладного искусства [5, с. 528].

В 1920-е гг. появились музеи, посвященные политической истории, основное направление их деятельности – пропаганда. Эти музеи находились в системе Института истории партии при ЦК КП(б)Б, куда входила и комиссия, созданная в 1921 г. для сбора, систематизации и издания документов и материалов по истории КП(б)Б и Октябрьской революции в Беларуси. Первым был создан Дом-музей I съезда РСДРП в Минске, открытый в 1923 г. По инициативе сотрудников Истпарта 2 мая 1926 г. в Минске был открыт Музей революции. Основу музея составили экспонаты Всебелорусской выставки историко-революционных материалов, организованной в 1924 г. Музей вел поиск, систематизацию, изучение и экспонирование документов и материалов по истории крестьянского, национально-освободительного и рабочего движения в Беларуси, Компартии Беларуси, деятельности непролетарских партий (Бунд, Белорусская социалистическая громада и др.). Большое внимание уделялось событиям революции 1905–1907 гг. в Беларуси, Февральской и Октябрьской революциям 1917 г. [9, с. 234].

С конца 1920-х гг. в стране изменилась внутривластная ситуация, которая затронула все направления культуры. В БССР начала сворачиваться политика белорусизации. Так, на XI съезде Компартии Белоруссии было принято постановление, в котором белорусская интеллигенция обвинялась в сохранении и развитии только белорусской культуры в ущерб интересам нацменьшинств Белоруссии [10, с. 507–508]. Это и подобные ему решения затрагивали и деятельность музеев, которые рассматривались теперь как средство идеологии. Музеи, не отвечающие новым требованиям, начали постепенно сворачивать. В начале 1930 г. Белорусский государственный музей перевели из здания Архиерейского подворья на значительно меньшие площади, в Дом крестьянина. Музей переименовали в Минский социально-исторический музей. Деятельность музея свелась к созданию передвижных выставок, посвященных хозяйственным и политическим событиям, революционным праздникам и т.п. Подобная участь постигла музеи в Витебске, Могилеве, Гомеле. В этот период началась первая волна репрессий против представителей белорусской интеллигенции. С должности

директора Белорусского государственного музея был снят и впоследствии репрессирован В.Ю. Ластовский.

В 1930-е гг. государственная политика в области культуры была направлена на формирование нового идеологически выдержанного художественного стиля – соцреализма. Новое направление сказалось и на деятельности музеев, особенно краеведческих. Этим музеям было предложено изменить экспозиции таким образом, чтобы они освещали социалистическое строительство, классовую борьбу пролетариата, антирелигиозную работу [5, с. 23]. Такая политика к середине 1930-х гг. привела к ликвидации большинства краеведческих организаций вместе с их музеями и утрате ценных коллекций. В 1936–1938 гг. были закрыты краеведческие музеи в Мозыре, Слуцке, Червене, а судьба их коллекций неизвестна.

Важнейшим событием этого периода было создание в Минске в 1939 г. Государственной художественной галереи. Основу коллекции составили произведения, полученные от историко-краеведческих музеев Минска, Витебска, Могилева и других городов: иконы, деревянная скульптура XVI–XVIII вв., 48 слущких поясов, среди которых были «литые» золототканые пояса, белорусская, русская и западноевропейская живопись, русский, майсенский, китайский фарфор и другие экспонаты [11, с. 309].

Накануне Великой Отечественной войны в БССР в связи с новым административно-территориальным делением была проведена реорганизация музеев. В республике в это время насчитывалось 26 музеев. В предвоенные годы не были составлены планы по эвакуации музеев, что привело к невосполнимым потерям. Частично удалось вывезти коллекции Витебского и Гомельского областных музеев. Коллекция Могилевского областного исторического музея почти полностью погибла. Наиболее ценные экспонаты, в т.ч. и крест Евфросиньи Полоцкой, остались в бронированной комнате и бесследно исчезли. Большая часть коллекции Белорусского государственного музея погибла, часть была вывезена в Германию. В годы немецко-фашистской оккупации была разграблена коллекция Государственной художественной галереи. После освобождения Беларуси часть коллекций довоенных музеев была возвращена в республику, но большая часть утрачена безвозвратно.

Необходимость восстановления и возвращения к жизни музеев БССР в условиях послевоенных трудностей требовала проведения

ряда мероприятий административного характера. Прежде всего, это касалось органов руководства музейным делом в масштабах республики. Согласно постановлению СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 14 мая 1945 г. для руководства культурно–просветительской работой в республике был создан Комитет по делам культурно–просветительских организаций при СНК (с марта 1946 – Совете Министров БССР) [12, с. 69]. В составе Комитета находилось управление музеев и парков.

В июле 1947 г. этот Комитет провел семинар директоров музеев БССР, посвящённый проблемам экспозиционного показа советского периода истории Беларуси в музеях. В выступлениях участников семинара прозвучало много критики не только в адрес музеев, но и относительно состояния краеведческой работы в целом. Много из сказанного было использовано работниками Управления музеев при подготовке проекта постановления ЦК КП(б)Б «Об улучшении работы музеев и развёртывании краеведения в Белоруссии в 1947 г.». В этом документе перечислялись факторы, которые мешали восстановлению музеев республики, и в первую очередь, отсутствие у большинства музеев помещений (большинство зданий, принадлежавших им до войны, было занято другими организациями.). Острой была кадровая проблема. Объективные трудности, вызванные потерями во время войны, усложнялись практикой партийных и советских органов, которые направляли на работу в музеи «провалившихся» на ответственных должностях людей. Существовало также, как отмечалось в постановлении, низкое качество музейных экспозиций. Прежде всего, критика относилась к истории советского общества, которое «показано убого и печально..., в связи с чем значительно проигрывает в сравнении с предыдущими общественно – экономическими формациями» [13, с. 199].

В это время музеи республики начали активно заниматься комплектованием фондов материалами по социалистическому строительству. Для этого все министерства и ведомства были обязаны бесплатно передавать в музеи экспонаты, которые раскрывали историю предприятий, процесс восстановления народного хозяйства, культуры, представляли основные виды продукции, макеты станков, фотографии, документы и т.д. Для пополнения коллекций произведениями искусства, которые отражали данную тематику, в Комитете по делам культурно–просветительских организаций созда-

вался закупочный фонд. Кроме этого, с целью накопления материалов на крупных предприятиях и в колхозах создавались музеи. Таким образом, в послевоенный период начала претворяться в жизнь республиканская программа комплектования фондовых коллекций белорусских музеев материалами по современности.

На рубеже 1940–1950 гг. началось обсуждение методики построения исторических экспозиций. Основные усилия в это время были направлены на создание экспозиций, посвящённых истории советского общества. Представление об их содержании может дать перечисление тем, обязательных для экспозиционного отражения в музеях республики в 1950–1951 гг.: «Пропаганда борьбы за мир», «Женщины – великая сила», «Повышение производительности рыбных прудов», «Использование промышленных отходов для удобрений в подшефных колхозах» и т. д.

Постепенно в республике начали открываться или восстанавливать свою работу музеи всех уровней. Так, например, 1 января 1951 г. открылась экспозиция Могилёвского областного музея, которая складывалась из двух отделов: «Великая Отечественная война» и «Послевоенное социалистическое строительство». Выполняя требования идеологического характера, авторы первой послевоенной экспозиции Могилёвского музея должны были отразить в ней события общесоюзного масштаба. Но раскрыть все эти темы средствами музея было очень сложно. В следующие годы экспозиция Могилёвского музея в соответствии с идеологическими и цензурными требованиями несколько раз менялась в том же направлении [14, с. 24]. Примерно так же выглядели экспозиции всех остальных областных музеев. Отклонение от заданной идеологической тематики было недопустимо.

Характерным примером осуществления этой тенденции был Волковысский районный краеведческий музей, развернувший работу по изучению и популяризации местного историко-культурного наследия. В 1946 г. ему было отдано помещение в доме, где летом 1812 г. находился штаб генерала П.И. Багратиона. Это и определило направленность музейной экспозиции. В 1948 г. первые посетители увидели следующие разделы: «Война русского народа 1812 г.», «Волковыск – древний русский город», «Наши великие предки» и др. В них события местной истории показывались как часть общероссийской. Тем не менее, в экспозиции демонстрировались пред-

меты, отражающие белорусскую историю: керамика, украшения X–XIII вв., оружие эпохи Речи Посполитой и наполеоновских войн. Материалы по социалистическому строительству, в отличие от других музеев БССР, здесь отсутствовали. Это вызвало резкую критику музея в периодической печати. В октябре 1952 г. его деятельность обсуждалась на заседании бюро Волковысского райкома КП(б)Б. По результатам обсуждения было решено актуализировать работу музея путём направления на должность научного работника «зоотехника Михальчука» и переориентировать музей, превратив его в военно-исторический музей имени П.И. Багратиона [15, с. 234–235].

В конце 1940 – начале 1950-х гг. активизировалась работа по обогащению фондов Государственной картинной галереи БССР лучшими образцами белорусского искусства. Концепция собирательской деятельности галереи была разработана известным искусствоведом Е.В. Аладовой и в основном была ориентирована на собирание отечественной классики. Активная экспедиционная деятельность в сочетании с реставрационными работами позволила сформировать интересную коллекцию белорусского искусства

XII–XVIII вв., в которую вошли полотна Б. Кустодиева, В. Поленова, И. Левитана, А. Горавского, И. Хруцкого, Н. Селивановича и др.

В ноябре 1947 г. открылась небольшая постоянная экспозиция галереи. Она размещалась в пяти залах Дома профсоюзов, где в то время уже находились Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны, Литературный музей Я. Купалы. В экспозиции демонстрировались произведения русской классики и современного советского искусства. Дальнейшему расширению экспозиции мешало отсутствие помещений, поэтому основной акцент в работе галереи в первое послевоенное десятилетие делался на проведение выставок. Например, в 1955 г. сотрудниками были проведены выставки «Западноевропейское искусство из собрания Государственного Эрмитажа» (Минск), «Произведения народного художника БССР А.А. Бембеля. К 50-летию со дня рождения» (Минск), «Изобразительное искусство и народное творчество Белорусской ССР» (Москва) и т. д. [11, с. 309].

Негативным событием в работе музея стала передача Польской республике в августе 1950 г. по решению Совета Министров БССР 89 портретов из Несвижского замка. В этом акте неоправданной

«доброй воли», который нанёс большую потерю белорусскому художественному наследию, проявились, с одной стороны, безответственное отношение к национальной культуре белорусского руководства того времени, а с другой, масштабы реституционной деятельности, которая проводилась Польшей после окончания Второй мировой войны не только на Западе, но и на Востоке. Передача радивилловских портретов была результатом работы польского правительства, которая целенаправленно проводилась с белорусской стороны, начиная с 1946 г., по передаче «всех польских культурных ценностей».

В сентябре 1945 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли специальное постановление о возобновлении в Минске работы Дома-музея I-го съезда РСДРП. Сам дом сгорел в 1941г., но остался его фундамент, что позволило выяснить его размеры. Реконструкции Дома-музея помогли сотрудники музея революции в Москве, где сохранился его масштабный проект.

Первые экскурсанты вошли в Дом-музей только в январе 1949 г. Экспозиция состояла из двух отделов. Первый из них был посвящён политической и экономической ситуации в Российской империи конца XIX в. и революционной деятельности В.И. Ленина и И.В. Сталина, второй – революционному подъёму начала XX в., II съезду РСДРП, газете «Искра» и т.д.

Дом-музей I-го съезда РСДРП был одним из наиболее посещаемых и в то же время идеологизированных музеев БССР. Ознакомиться с его экспозициями приходили в основном «организованные» посетители – слушатели республиканской партийной школы, студенты, школьники, военнослужащие. В отличие от большинства музеев республики основной формой научно-просветительской деятельности Дома-музея были тематические лекции, которые составлялись по главам Краткого курса ВКП(б) [16, с.46].

В республике в это время не только восстанавливались существовавшие до войны музеи, но и создавались новые. Одним из них был Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Еще в 1943 г. было принято решение о создании такого музея, но первая стационарная выставка была открыта только в мае 1947 г. Она состояла из следующих разделов: «Великая Отечественная война Советского Союза», «Партизанское движение в Беларуси», «Освобождение Советской Белоруссии».

Сразу же после открытия экспозиция стала объектом критики идеологических органов. От руководства музея требовали, например, снять тему «Второй фронт». Кроме того, экспозиция критиковалась за схематический показ событий на фронтах войны и первых послевоенных лет. В этой связи за 1948–1949 гг. почти во все экспозиции Белгосмузея истории Великой Отечественной войны были внесены значительные изменения [17, с. 427–428].

Первые годы работы Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны представляют большой интерес как период творческих поисков в экспозиционной работе, разных, не всегда удачных, попыток создания экспозиции, наиболее понятной массовому зрителю. За первые десять лет музеем были собраны ценные коллекции, общее число которых составило около 60 тысяч единиц хранения [18, с. 23–24].

Таким образом, первые послевоенные годы показали очевидные успехи БССР в области музейного строительства. Была восстановлена значительная часть довоенных музеев. Но, к сожалению, не удалось восстановить Белорусский государственный музей, Белорусский музей им. И. Луцкевича, природоведческий музей Инбелкульта, музей труда, художественную галерею Ю. Пена, мемориальный музей Т. Костюшко, а также ряд краеведческих, промышленных, сельскохозяйственных и других музеев. Тем не менее, за счёт создания новых по количественным показателям довоенная сеть музеев была восстановлена. В республике было организовано руководство музейным делом, создана система учёта и хранения фондовых коллекций и многое другое.

В то же время тяжёлое положение музеев БССР в первое послевоенное десятилетие объяснялось, с одной стороны, объективными экономическими трудностями во всех сферах жизни общества, связанными с войной и разрухой; с другой, оно явилось результатом невнимательного отношения к музеям, которое сложилось ещё в довоенное время у большинства представителей партийно-государственного аппарата. В основе его было непонимание или нежелание понимать важность сохранения историко-культурного наследия белорусского народа.

Использованная литература

1. Воронович, Т.В. Витебский церковно-археологический музей / Т.В. Воронович // Республика Беларусь. Энциклопедия: в 6 т. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 717.

2. Анненков, В.Н. Могилевский областной краеведческий музей / В.Н. Анненков // Республика Беларусь. Энциклопедия: в 6 т. – Минск, 2007. Т. 5. – С. 160.
3. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Политиздат, 1957.
4. Культурное строительство в СССР, 1917–1927 гг.: (Разработка единой государственной политики в области культуры). – М.: Наука, 1989. – 383 с.
5. Музеи Беларуси. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2008. – 559 с.
6. Кандрацьева, Л. Магілёўскі музей / Л. Кандрацьева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. – Т. 5. – С. 29.
7. Трэпет, Л. Краязнаўства / Л. Трэпет // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1997. – Т. 4. – С. 257–260.
8. Гесь, А. Першы Усебеларускі краязнаўчы з’езд / А.Гесь // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. – Т. 5. – С. 484.
9. Платонаў, Р. Музей рэвалюцыі БССР / Р. Платонаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. – Т. 5. – С. 234.
10. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. – Минск: «Беларусь», 1983. – Т. 1. 1918-1927. – 527 с.
11. Карачун, Ю. Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь / Ю. Карачун // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. – Т. 5. – С. 309.
12. Постановление ЦК КП(б)Б и СМ БССР «О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан и увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР» 14 мая 1945.– Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. - Минск: «Беларусь». – Т. 4. 1945-1955. – 616 с.
13. Постановление Пленума ЦК КП(б)Б «Об улучшении работы музеев и развертывании краеведения в Белоруссии» 1 декабря 1947 г. – Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и ре-

шениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. – Минск: «Беларусь». – Т. 4. 1945-1955. – 616 с.

14. Аненкаў, В. Магілёўскі абласны краязнаўчы музей / В. Аненкаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. – Т. 5. – С. 24.

15. Аржаева, Л.В. Ваўкавыскі дзяржаўны ваенна-гістарычны музей / Л.В. Аржаева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – Т. 2. – С. 234-235.

16. Постановление Пленума ЦК КП (б) Б «О восстановлении Дома-музея I-го съезда РСДРП» 18 сентября 1945 г. – Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. – Минск: «Беларусь» – Т. 4., 1945-1955. – 616 с.

17. Баркун, Г.І. Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны / Г.І. Баркун // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. – Т. 1. – С. 427-428.

18. Варанкова, І. Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны / І. Варанкова // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 10. – С. 2, 23-24.

«ДОЖИНКИ» КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ

Кедрик Т.В., ст. преподаватель

Внешний вид города, архитектура, застройка, планировка и организация пространства являются отличительными признаками города, узнаваемыми и очевидными. Мы узнаем города по особым зданиям, по наличию городской площади, производственных и рекреационных зон и т. д. Важной составляющей современных европейских городов является культурно-историческое наследие – своеобразная символическая «память» городов. Именно наследие является доминантой городского культурного ландшафта, определяет его уникальность и особенность. Культурный ландшафт отражает эволюцию человеческого общества под влиянием условий природной среды и социальных, экономических, культурных процессов.

Понятие культурного ландшафта сегодня является ключевым в понимании проблем сохранения природных и историко-культурных территориальных комплексов. По определению, данному в Статье 1

Конвенции по Всемирному наследию, культурные ландшафты представляют «совместные творения человека и природы» [3].

Директор Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО Франческо Бондарин определил значение и роль культурного ландшафта следующим образом: «Культурные ландшафты представляют национальный дух народов и их традиционный стиль жизни, они заставляют осознать единство окружающей нас среды и составляют основу нашего благосостояния, служат индикаторами развития общества и отражают его гуманистическую природу» [4, с. 5].

Понятие «культурный ландшафт» изначально возникло в рамках географической науки, где акцентируется внимание на антропогенном воздействии на природно-территориальные комплексы. Однако в последнее время обозначилась тенденция «гуманитаризации» понятия и включения его в дискурс социогуманитарного знания. Выделяют два основных подхода к определению понятия «культурного ландшафта» – этнолого-географический и информационно-аксиологический [4]. С точки зрения первого подхода, культурный ландшафт понимается как освоенный этносом природный ландшафт. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является информационно-аксиологический подход, где культурный ландшафт определяется как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [4, с. 16]. Преимуществом данного подхода является равновесие культурологической и природно-географической исследовательских парадигм и возможность всесторонней аксиологической интерпретации окружающего мира. Следует подчеркнуть, что понятие «культурный ландшафт» не ограничивается материальным наполнением. Определяющим его формирование фактором и ведущим компонентом является система духовно-религиозных, морально-нравственных, эстетических, интеллектуальных и иных ценностей. Культурным ландшафтом является всякое земное пространство, которое определенная группа людей освоила утилитарно, семантически и символически. Человек, обживая некоторую территорию (пространство), «осмысляет» ее, наделяя системой географических названий, символикой, местным

фольклором и т. п. «Городское пространство – это совокупность символических точек, наполненных определенными социальными смыслами» [1, с. 23].

Важнейшей частью культурного ландшафта является историко-культурное наследие, сохраняемое в виде овеществленных объектов, традиционной деятельности людей или информации. В некоторых культурных ландшафтах наследие является доминирующим, определяющим ход всех происходящих на их территории общественных процессов. Это, прежде всего, комплексные историко-культурные и природные образования, являющиеся носителями исторической памяти, связанные с местами, хранящими в себе материальные и нематериальные свидетельства исторической памяти – памятники архитектуры, археологии, этнологии, топонимы, архивные и библиографические источники, разнообразные объекты и предметы – природные и антропогенные, указывающие на связь ландшафта с историческими событиями, определившими судьбу страны, народов, ее населяющих, их культуру, а также с жизнью великих людей, внесших особо значимый вклад в становление и развитие страны.

Сохранение и реновация историко-культурного наследия являются важным вопросом в культурной политике любого государства. В Беларуси разработаны и осуществляются республиканские и региональные программы по охране, реновации и реинтерпретации историко-культурного наследия. Реализация таких программ имеет научную обоснованность и соответствующие методы. В последнее десятилетие культурные ландшафты белорусских городов оказались под воздействием преобразований, которые происходят во время подготовки к республиканским праздникам, таким, например, как «День белорусской письменности» или «Дожинки». С каждым годом такие преобразования приобретают все более масштабный характер. Трансформации включают изменения трассировки улиц, строительство крупных спортивных и других инфраструктурных объектов и реновации объектов наследия. В связи с этим возникает вопрос, в какой мере эти преобразования влияют на традиции памяти, городскую идентичность, на ключевые и второстепенные объекты городской истории, своеобразии культурных ландшафтов белорусских городов в прошлом и настоящем?

Поскольку большинство преобразований реализуется в довольно быстром темпе и по типовым планам, то в такой ситуации вопросы сохранения и реновации исторического наследия городов приобретают особую актуальность и остроту. Почти в каждом городе, где проходил такой праздник, можно найти значительные трансформации культурного ландшафта, которые часто вызывают споры и даже конфликтные ситуации.

На наш взгляд, самый значительный трансформационный потенциал имеет фестиваль-ярмарка тружеников села «Дожинки», который проводится ежегодно с 1996 г. «Столицами» республиканских «Дожинок» стали уже 16 районных центров, небольшие города с населением 40-60 тыс. человек.

Вначале процесс подготовки к празднику носил «косметический» характер – асфальтировали центральные улицы, красили фасады домов. Но со временем «дожиночные» преобразования приобретают вид своеобразной инвестиционной программой, а суммы, выделяемые на их осуществление, становятся все большими, а преобразования – масштабными. В местной прессе, которая описывает трансформации, можно встретить сравнение «дожиночных» преобразований с восстановлением городов после Великой Отечественной войны. Например, в Кобрине «Дожинки» называли «третьим днем рождения» [2, с. 50], который равнозначен образованию города и послевоенному восстановлению.

Процесс трансформации уже приобрел стандартизированные шаблонные формы, что способствует стиранию культурного разнообразия белорусских регионов, их унификации. Эта унификация характерна не только для новых объектов, но и в работе с объектами наследия, что приводит к исчезновению уникальной идентичности городов. Происходит серьезная трансформация городского культурного ландшафта: исчезают традиционные места памяти, искусственно извне насаждаются новые.

Сложился определенный «дожиночный стандарт», в который в обязательном порядке входят ремонт инфраструктурных объектов города (от канализации и путепроводов до вокзалов и гостиниц), строительство крупных спортивных сооружений (с 2006 г. было построено семь ледовых дворцов), создание пешеходных зон (с 2006 г.) и набережных (с 2001 г.), установка парковой скульптуры (с 2006 г.) и фонтанов в центре города. В разных городах встречаются

одинаковые скамейки и фонари, одинаковая плитка и очень схожие газоны и цветники. Заданная таким образом норма «красоты» и «образа города» ретранслируется и в дальнейших преобразованиях городского ландшафта. Этот унифицированный стиль не имеет каких-то четких культурных отсылок или апелляций, поскольку складывается спонтанно, под воздействием экономических, административных и иных внешних факторов, а также в силу эстетического и культурного развития тех, кто принимает окончательные решения. В ходе организации благоустройства города не обнаруживается установка на выявление или создание особого образа своего города.

Реновация историко-культурного наследия не является главным приоритетом «дожиночных» преобразований, но каждый раз исторические здания и ландшафты попадают в эпицентр трансформаций, поскольку находятся в центральной части городов. «Как правило, национальная модель городской консервации, разрабатываемая правительством и национальной интеллектуальной элитой, а затем реализуемая на локальном уровне, совершенно недвусмысленно апеллирует к национальной исторической мифологии о, так называемом, «золотом веке»» [5, с. 32]. Трудно сказать, существует ли подобный подход и продуманная последовательная стратегия работы с архитектурным наследием в процессе подготовки к «Дожинкам». В работе с наследием отсутствует подготовительный этап, который должен включать комплексные научные исследования, изучение городской идентичности и создание ясного исторического облика, который может быть интересен и привлекателен и будет прочитываться в городском культурном ландшафте.

В каждом отдельном случае мы сталкиваемся со случайным, порой удачным, порой нет, стечением различных факторов и обстоятельств. В некоторых случаях объекты наследия не попадают в поле зрения и остаются в прежнем, часто довольно запущенном состоянии, в других – объекты наследия разрушаются, либо переносятся, а в некоторых, более редких случаях их постигает лучшая участь – они восстанавливаются и становятся значительными элементами культурного ландшафта. Примером таких положительных трансформаций можно назвать реконструкцию городской ратуши с торговыми рядами в Шклове и восстановление здания иезуитского коллегіума в Орше. Такие объекты не только положительно влияют на образ города, городской ландшафт, но и повышают его туристи-

ческую привлекательность. Однако таких положительных примеров не слишком много.

Различные подходы к работе с культурными ландшафтами в процессе подготовки к «Дожинкам» представим на примере шести городов, которые в разные годы были «столицами» «Дожинок» – Мозырь (2001 г.), Волковыск (2004 г.), Бобруйск (2006 г.), Орша (2008 г.), Кобрин (2009 г.), Молодечно (2011 г.).

В Мозыре в число объектов историко-культурного наследия, которые затронули «дожиночные» преобразования, вошли исторический центр города, который полностью внесен в Государственный список историко-культурных ценностей и археологический памятник – мозырское замчище.

Площадь Ленина, которая является частью исторического центра, во время подготовки к празднику была немного изменена – была увеличена ее пешеходная часть, но это не изменило кардинальным образом композиционные свойства пространства. Вся пешеходная часть была вымощена тротуарной плиткой. В советское время в центре, в том числе и на площади Ленина, было снесено большое количество деревянных зданий. Во время подготовки к «Дожинкам» вопрос восстановления этой застройки даже и не поднимался.

На мозырском замчище, которое находится на горе Коммунаров, археологические раскопки проводились уже с 1970-х гг. На его территории действовал местный краеведческий музей. Именно «Дожинки» поспособствовали ускорению исследований и завершению раскопок и возведению в 2005 г., к 850-летию города, бутафорского «древнерусского» замчища.

В Волковыске большинство исторических объектов не было затронуто «Дожинками», только историческая застройка по улице Желудева, ведущей от вокзала к центру города, была восстановлена. Но это восстановление осуществлялось собственниками зданий (на улице много магазинов) и поэтому какого-то стилистического единства и композиционности не наблюдается. Фасады некоторых кирпичных зданий были оштукатурены, в результате чего потеряли элементы декора и свой оригинальный образ.

Во время подготовки к «Дожинкам» в городе велись широко-масштабные земляные работы, но археологические раскопки не проводились, следовательно, археологические культурные слои бы-

ли потеряны. К военно-историческому музею был достроен новый корпус, а старый, который и является историческим памятником, был косметически отремонтирован. Преобразования никак не коснулись костела, церкви, еврейского и католического кладбищ.

Историко-культурный потенциал Волковыска выглядит недооцененным, все преобразования были направлены на создание новых объектов либо на ремонт старых, очевидно, что актуализация наследия не входило здесь в планы трансформаций.

Бобруйск, по сути, сохранил почти весь исторический центр. Нетронутыми с начала XX в. остались целые кварталы, улицы, торговые площади, состоящие в основном из одноэтажных еврейских кирпичных или деревянных домов с богатым декором. Среди них есть несколько выдающихся зданий, внесенных в списки историко-культурного наследия. То, что вся эта застройка почти не была затронута «дожиночными» преобразованиями, наверное, является положительным фактом, хотя, понятно, что многие объекты требуют реставрации. Довольно много, даже в центральной части города, заброшенных зданий и сооружений, которые не используются. Большинство из них связано с еврейской историей, которая в городском ландшафте умышленно или неумышленно не актуализируется. В городе почти отсутствуют вывески или мемориальные доски, которые отсылают к этому значительному историческому слою города. Ярким примером может служить памятник деревянной архитектуры стиля модерн – дом купчихи Кацнельсон, которая была меценаткой и в свое время много сделала для города. После революции в доме располагался ревком, а сейчас находится районная библиотека. На доме имеется памятная доска о ревкоме, но нет никаких упоминаний о купчихе, благодаря которой этот памятник архитектуры появился.

Во время «Дожинок» поднимался вопрос о еще одном проблемном для города объекте – католическом костеле, к главному фасаду которого в советские времена было достроено административное здание, которое закрыло собой неоготический фасад костела. Но стороны так и не достигли взаимопонимания в решении этого вопроса и фасад костела так и не был восстановлен.

Наверное, единственным объектом наследия, который выиграл от «Дожинок», стала Бобруйская крепость. Главным стало то, что праздник позволил привлечь внимание общественности и руково-

дства страны к этому масштабному памятнику, который уже начал разрушаться. Благодаря появлению на территории крепости ледовой арены часть крепости была благоустроена, появились планы по ее ревитализации. Но пока этому объекту не хватает интерпретативных мероприятий – информационных стендов, маршрутов, так как из-за большой площади, которую занимала крепость, не складывается единого композиционного представления, а вывески на зданиях малоинформативны. Особую озабоченность вызывает судьба старейшего здания в городе, которое расположено на территории крепости, бывшего монастыря иезуитов. Этот памятник архитектуры стиля рококо находится в полном запустении и уже несколько раз горел.

Самым положительным результатом воздействия «Дожинок» на Бобруйск стало, прежде всего, то, что ничего ценного не было разрушено.

Наверное, самым позитивным примером из всех городов, где проходили «Дожинки», в плане ревитализации наследия стала Орша. Большинство преобразований происходили именно в исторической части города. Были реконструированы здание бывшего иезуитского коллегиума, где в советские времена располагалась тюрьма, ряд деревянных и кирпичных зданий, благоустроен курган «Городище», на старых стенах бывшей церкви возведена новая, которая стилистически вписывается в историко-культурный ландшафт. При всех положительных сторонах преобразований нужно заметить, что был снесен кирпичный дом начала XX в. и часть деревянной застройки, при восстановлении коллегиума уничтожена часть бывшей монастырской ограды. Был перенесен памятник В. Короткевичу, что создало конфликтную ситуацию между властями и общественностью. Именно в Орше состоялась «историзация» культурного ландшафта и актуализация наследия, что, безусловно, сформировало более притягательный образ города. Восстановленные объекты активно используются горожанами: на городище фотографируются молодожены, в музее «Млын» и в коллегиуме проводятся свадебные обряды в народном либо шляхетском стиле.

Можно сказать, что «Дожинки» действительно вдохнули новую жизнь в город, но это произошло не путем создания большого количества новых современных объектов, а именно путем ревитали-

зации историко-культурного наследия и его корректной интерпретации в культурном ландшафте города.

В Кобрине, где довольно много объектов культурно-исторического наследия, ставка была сделана не на них, а на совершенно новые инфраструктурные объекты, которых появилось немало. Ремонт кобринских объектов наследия не учитывал их исторического прошлого, проектами не были предусмотрены интерпретативные элементы декора. Вся стилистику ремонта можно вложить в понятие «евроремонт»: замена покрытий крыш на металлопрофиль, установка пластиковых окон и дверей в зданиях на центральных улицах, окраска и оштукатуривание. Можно найти элементы легкой ретроизации пространства – кованые перила, скамейки, фонари в ретро-стилистике. Однако все это не апеллирует к какой-то определенной эпохе или стилистике. Также несколько зданий, имевших историческую ценность, были снесены.

На месте Дома культуры, первоначальная реконструкция которого, по сути, стала возведением здания заново, были найдены стены бывшей церкви, но никаких археологических работ не было проведено.

В Молодечно также преобразования коснулись только центральной части города. Была проведена рекомпозиция Центральной площади – вырублены деревья, увеличена площадь, перенесен камень «Мученикам за Беларусь», на месте которого когда-то планировалось поставить полноценный памятник, вместо него сооружен фонтан «Купалле».

Территория с наибольшей концентрацией памятников, площадь Старое место и прилегающие к ней улицы, осталась почти не затронутой. Не было даже попытки превратить это пространство в туристическое место и оно никак не было актуализировано. Между тем, на площади и около нее имеется несколько аутентичных объектов – церковь, синагога, старые мещанские дома, которые потенциально могли бы стать рекреационной зоной.

Таким образом, приведенные примеры показали, что историко-культурное наследие почти всегда испытывает воздействие «дожиночных» преобразований, но можно сказать точно, что конкретных планов, которые бы учитывали особенность наследия как объекта, не разработано. Все положительные изменения с наследием, которые произошли, скорее можно отнести к случайности или сча-

стливому стечению обстоятельств, чем к продуманной политике в этой сфере. Поскольку с каждым годом «дожиночные» преобразования приобретают масштабность, то нужно уже на стадии планирования продумывать варианты работы с историко-культурным наследием, способы его реновации и реинтерпретации. Ведь именно продуманность трансформаций может сохранить уникальные культурные ландшафты и увеличить туристическую привлекательность малых белорусских городов.

Использованная литература

1. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3–4. – С. 20–27.

2. Кобрин. Кобрын. Kobrin / Фотоальбом. – Брест: РИА «Вечерний Брест», 2010. – 70 с.

3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // UNESCO World Heritage Centre [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/archive/convention-gu.pdf>. – Дата доступа - 01.05.2013

4. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб. Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с., ил.

5. Стурейко, С.А. Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь / Степан Стурейко. – Мн.:Юнипак, 2010. – 184 с.

«ТЕЛО» И «ДУША» КАК ВАРИАНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Киселева С.А., ст. преподаватель,

Логовая Е.С., кандидат философских наук, доцент

Человек, будучи существом эгоцентричным, из всего обилия вопросов, задаваемых миру и самому себе выделяет простейший и одновременно постоянно ускользающий от однозначного решения вопрос – «Кто есть Я?». История человеческой цивилизации дает обилие разных интерпретаций этой проблемы. Однако простой ответ не всегда является самым банальным и, более того, бессодержательным. Попробуем разобраться в известной даже школьнику фразе: «Человек – это единство души и тела». Несмотря на лингвистическую и содержательную простоту фразы, она порождает ряд философских вопросов: «Что есть тело?», «Что есть душа?», «Ка-

ковы возможные формы их взаимодействия и когда они возникают?», «Какова историко-культурная детерминация этих понятий?»).

Исследуя эти вопросы, обратимся к истории, к тем социокультурным формам, которые рефлексировали обыденно-мифологические представления о душе и теле до уровня философско-мировоззренческих категорий.

Восприятие тела в качестве инварианта бытия – первейшая и простейшая форма самоидентификации человека. Греческая цивилизация факт биологического существования подняла на культурно-мировоззренческий уровень, приняв категорию «тело» в качестве основания всей системы культуры. Воззрение на мир как на красивое и гармоничное человеческое тело было основой всего античного мировоззрения и названо А.Ф. Лосевым «гениальной телесной интуицией» древних.

Говоря о древнегреческом понимании человека, необходимо иметь в виду, что античная культура еще не выработала представления о человеке в современном смысле этого слова. Античность трактует человека через понятие «персона», возникшее в театральной практике для обозначения актера, носящего маску персонажа, и понятие «сома», т.е. «отдельное тело», «самостоятельная единица». Понятие «душа» («психэ») терминологически присутствует как в олимпийской мифологии, так и в философско-гносеологических теориях, однако трактуется в моделях всеобщей одухотворенности и антропоморфности бытия, столь типичных для древнегреческой ментальности. Античный человек активен во всех формах бытия. Однако высшая форма собственно человеческой активности – нравственно-этическая, размышления человека над глубинными перипетиями собственной души (т.н. «внутренний человек» Аврелия Августина) еще не знакомы античной культуре. Доказательство данного тезиса дает нам как античная литература (широкое распространение темы судьбы фатума, рока), так и греческая скульптура с ее специфической проработкой пластики лица, взгляда человека. Взгляд как отражение сущности человека, интимности и неповторимости его души не знаком греческому скульптору. Классическая формулировка «человек есть единство души и тела» вряд ли в полной мере применима к античной классике [3, с. 153].

Второй, более широкий контекст понятия «тело» сопряжен с понятием «природа», имеющем у греков более объемное толкование, чем в современном языке. Природа – это не только совокупность природных тел, биосфера. Для грека природа выступает как первооснова, первосущность мира. В современном языке данное значение термина «природа» мы используем в контексте выражений «природа данного явления состоит в...», рассматривая, по сути, понятия «природа» и «сущность» в качестве синонимов. Природа для грека – гарант вечности, подлинности и устойчивости мироздания. Древние греки фактически отождествляют понятия «Космос» и «природа» и рассматривают их как единственную изначальную структуру. Боги, люди, демоны, титаны, живая и неживая природа – равнообязательные компоненты Космоса, воплощенные в телесных образах. Мир богов и мир людей есть предельные формы выражения единого в своей целостности Космоса, и взаимоотношения между этими мирами выстроены по сценариям человеческого общения со всеми психологическими, эмоциональными и даже бытовыми нюансами. Понятие сверхприродного отсутствует в греческой культуре. «Жить по природе» означает жить в соответствии с базовыми законами мироздания. Греки не знают противопоставления нравственного и безнравственного. В человеческой телесности нет ничего запретного, любые ее проявления рассматриваются как отвечающие естеству. «Истинное» осознается как «прекрасное» и «естественное» одновременно.

Будучи идеальной моделью мироустройства, античный Космос наполнен этическим, эстетическим, математическим, религиозным, политическим содержанием. Космос воспринимается как Абсолют, воплощающий идеал подлинности, гармонии и красоты, наделяется чертами совершенного художественного произведения, выступает в виде эстетического идеала.

Телесность античного мировосприятия имеет важные гносеологические и эстетические последствия. Мир как совершенное тело осязаем, контролируем и сопричастен человеку. В подобном мирозерцании коренится одно из важных отличий современного и античного понимания Космоса: Космос для современного человека гораздо более таинственен, ибо воспринимается как открытая, бесконечная структура, познание которой еще на самых начальных этапах. По мнению грека, правила, по которым существует Космос,

сложны, но понятны человеку. Античный грек верит в силу своего разума, сопричастен мирозданию и ему комфортно в нем. Интеллектуализм, стремление к рационально-теоретическому восприятию мира, являющиеся отличительной чертой греческого мировоззрения, базируются на телесности его мировоззрения [3, с. 200].

Однако познавательный оптимизм грека еще не делает его равноправным участником космического миропорядка. Человеческая деятельность выступает как нечто вторичное, способное не создавать, а лишь подражать структурам Космоса. Принцип телесности как регулятивный принцип античного мировоззрения порождает один из основных парадоксов древнегреческой культуры: являясь мощнейшим взлетом искусства в истории цивилизации, античность не создает теории креативной личности. Греческая культура созерцательна, именно наслаждение существующим, а не стремление к переустройству мира лежит в ее фундаменте. Основная задача искусства – не творение, а оформление, придание совершенного вида тому, что уже существует в структурах совершенного Космоса.

Полагание Космоса как совершенного тела приводит к пониманию гармонии в качестве важнейшего мировоззренческого принципа античной культуры. В учении Пифагора Космос предстает как некое упорядоченное единство тел, воплощенное в музыкальной гармонии. Семь планет, вращаясь вокруг неподвижной Земли, порождают каждая свой собственный звук – тем выше, чем дальше эта планета от Земли и чем стремительней ее движение по орбите. Совместное звучание планет и создает музыку, которую человек не воспринимает исключительно в силу несовершенства органов чувств. Музыкальные ритмы выражались числами, соотноситься с которыми должны были все проявления человеческой жизни, а искусство – более всего. Пифагорейская теория гармонии космических сфер практически без изменений просуществовала вплоть до Ренессанса. Формой и способом проявления космической гармонии в человеческом мире, а особенно в сфере культуры выступает понятие «меры», задающее согласованность ритмов космического целого и человеческих деяний.

Из пары, формирующей любое произведение визуального искусства («цвет-линия»), античность выбирает линию как структурирующий элемент телесности. Стремление увидеть мир как форму отражает мировоззренческую потребность структурировать мир,

привнести в него порядок и закономерность. Акцентирование формы было не самоцелью, не стремлением к формализации, а позитивно одухотворенным, эмоционально-заинтересованным оформлением чувственного тела.

Древнегреческая культура в достаточно сжатый по историческим меркам отрезок времени рождает такие знаковые явления, как натуралистическую философию, аристотелевскую логику, математику как универсальный способ структурирования реальности, краснофигурную и чернофигурную вазопись как попытку орнаментально-геометрическим способом «заговорить», «заклясть», ограничить хаос мироздания выверенным и организованным узором, ордерную систему древнегреческой архитектуры.

Что же общего в этих столь далеких областях человеческого генезиса? Дело в том, что все это одна, но различно выраженная идея «Логос правит миром!». Восприятие мира как совершенной телесности проявилось в стремлении грека оформить, рационализировать и даже формализовать мироздание. Свое основное предназначение древнегреческая культура видит в том, чтобы упорядочить мир, выразить скрытый, изначально присутствующий в Космосе разум в системе человечески-соразмерных, сформулированных форм, образов и понятий. Античное понимание совершенной телесности опиралось на принцип «золотого сечения» ($13/8=1,625$). Наиболее явно канон проявлялся в архитектуре. Уже старейший дошедший до нас храм, каменный театр Диониса, построен с соблюдением канона.

Стремление к идеальной телесности очевидно во всей древнегреческой скульптуре, но особенно явно прослеживается в период высокой классики. Высшим воплощением античного идеала телесности считается творчество Поликлета. Поликлет был увлечен теоретическим обоснованием идеальных пропорций человеческого тела. Канон Поликлета имел строго математический характер и касался всех основных пропорций человеческого тела. Само человеческое тело передавалось с помощью совершенных графических фигур – круга и квадрата (т.н. «квадратура человека»). Например, идеальная мужская фигура должна вписываться в квадрат, т.к. расстояние от макушки до пяток должно быть равно расстоянию между пальцами разведенных рук.

Однако соблюдение канона в греческой культуре не было догматичным, существовали и отступления от него, однако во всех слу-

чаях они имели не произвольный, а сознательный характер и преследовали исключительно эстетическую задачу: создание идеальной телесности посредством приспособления художественного объекта к специфике зрительного восприятия человека. Например, древние греки владели искусством сконографии – живописи, учитывающей законы перспективы и активно применяемой в театральном искусстве при написании декораций. Отступления от принципа «золотого сечения» имели место в скульптуре, особенно при создании скульптур большого размера или высоко установленных (Фидий «Зевс сидящий»). Существовали отступления от канона и в архитектуре: боковые колонны в колоннаде были чуть наклонными, освещенные колонны делались чуть более тонкими, а находящиеся в тени – более толстыми. Все это делалось с одной целью, четко отмеченной Витрувием, «ошибку глаза исправлять теорией».

Стремление греческого искусства к идеальной телесности проявляется не только в соблюдении канона внешних форм, но и в идеализации внутреннего содержания художественного образа. Греческое искусство пронизано идеей красоты, имеет выраженное этическое содержание, в большей мере ассоциирует искусство с благом, истиной и гражданственностью, нежели с поиском прекрасного. Понятия об «изящных искусствах», эстетическое наслаждение совершенной формой в антике отсутствовало. По мнению греков, искусство по самой своей сути не может отражать не только безобразное, беспорно, имеющее место в действительности, оно не может отражать и содержать в себе ничего, за исключением абсолютно-прекрасного как с точки зрения собственно формы, так и с точки зрения этико-социального содержания. Социальная направленность античного искусства выражена предельно четко: искусство должно воспитывать идеальных граждан, в этом его основная функция. Платон, основываясь на полном отождествлении счастья и справедливости, безапелляционно полагал, что искусство должно играть роль цензора, отсекающего все, что не способствует формированию человека как полноценного гражданина.

Переход от античности к средневековью представляет собой кардинальную смену мировоззренческих ориентиров. Парадигма средневековья: душа как условие нравственно-медитативного единения с Всеобщим. Если главная регулятивная идея античности была телесно-космологическая, то мировоззренческим основанием

средневековья становится теоцентризм. Бог как единственная истинная, безусловная, творящая субстанция является максимой средневекового сознания. Бог – это первопричина и создатель мира, все происходящее в мироздании (да и само мироздание!) есть результат его благой воли и деяния.

Средневековье вносит глобальные изменения в картину мира. Наиболее важное из них – переосмысление самого понятия «реальность». Для античного человека реальность есть Космос, многообразие телесных форм, существующих по законам эстетико-математического совершенства. Христианский Космос разделен на два принципиально различных мира – сакральный вечный мир божественного совершенства и профанный, сотворенный мир. Смысл христианского Космоса заключен в его сакральности, а в людском мире проявляется в неких универсальных связях, которые в принципе не могут быть непосредственно наблюдаемы. По сути дела, реальность для средневекового человека лишается признаков вещественности и осязаемости, чувственно воспринимаемое, телесное имеет смысл лишь как одна из форм выражения мира Божественного [1, с. 325].

Средневековье, фактически, ставит знак равенства между понятиями «Бог» и «реальность», «Бог» и «творчество». В христианских текстах Бог часто именуется Великим Художником – Архитектором, создающим мир как произведение искусства по заранее намеченному плану. В средневековье, как и в античности, человек не творит культуру, а лишь реализует в своей деятельности возможности, изначально заложенные в структурах божественного (у грека – природно-космического) миропорядка. Будучи сходными в трактовке общего принципа возникновения культуры, античность и средневековье различаются в понимании сущности и назначения культуры. Если древние греки основное внимание уделяли совершенству формы, то основная задача средневекового искусства – раскрыть внутреннюю красоту вещи, в которой сосредоточен божественный замысел. Средневековое понимание красоты иерархично: чувственно воспринимаемая красота, красота тел занимает нижнюю ступень, выше нее находится постигаемая душой красота (идеальная красота искусства, нравственная красота, красота наук и любой добродетельной деятельности), а еще выше – красота Бога.

Новые представления о реальности и сущности искусства привели к переосмыслению базовой категории культуры – категории

«гармония». Античная гармония имеет внеличностное, естественно-космологическое звучание, она универсальна, существует как изначальный способ бытия мира и проявляет себя в совершенной телесности. Концептуальной и одновременно визуальной моделью Космоса является шар как идеальное воплощение телесности, меры и гармонии. В средневековье гармония является универсальной характеристикой бытия лишь применительно к сакральному миру. В профанном мире гармония характеризует не фактическую данность, а осознается лишь как возможность, существуя как стремление христианина воссоздать то единство с миром, которое было утрачено в результате грехопадения. Гармония становится символом утраченного Рая, и ее обретение возможно на путях нравственного самосовершенствования. Для христианина гармония приобретает черты драматизма, осознается как результат личных нравственных свершений, наполняется религиозно-практическим содержанием. Формирование идеала личного нравственного служения – одно из важнейших достижений христианства. Средневековье использует крест, вертикальная перекладина которого символизирует пространство от Небес до Преисподней, а горизонтальная – время от Сотворения мира до Страшного Суда. Пересечение горизонтали и вертикали проходит через сердце каждого христианина, является символом жертвы Христа и обязательно должно быть личностно осмыслено и пережито человеком.

Средневековье внесло кардинальные изменения в понимание сущности человека. В этом наиболее существенное различие между античностью и средневековьем. Средневековье принципиально внетелесно. Впервые в истории европейской культуры возникает антитеза души и тела. Средневековье формирует особые культурные практики (аскеза, пост, целибат, монашество) как способы «угасания» телесности. Природно-естественное начало в человеке впервые начинает осознаваться через призму понятия «грех». Средневековье рождает особую культуру – культуру аскетизма, особенно типичную для восточной версии христианства, византийского православия. Примером может служить житие святого Симеона Столпника, который ради умерщвления плоти плотно обмотал свое тело веревкой и ходил так более года. Гниющая плоть и кишасшие в ней черви, по мнению его последователей, являлись свидетельствами жизни более прекрасной, чем жизнь в неге и роскоши, в окружении

прекрасных произведений искусства. Данный пример является иллюстрацией новой культурной максимы: земная и телесная униженность как знак небесной и божественной вознесенности. В нравственно-духовные основания культуры входят идеалы страдания, покорности, самоуничтожения. Именно принадлежность человека двум мирам – божественному и телесному является причиной драматизма его существования, который может быть преодолен единственным путем – путем возвеличивания духа [1, с. 172].

Уникальность средневековой культуры состоит в открытии принципиально нового измерения человеческого бытия – духовности. «Духовность», в отличие от античной «телесности», есть центральная идея всего средневековья. Реальность есть Бог и жизнь вне постоянного духовно-нравственного общения с Богом невозможна. Данный мировоззренческий поворот знаменует рождение интровертной культуры, нацеленной на исследование специфики нравственно-духовного бытия человека.

Уникальная заслуга средневековья в истории европейского самосознания состоит в том, что человек осознал, что человеческое, точнее, человеческое – безусловное начало его существования. Гуманность, милосердие, сострадание, любовь к ближнему становятся принципами построения нового культурного Космоса. Отдавая должное христианству в формировании этики милосердия, не стоит его идеализировать: очевидно, что идеалам христиан не было суждено в полной мере воплотиться в социальной действительности.

Природно-телесное начало оценивается средневековьем в понятиях «греховности» и «этики преодоления» лишь в рамках оппозиционного противопоставления «душа-тело», т.е. лишь применительно к бытию человека. Только человек воплощает в себе бесконечную драму борьбы плотского и духовного, только он обладает божественной душой. Красота природных тел в средневековье, напротив, чувствовалась и переживалась очень остро как на уровне личностного эмоционально-эстетического восприятия, так и на уровне религиозно-философского анализа, ибо природа – результат божественного творения.

Новая трактовка реальности и сущности человека не могла не привести к изменениям в трактовке способа их взаимоотношений. Наиболее явно это проявилось в отходе от античного интеллектуализма. В отличие от грека, который горд собственной уверенностью в возмож-

ности познать мир, средневековый человек полагался на промысел Божий. В системе средневекового мировоззрения понятия «верить» и «надеяться» имеют не меньшую познавательную ценность, чем «знать». «Чудо» становится существенным способом восприятия реальности. Культура приобретает черты мистицизма, экзальтированности. В отличие от античности, обращенной к человеческому разуму, средневековье постоянно апеллирует к душе христианина. В средневековой культуре понятия «душа» и «сердце» занимают место важнейших философско-мировоззренческих категорий.

Способом интерпретации христианского универсума становится символизм. Текст, произведение искусства, материальный предмет рассматриваются не только в своем концептуальном и материальном бытии, но и как носители принципиально иного, сакрально-духовного смысла.

Высшей формой проявления средневекового символизма является культ. Архитектонически-пространственный аспект культа воспроизводится, в первую очередь, самим зданием церкви, где все, направление центральной оси храма, деление на нефы и пределы, фигурные изображения персонажей и событий церковной истории, насыщено символикой. Внецерковные пространства, кладбища, часовни, придорожные кресты, продолжают символизацию пространства, создавая воочию наблюдаемую «страну» религиозной действительности внутри конкретного географического пространства. Культ облекается в литературную форму, существуя в обрядовых книгах и молитвенниках. Понятия «мыслить», «чувствовать» и «открывать тайные значения» становятся, по сути, синонимами: символичны церковные таинства, числа (библейская нумерология), цвета и камни (красный сардоникс – Христос, проливающий кровь, берилл – христианин, озаренный светом Христа), символичны слово и деяние, иконопись и архитектура, символичен свет.

Свет является одним из основных символов эпохи: возникает особая метафизика, воплощенная в витраже, – метафизика света, который ассоциируется с зовом Божьим, с надеждой на спасение, с Раем. Именно в образе света Бог являлся человеку, так он беседовал с Моисеем и пророками, сопровождал исход Израильского народа из Египта. В византийской культуре свет понимался не только как видимый, материальный свет, но и как духовная энергия, Божественная сущность.

Христианин жил в мире, который по своей концептуальной и духовной сложности намного превосходил современный мир. Истинная реальность лишь иногда иносказательно «просвечивала» через свои символические воплощения. В этой связи проблема образа и первообраза является основной для всей христианской культуры. В культуре Византии данная проблема вышла за пределы религиозной и эстетической проблематики и приобрела социальное звучание, приняв форму противостояния между противниками и сторонниками иконописи. Основной целью средневековой культуры является экзегетика, т.е. расшифровка тайн Священного Писания. Ее цель – передать современникам образ истины таким, каким он предстает в первообразе, т.е. в божественном замысле, не привнося ничего от себя. Это определяет анонимность средневековой культуры и существование такого специфического явления, как широко распространенное псевдоавторство. Канон средневековой культуры имеет ярко выраженный символично-медитативный характер. Если основными типажам античной культуры являются герой и мудрец, то средневековые перевозносятся пророка и монаха-отшельника.

Символическая трактовка искусства предопределяет его «срединное» положение в христианском универсуме. Искусство не может быть объектом поклонения, потому что оно не имеет божественной природы. Но искусство не может быть и объектом уничтожения, ибо оно не является простым изображением реальности, его функция – представление сакрального через профанное, напоминание человеку о безусловности духовно-нравственного диалога с Богом. Истинно верующая душа не испытывает необходимости в искусстве, но оно нужно для просвещения масс. Искусство – проповедь для неграмотных.

Третий этап пересмотра соотношения души и тела связан с культурой Ренессанса. При всей яркости и самобытности, она в своем поистине взрывном характере вбирает в себя культурные максимы предшествующих эпох. Вслед за античностью Ренессанс стремится эстетизировать чувственно воспринимаемый мир, воспеть красоту человеческого тела, а вслед за средними веками рассматривает личность (уже не только божественную, но и человеческую!) как основную и непреходящую ценность.

Новое мировоззрение потребовало новой художественной стилистики, нового языка искусства: даже в строго канонические ико-

нописные сюжеты стали вторгаться психологизм и драматизм, начался активный поиск человеческого, мирского. Характерным примером может служить широкое распространение образа Мадонны в ренессансной живописи, что, фактически, означало трансформацию иконы в светский портрет. Ренессансная Мадонна – это изображение Богородицы, однако объект религиозного поклонения дан здесь не в своем каноническом облике, а в виде художественного образа. Изображения мадонн – это уже не только иконы, от которых ждут некоего сверхъестественного знака, чудодейственного исцеления, они одновременно являются портретами реальных женщин с реальной судьбой.

«Визитной карточкой» нового понимания сущности человека служит сочинение Джанотто Манетти «Трактат о достоинстве и превосходстве человека» (1451–1452 гг.). Сам выбор названия был не случаен, автор полемизирует с широко известным в то время сочинением «О презрении к миру, или о ничтожестве человеческой жизни» папы Иннокентия III. Обосновывая тезис о достоинстве человека, Дж. Манетти, а также выдающиеся деятели Флорентийской Академии Пико делла Мирандола и Марсилио Фичино апеллируют к его творческой сущности. Уникальность человека проявляется в том, что в нем происходит встреча двух различных и противоположных начал бытия – духа и плоти, творца и творения. Человек сильнее и могущественнее ангела, ибо ангел не имеет плоти. Пико делла Мирандола утверждал, что вместе с человеком небесное сходит на землю, а земное поднимется до небес [2, с. 205].

Культура Ренессанса обращается к античным идеалам, восставляя в своих правах человеческое тело, человеческое деяние и человеческую эмоциональность. Человеческая эмоциональность становится новым критерием отношения к миру. Во Флоренции XIII в. существовало поэтическое направление «dolce stil», развивавшее идею поэтической любви и ее облагораживающего воздействия на человека. Ренессанс переосмысливает всю систему христианских этических ценностей. Новая культура реабилитирует такие формы человеческой эмоциональности и человеческого поведения, как жадность, себялюбие, изворотливость, стремление из всего извлечь максимальную пользу. Акцентирование этих качеств явилось философско-мировоззренческим обоснованием складывающейся системы новых социальных отношений – раннебуржуазного утилитаризма.

Однако наибольшее внимание в эпоху Возрождения уделялось реабилитации телесного начала в человеке. Телесное не должно быть принесено в жертву духовному. Мир, созданный Богом, прекрасен, и средоточием этой красоты является человек. Красота его тела многократно превышает красоту природных форм. Однако телесное начало изначально дано человеку лишь как возможность, оно не должно пониматься лишь как природно-естественная чувственность. В соответствии с общим стремлением Ренессанса возвысить человека до уровня Творца, поставить его разум и креативные возможности, фактически, в один ряд с Божественным творением, Ренессанс стремится «окультурить» и «очеловечить», т.е. максимально развить и облагородить телесность. Только в культурно преображенном виде тело может стать предметом эстетического любования и войти в сферу искусства. Именно в период Возрождения понимание сути и назначения культуры максимально точно возвращается к своему античному первоисточнику: культура есть процесс совершенствования и «возделывания» самого человека.

Искусство Ренессанса проникнуто идеей величия человека. Однако античная культура также уникальна своим прославлением человека, но человек античности слишком идеален и совершенен, чтобы быть живым, чувствующим и переживающим. Интимность и психологизм, бесконечная палитра душевной жизни еще не были открыты античной классикой. Иллюстрацией данного тезиса может служить сравнение античной и возрожденческой скульптуры. При всей своей бесспорной близости (как тематической, так и формально-стилистической), между ними есть весьма существенное различие, которое наиболее явно проявляется в проработке лица. Сами понятия «выражение лица», «настроение», «характерная мимика», по сути, неприменимы к классической античной скульптуре. Она прекрасна, но абсолютно неиндивидуализирована, никоим образом не отражает внутренние переживания своих героев. Даже изображения людей на пике телесного напряжения, идеальные в передаче динамики и соотношения частей тела (Мирон «Дискобол»), по своей сути дисгармоничны, ибо напряженность мышечно-телесного усилия никоим образом не отражается на лице атлета, оно беспристрастно, абсолютно не заинтересовано в происходящем и его результате.

Явным свидетельством этого является то, что глаза у античных статуй, отражающие «свет души», незнакомы античным скульпторам. Вместо глаза зачастую оставалась пустая глазница или вставлялся полудрагоценный камень. Наоборот, возрожденческая скульптура прекрасна как в выражении тончайшей пластики человеческого тела, так и в передаче сложнейшей палитры человеческой эмоциональности. Внимание к индивидуальности (именно к лицу, а не лику!) отличает искусство Возрождения и от своего более молодого предшественника – средневековья. Портрет, в отличие от иконы, актуализирует не только всеобщее, типическое, но и личностное, индивидуальное. Портрет – это Я!

Использованная литература:

1. Гуревич, А.Я. Избранные труды: в 2 т. /А.Я. Гуревич. – М. – СПб: Университетская книга, 1999. – Т. 2: Средневековый мир. – 560 с.
2. Перкис, Джон. Греческая цивилизация / Джон Перкис. – М.: Фаир-Пресс, 2000. – 263 с.
3. Ильина, Т.В. История Искусств. Западно-европейское искусство / Т.В. Ильина. – 3-е изд. перер.и. доп. – М.: Высшая школа, 2000. – 336 с.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ, ЛИТВЫ И ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В 30–40-х гг. XIX в.

Лепеш О.В., кандидат исторических наук, доцент

После восстания 1830–1831 гг. для выработки общегосударственных мероприятий по отношению к территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины с целью унификации этих земель с внутренними губерниями Российской империи 16 сентября 1831 г. в Санкт-Петербурге был создан Комитет западных губерний. В компетенцию данного Комитета входило разрешение сословного, законодательного, образовательного, а также религиозного вопросов. В 30–40-х гг. XIX в. государственной идеологией становится теория «официальной народности», в основе которой лежала триада «Православие. Самодержавие. Народность». Именно тогда российскими властями была сделана ставка на укрепление православия, особенно в западных губерниях, где оно до 1839 г. не было религией основ-

ной массы местных жителей. Исторически сложившееся положение правительство намеревалось исправить путём ослабления позиций католического костёла и увеличения числа православного населения в результате слияния униатской и православной церквей.

Непосредственным поводом для наступления на католическую церковь стал факт участия части её духовенства в восстании 1830–1831 гг. На территории Беларуси и Литвы численность католического духовенства, участвовавшего в событиях 1830–1831 гг., достигала 4,5% от их общего количества [1, с. 127], а на Правобережной Украине – 1,2% [2, с. 162-163]. Тем не менее, большинство из представителей римско-католического духовенства не приняли участия в восстании либо оказали ему пассивную поддержку. Они не желали участвовать в кровопролитии по нравственным соображениям, а также боялись потерять влиятельное положение в обществе и дать лишний повод российским властям предпринять против них ряд репрессивных мер. Определенно, главной проблемой для высшего католического клира была забота о сохранении земельных наделов с находившимися на них крепостными крестьянами.

Однако участие даже части католического духовенства (в основном низших и средних слоев) в шляхетском восстании усилило подозрительность российского правительства, которое стало смотреть на ксендзов-католиков как на движущую силу мятежного польского национализма. Поэтому власти начали проводить политику, направленную на лишение католической церкви лидирующего положения. Уже 19 июля 1832 г. был издан указ «Об упразднении некоторых римско-католических монастырей» [11, № 5506]. Официальной причиной закрытия монастырей объявлялось отсутствие установленного каноническими правилами числа монахов. 6 августа 1832 г. император распорядился упразднить по Витебской и Могилёвской губерниям 37 неукомплектованных католических монастырей. Из них 19 преобразовывались в приходские и филиальные, 11 подлежали закрытию и 7 были обращены в православные церкви [9, л. 46-46 об.]. В целом же по всем западным губерниям по указу от 19 июля 1832 г. был упразднен 191 католический монастырь из 304 [3, с. 112]. Материальный эффект от этой реформы получился внушительным: государство приобрело 13098 крепостных и 232623 рублей серебром [5, с. 170]. Мероприятия властей по сокращению монастырей и костёлов католической церкви продолжались и в 40–

50-х гг. XIX в. Упразднённые духовные институты передавались в своём большинстве в православное или военное ведомство.

Следует отметить, что Комитет западных губерний достаточно осторожно подходил к вопросам преобразования католических костёлов в православные церкви. Если в католических монастырях члены Комитета видели «дух религиозного и сопряжённого с оным политического фанатизма, отчуждающего поляков от русского» [13, л. 114] и были готовы ликвидировать многие из них, то костёлы они считали духовными и просветительскими центрами для многочисленного католического населения западных губерний. В 1833 г. на одном из заседаний Комитета рассматривалось дело об обращении в православную церковь костёла в имении Гранов, конфискованного у А. Чарторыйского [14, л. 112–115]. Члены Комитета подошли к решению этой проблемы очень ответственно. Было проведено статистическое исследование по вероисповеданию жителей имения. Оказалось, что в данном приходе число католиков в два раза превышало число исповедовавших православие (2500 католиков и 1286 православных). Учитывая этот факт, Комитет пришёл к выводу, что столь значительное количество людей не может остаться без костёла, поэтому проект о преобразовании Грановского костёла в церковь был отклонён.

Российское правительство в целях обеспечения гражданского спокойствия требовало от католического духовенства, определяемого в настоятели церквей и монастырей, а также в члены консистории в качестве депутатов, присяги на верность [11, № 5319]. По решению Комитета западных губерний католические епархиальные начальники должны были ежегодно доставлять местным гражданским губернаторам списки всех духовных лиц их ведомства, а также давать сведения обо всех принимаемых в семинарии клириках [11, № 5773]. В 1831, 1832 и 1835 гг. католическому духовенству запрещалось переезжать с места на место без разрешения своего руководства [21, с. 66]. С 1835–1836 гг. власти запретили служебным лицам костёлов вести публично проповеди на польском языке без предварительной цензуры [10, л. 2-3]. В учебных заведениях католическому духовенству не позволялось преподавать закон Божий униатам [8, л. 31].

В то же время российское правительство всячески пыталось подержать государственную религию в западных губерниях, прежде

всего, путём возведения новых церквей. В 1831 г. на заседании Комитета рассматривался доклад А.М. Голицына о роли православия в западных губерниях. По мнению докладчика, церкви в западной части империи «представляют одни развалины деревянных строений», а «духовенство православное находится в величественной бедности ... и зависит от владельцев селений – католиков» [13, л. 105]. Первостепенный и основной способ поднять престиж православия, как считали члены Комитета западных губерний, заключался в расширении строительства хороших православных храмов, «ибо простой народ скорее всего увлекается наружностью» [13, л. 105 об.-106]. Комитет постановил: воздвигать повсеместно православные церкви, как на государственных землях, так и в частных владениях. Финансирование строительства подобных культовых сооружений на казённых землях брало на себя государство, а в частных имениях их возведение полностью ложилось на плечи местных помещиков. Единственным средством к побуждению учреждать такие церкви в частных владениях была лишь сила убеждения. Однако местные дворяне, в большинстве своём католики, не хотели тратить денежные средства на строительство чуждых для них православных храмов, а сила убеждения на них никак не действовала. Указ императора от 19 ноября 1832 г. об обязательствах владельцев строить и ремонтировать как униатские, так и православные церкви вызывал у них негодование. Например, в 1832 г. помещик Минской губернии Устин Ширин в ответ на требование местных властей привести в порядок находившиеся в его имении постройки православных культовых зданий подал заседателю Лабунцову заявление. В нём Устин Ширин утверждал, что воспринимает эти распоряжения губернского начальства как действия, недозволенные законом [7, л. 6]. К 1847 г. ситуация по поводу ремонта и возведения новых православных церквей в Минской губернии не изменилась. Минский архиепископ Антоний писал, что эта работа «производится почти всегда с великим затруднением и медленностью» [13, л. 68]. Для ее ускорения священник предлагал даже собрать деньги с крестьян: по 15 копеек серебром в год с каждой души мужского пола [13, л. 68 об.]. Примерно такая же обстановка относительно реконструкции униатских и православных церквей наблюдалась и в других белорусских губерниях. В 1835 г. к губернатору Могилевской губернии поступила просьба отсвященнослужителей привлечь ме-

стное дворянство если не к возведению, то хотя бы к реставрации униатских церквей и приданию им первоначального вида как внутри, так и снаружи [4, с. 102]. Униатский священник Плакид Янковский отмечал, что «униатские церкви, сохраняя одно только наименование греко-униатских, даже утварью более были приспособлены к римскому богослужению» [22, с. 274]. По подсчётам Иосифа Семашко, в 1832 г. из 800 униатских церквей Литовской епархии только 80 были с иконостасами, остальные же имели вид католических костёлов [19, с. 88]. В 1834 г. в письме к генерал-губернатору Смоленской, Витебской и Могилёвской губернии Н.Н. Хованскому Полоцкий православный епископ Смарагд давал неутешительные прогнозы по поводу «приведения» православной церкви и духовенства в надлежащее состояние. Основными препятствиями на этом пути Смарагд считал отсутствие средств и противодействие местного католического дворянства [20, с. 429].

Строительство православных церквей на государственных землях осуществлялось более динамично. Ещё в 1833 г. император распорядился сооружать такие церкви в Киевской, Волынской, Подольской и Минской губерниях, для чего отпускалась сумма по 150 тыс. рублей в год. Строительство планировалось на 12–20 лет, в год планировалось воздвигать по 2 церкви. Первоначально Святейший Синод предполагал построить 8 церквей в Подольской губернии, 3 – в Киевской, 8 – в Волынской и 2 – в Минской. Для руководства строительством церквей учреждались особые временные комитеты [11, т. XIII, отд. 1, № 11019]. После образования Министерства государственных имуществ на него легли проблемы сооружения церквей, а также надзор за пресечением всяких преступлений против православия в казённых имениях [11, т. XIII, отд. 1, № 11189]. В 1846 г. по именному указу императора Министерство государственных имуществ должно было в западных губерниях отреставрировать 496 и соорудить 99 новых православных церквей [11, т. XXI, отд. 1, № 19910].

Более категорично российское правительство действовало при решении вопросов о взаимоотношениях католической церкви и крестьян. Ещё в 1836 г. вышел указ, который запрещал иноверному духовенству (в том числе и католическому) иметь «в услужении» людей православного исповедания [11, т. XX, отд. 2, № 9770а]. В 1838 г. киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков предлагал Комитету за-

падных губерний ещё раз обратиться к теме ограничения владения крепостными католическим духовным лицам. Д.Г. Бибиков считал, что по отношению к католическому духовенству необходимо было выработать ряд мер, которые бы сдерживали всякое жестокое обращение с крестьянами. Например, за безжалостное обращение с православными крепостными помещика-католика ждало уголовное наказание, его имение бралось под опеку [6, л. 348]. В соответствии с этим предложением было решено запретить католическому духовенству подвергать крестьян телесному наказанию. При неповиновении последних духовенство должно было прибегать «к убеждениям и коротким вразумлениям», а при упорном неповиновении – обращаться в местные земские и городские полицейские управления. В случае получения крестьянином увечья виновные духовные лица предавались суду или же отстранялись от управления имениями и не допускались к такому виду деятельности ни в каком другом месте. Нужно отметить, что император безоговорочно одобрил постановление Комитета и даже разрешил генерал-губернаторам назначать особых чиновников для наблюдения за церковными крестьянами [15, л.173-177]. Распоряжение императора вышло в виде именного указа от 24 января 1839 г. [11, т. XIV, отд. 1, № 11954].

Важным шагом правительства было проведение в 1841–1843 гг. секуляризации части церковных земель. Эту идею подал киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибиков. Ещё в 1839 г. он предлагал Комитету передать в казённое управление имения католического духовенства [16, л.83-84об.]. В этом же году с подобным предложением обращался к императору и министр государственных имуществ П.Д. Киселёв. Правда, П.Д. Киселёв был сторонником секуляризации владений как католической, так и православной церковью. Министр, считавший духовенство нелегитимным собственником, предполагал провести изъятие церковных земель, исходя из прусского и австрийского опыта. Император Николай I даже создал в связи с этим специальный Комитет по духовным имениям, журнал первого заседания которого был обсуждён в Комитете западных губерний 31 мая 1840 г. Комитет западных губерний постановил: «Совершенно правильно заключение Комитета о необходимости, не касаясь различия религии, распространять меру отобрания населённых имений на духовенство всех вообще исповеданий, дабы устранить тем всякое сомнение насчёт беспристрастия в действиях пра-

вительства» [17, л.235об.]. 21 июня 1840 г. император утвердил это постановление Комитета западных губерний и велел исполнить проект секуляризации через год после обнародования указа о введении российского законодательства.

Указы о передаче в казну церковных имений были изданы 25 декабря 1841 г. Первый указ касался православного духовенства, в соответствии с ним конфисковывались земли православных архиерейских домов и монастырей [11, т. XVI, отд. 2, № 15152]. Второй указ относился к иноверному духовенству: все его недвижимые имения передавались в ведение и управление Министерства государственных имуществ, за исключением имений, находящихся во владении приходского белого духовенства, не принадлежавшего к высшей иерархии и монашеству [11, т. XVI, отд. 2, № 15153]. В итоге в западных губерниях было конфисковано 516 церковных имений с 101536 душами крестьян мужского пола [3, с.113]. В частности, в 1840 г. по четырём православным епархиям (Литовская, Минская, Могилёвская, Полоцкая) из 3094 церквей упразднилось 697 единиц, а в 1850 г. из 2867 церквей подлежало закрытию 608 [12, с.23]. 20 июля 1842 г. было утверждено Положение об обеспечении православного сельского духовенства землями, домами и единовременными пособиями [11, т. XVII, отд. 1, № 15872]. В 1843 г. в казну поступали земли приходов католической, а также православной церквей, если это были имения вакантных приходов или отданные в аренду. В случае невозможности отвести духовенству угодий взамен принятых от них имений им назначалось денежное вознаграждение [18, л. 200]. Если монастыри вовсе не имели имений, то им отводило государство по 30 десятин земли, по 1 мельнице и рыбной ловле. Причём такое «пособие» получали как православные, так и католические монастыри. Например, в 1847 г. по западным губерниям числилось 17 римско-католических монастырей, которые не предоставили государству земельных наделов по причине их отсутствия. Комитет западных губерний поручил Министерству государственных имуществ наделить их землёй [18, л. 201 об.- 203об.].

Комитет западных губерний не занимался вплотную проектом по ликвидации униатства, поскольку в 1835 г. был создан Секретный комитет для рассмотрения мер по униатским делам. Однако по проблеме перевода униатов в православие Комитет придерживался той мысли, что осуществлять такую кардинальную реформу нужно по-

степенно, проведя соответствующую подготовку. Как известно, благодаря деятельности таких сторонников перевода униатов в православие, как Иосиф Семашко, Василий Лужинский, Антоний Зубко и др. в мае 1839 г. произошло упразднение униатской церкви и слияние ее с православной [11, т. XIV, отд. 1, № 12467; 204, с.12]. Всего из униатства в православие было переведено в 1839 г. в Беларуси около 1,5 млн. человек. Бывшее униатское духовенство указом от 18 октября 1839 г. уравнивалось в правах с православными; ряд дел, касавшихся «сращения и отступничества» от православия в унию, прекращался [11, т. XIV, отд. 1, № 12816].

После 1839 г. правительство следило за тем, чтобы за православием сохранялся статус титульной религии. Поэтому особенное негодование у властей вызывали случаи перехода из православия в католицизм. В 1840 г., согласно сенатскому указу, дела «по предмету сращения из православия в латинство» должны были решаться безотлагательно. Виновные духовные лица предавались суду не католических консисторий, а уголовному суду, поскольку они обвинялись в нарушении государственных законов [11, т. XV, отд. 1, № 13116]. Изменение веры в сторону католицизма представителем высшего сословия, имевшего крепостных православного вероисповедания, грозило ему лишением имения [11, т. XV, отд. 1, № 13280а].

Таким образом, российское правительство в решении религиозного вопроса стояло на позициях укрепления официальной государственной религии (православия) в Беларуси, Литве и Правобережной Украине. В связи с этим была разработана программа по скорейшему сооружению новых православных церквей с привлечением как государственных, так и частных капиталов. Однако строительство шло крайне медленно, поскольку местные дворяне в своем большинстве являлись католиками и не были заинтересованы в возведении православных храмов.

Комитет западных губерний проявлял веротерпимость к католической церкви и не был сторонником радикального сокращения костёлов, поскольку значительная часть населения исповедовала католицизм. В целом, самодержавие по отношению как к православной, так и к католической церкви предпринимало меры, направленные на секуляризацию церковных земель с целью подчинения церкви государственной власти.

Использованная литература

1. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.
2. Дьяков, В.А. Социальный состав польского восстания 1830–1831 гг. / В.А. Дьяков, В.Н. Зайцева, Л.А. Обушенкова // Историко-социологические исследования (На материалах славянских стран): сб. ст.; редкол.: В.А. Дьяков [и др.]. – М.: Наука, 1970. – С. 19-168.
3. Зинченко, А.Л. Реформа государственной деревни и секуляризация церковного землевладения в западных губерниях Российской империи / А.Л. Зинченко // Исторические записки. – М.: Наука, 1985. – Т. 112. – С. 115-117.
4. Лужинский, В. Записки В. Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: Тип. императорского ун-та, 1885. – 310 с.
5. Лыкошина, Л.С. Духовенство Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины и польское восстание 1830–1831 гг. / Л.С. Лыкошина // Проблемы новой и новейшей истории: сб. ст. / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ист. фак-т, Кафедра новой и новейшей истории; отв. ред.: Е.Ф. Язьков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – С. 155-171.
6. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 299. Минское губернское правление. – Оп. 1. – Д. 806. Протоколы заседания правления за февраль 1831 г.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 320. Минский губернский предводитель дворянства. – Оп. 1. – Д. 162. Переписка с уездными предводителями дворянства о ремонте церквей владельцами имений.
8. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилёвского и Смоленского. – Оп. 1. – Д. 7764. О запрещении римско-католическому духовенству преподавать закон Божий в учебных заведениях Беларуси.
9. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилёвского и Смоленского. – Оп. 1. – Д. 7884. Отчёт генерал-губернатора за 1832, 1833 гг.
10. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилёвского и Смоленского. – Оп. 1. – Д. 9764. О запрещении светским людям говорить публично на польском языке.
11. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание

второе: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел., 1830–1884 гг.

12. Преображенский, И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 гг. по 1890–1891 гг. / И. Преображенский.— СПб.: Тип. Э. Эрнгольда, 1897. – 236 с.

13. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 8. Журнал Комитета западных губерний за 1831 г.

14. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 12. Журнал Комитета западных губерний 1833 г.

15. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 22. Журнал Комитета западных губерний 1838 г.

16. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 24. Журнал Комитета западных губерний 1839 г.

17. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 26. Журнал Комитета западных губерний 1840 г.

18. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Ф. 1266. – Д. 36. Журналы Комитета западных губерний 1845, 1846, 1847 и 1848 гг.

19. Семашко, И. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской академией наук по завещанию автора: в 3 т. / И. Семашко. — СПб.: Тип. импер. АН, 1883. – Т. 1. – 745 с.

20. Смарагд. Письма епископа Полоцкого Смарагда к князю Н.Н. Хованскому, генерал-губернатору Смоленскому, Витебскому и Могилёвскому // Русский архив. – 1891. – Кн. 8. – С. 427-440.

21. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772-1860: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Н. Филатова. – Минск: 2001. – 159 с.

22. Янковский, П. Записки сельского священника / П. Янковский. – Минск: Свято-Петрово-Павловский собор, 2004. – 380 с.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД И КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПЕДАГОГИКА: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Млечко Е.Н., преподаватель

Одним из направлений современной гуманитаристики является анализ социокультурных феноменов с позиций гендерного подхода: фактор пола является частью практически любого исследования, претендующего на объективность и научность, т.к. гендерные отношения во многом определяют все социокультурные процессы. Особую важность в этой связи приобретают гендерные исследования в области образования, в связи с чем все чаще появляются научные работы, в которых предлагаются варианты постепенных изменений традиционных способов и форм обучения. По мнению ученых, это позволило бы учитывать изменения современных социокультурных процессов, в первую очередь, в сфере взаимоотношения полов, и формировать у подрастающего поколения инициативность, ответственность, эмоциональную и психологическую гибкость, что дает возможность быстро адаптироваться в постоянно меняющейся ситуации.

Гендер представляет собой совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [1]. Гендерный подход ориентирован на анализ гендерной дифференциации, результатом которой стало закрепление связи между биологическим полом и социальными достижениями. Объектом анализа гендерных исследований являются роли, нормы, ценности, которые предписывает общество женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, а также символы, используемые для построения социальных структур, основанных на отношении зависимости и иерархии. Данная методология дает возможность отойти от точки зрения о жесткой фиксированности полоролевых моделей поведения, показывает новые пути развития и самореализации, не ограниченные традиционными гендерными стереотипами.

В соответствии с применением гендерного подхода в современном социогуманитарном знании возникло понятие «гендерная культура» как «система действующих в данном обществе взглядов, установок, принципов, матриц поведения и т.д., формирующих социокультурные аспекты пола (гендерные роли, гендерные отноше-

ния, гендерные стереотипы, семейно-брачные установки и т.д.)» [2, с. 27]. В зависимости от доминирующей системы ценностей в отношении полов в литературе выделяются патриархатная, матриархатная и эгалитарная культуры.

Усвоение гендерной культуры общества возможно в ходе гендерной инкультурации, которая представляет собой двусторонний, взаимообусловленный процесс, в ходе которого личность усваивает систему ценностей гендерной культуры, вырабатывает соответствующие типы мышления и образцы поведения, а также обогащает общекультурные значения личностным смыслом.

Все виды гендерной культуры тесно связаны с социальными и экономическими аспектами жизни общества. *Патриархат* в современной науке «представляет собой систему, которая обеспечивает доминирование мужчин в обществе и семье, которое осуществляется в различных формах: разделении сфер труда, практике двойных стандартов, различающихся для мужчин и для женщин; неравном доступе к институтам власти» [3, с. 12]. *Матриархат* – форма социального устройства, в которой семейная и политическая власть принадлежит женщинам. Первым исследователем, обратившимся к этой проблеме, был швейцарский ученый И.Я. Бахофен. В работе «Материнское право» на основе изучения античной мифологии он сделал вывод о том, что до патриархатной системы общественного устройства существовала матриархатная, которую он назвал «гинекократия» [4, с. 217]. *Эгалитаризм* – понятие, характеризующее равенство доступа мужчин и женщин к социальной власти и общественным ресурсам. В науке были разработаны как минимум четыре трактовки этого понятия. Первое понимание представляло собой идею полного равенства между людьми, однако если и существовали такие общества, то это равенство достигалось при общем снижении социального статуса членов данного общества в рамках распределительной авторитарной государственной системы ценой потери личностью своей индивидуальности. Второе понимание – равенство прав всех граждан демократического общества, однако при этом не осуществлялись права отдельных социальных групп (женщин, национальных меньшинств и др.). Третья трактовка – равенство возможностей в осуществлении этих прав. В этой связи появились концепции, так называемой, «позитивной дискриминации», когда путем формирования определенных привилегий созда-

ются условия для равного старта всех социальных групп (например, квоты для женщин в рамках определенных профессий и сфер деятельности). Четвертое понимание представляет собой признание самооценности, самоощущений, самоидентификации мужчин и женщин наряду с соблюдением равенства прав [5]. В литературе оно рассматривается как будущая форма социального устройства.

Существование перечисленных общественных форм связано с теми отношениями власти, которые бытуют в данном обществе. Для патриархата характерна иерархическая концепция вертикальной власти, или власти «над кем-либо». В матриархате властные отношения строятся по горизонтальному признаку, а понятия власти над кем-либо не существует, есть определенное влияние того или иного пола в каких-то определенных сферах. В то же время и для патриархата, и для матриархата характерно разделение сфер общественного влияния по половому признаку, однако если в патриархате это разделение характеризуется наличием жесткого неравенства статусов, ролей, стилей жизни, то в матриархате оно определяется принципом взаимодополнительности женского и мужского миров [6]. Эгалитарная система в отношении власти, также как и матриархат, выстроена по горизонтальному принципу, основанному на взаимопомощи и сотрудничестве, однако отличается от рассмотренных выше форм тем, что в ней отсутствует четкое разделение общественных сфер, функций, качеств личности и т.д. В связи с этим, под патриархатной и матриархатной культурами следует понимать систему действующих в данном обществе взглядов, установок, матриц поведения, выстроенных по принципу неравноценности двух полов. Эгалитарная культура представляет собой равноценность культурных значений, смыслов в отношении женщин и мужчин, что снимает проблемы иерархии, поляризации гендерных характеристик, поэтому в рамках эгалитарной культуры одинаково ценными являются мужские и женские черты характера, сферы деятельности, особенности внешности, поведения, образцы мышления.

Показателем сформированности гендерной культуры в результате эгалитарной инкультурации могут быть критерии, разработанные Л.В. Штылевой: 1) гендерная компетентность (сформированные представления о социокультурной природе межполовых отношений, знания об историческом и культурном разнообразии гендерных систем и гендерных идеалов «мужского и женского» у

разных народов в разные эпохи); 2) гендерная толерантность (способность человека к сотрудничеству между полами и внутри своей гендерной группы на основе эгалитарных ценностей, установление отношений с окружающими в партнерском стиле); 3) гендерная сензитивность (способность человека воспринимать «скрытый гендерный текст» в обыденной практике, а также понимать гендерные аспекты самовыражения и гендерную идентичность другого человека). В ходе обучения, выстроенного на основе гендерного подхода (эгалитарной инкультурации) гендерная компетентность, толерантность и сензитивность могут интегрироваться в эгалитарное мировоззрение [7, с. 172–175].

Эгалитарной инкультурации соответствуют современные социокультурные процессы, которые отражаются в постепенных изменениях гендерных образцов. Согласно научным исследованиям, помимо традиционного содержания маскулинности (ориентация на профессию, отмежевание от «женского» и женщин, эмоциональная сдержанность и т. д.), в современные нормы входят и такие черты, как пристальное внимание к своей внешности, стремление ярче проявлять свои чувства, новое понимание отцовства как специфично мужского опыта и возможность увидеть в ребенке себя самого. Современное понимание фемининности также включает в себя характеристику, дополняющую традиционную женскую роль матери и хозяйки – стремление реализовать себя в профессиональной, публичной сфере деятельности. Налицо в некотором роде «смешение», взаимопроникновение гендерных образцов: ослабление поляризации гендерных ролей в обществе и семье, разделения труда по признаку пола, что проявляется, во-первых, в стремлении женщин реализовать себя не только в сфере семьи и материнства, но и в профессиональной среде, и, во-вторых, в эмоциональности и заботливости мужчин. Согласно данным психологии, обучение подрастающего поколения исключительно традиционным ценностям, основанным на жестком и нормативном разделении труда, ролей и качеств и определяемым ими стереотипным моделям мышления и поведения приводит к различного рода жизненным трудностям (сложности в общении с представителями другого пола), обусловленным противоречием собственных личностных характеристик, имеющихся гендерных знаний и реальных социокультурных процессов и отношений. В случае дисгармонии или рассогласован-

ности самосознания человек может проявлять эмоциональные реакции отвержения или неприятия своего или другого пола. Противопоставление ролей и жесткие стереотипы делают человека менее гибким в поведении, влияют на самооценку, самоуважение, коммуникативную компетентность. Это приводит к росту проблем в межличностных отношениях, воспитании детей, обуславливает различия жизненных стратегий и установок, что, в свою очередь, отражается на уровне образования, разной экономической отдаче и других показателях. Д. Шеффер вводит понятие «психологической андрогинности» – характеристику личности, которая «обладает взаимоуравновешивающими или переходящими друг в друга как стереотипно маскулинными (напористость, аналитическое мышление, решительность, независимость и др.), так и стереотипно феминными (чувствительность, склонность к состраданию, нежность, стремление понять другого и др.) положительными чертами. Андрогинность является признаком психического здоровья» [8, с. 713–715].

Данная проблема представляется весьма актуальной в свете проводимых белорусскими учеными исследований уровня стереотипности гендерных представлений молодежи: в них прослеживается четкое разделение труда, социальных ролей, качеств по половому признаку. Так, сфера семьи признается «женской» областью, сфера профессии и общественного признания – «мужской», а мужественность и женственность студенты трактуют в соответствии с традиционными гендерными образцами [9, с. 7]. Существование гендерных стереотипов отражается в своеобразном разделении отраслей науки и, соответственно, изучаемых в вузе предметов, на «женские» и «мужские». Эта же тенденция видна и в выборе юношами и девушками будущей профессии, что свидетельствует о существовании т.н. «женских» и «мужских» профессий и в дальнейшем «женских» и «мужских» вузов. Согласно данным статистики, в целом количество студенток превышает количество юношей, но выбирают они обычно профессии, соотносящиеся с традиционными представлениями о женственности. В соответствии с делением сфер деятельности и профессий «женскими» вузами считаются учебные заведения педагогического профиля, Академия музыки, Белорусский университет культуры и искусств. В противовес им «мужские»

вузы представляют Гомельский технический университет, БНТУ, БАТУ, Академия управления [10, с. 53–54].

В рамках образовательного процесса гендерная компонента прослеживается в *содержании образования и педагогической коммуникации*, которая включает в себя не только сам дискурс как общение, но и формы и методы обучения.

Содержание как среднего, так и высшего образования, представленное, в первую очередь, учебными пособиями для студентов, насыщено патриархатными гендерными значениями и нуждается в дальнейшей экспертизе с последующим внесением изменений в учебные тексты [11, с. 107].

Гендерный анализ педагогической коммуникации реализуется по двум направлениям: анализ коммуникативных стратегий и форм и методов обучения. Педагогическая коммуникация выражается в наличии определенных коммуникативных стратегий и категорий, реализуемых преподавателями. В зависимости от вида гендерной культуры и особенностей власти стратегии можно разделить на две группы: маскулинные («стремление направлять ход беседы», «побуждение к действию в форме императива», «дисциплинарные замечания») и фемининные («диалогичность речи», «импровизация», «этикетные формы») [12, с. 116]. Маскулинные стратегии демонстрируют стремление управлять образовательным процессом, выстраивая единственно возможный вариант проведения занятия в качестве желаемого. Фемининные стратегии также нацелены на контролирование процесса обучения, но они отличаются от первой группы, так как стимулируют инициативность и оказывают влияние на конкретную личность, задействуя в процессе обучения психологические механизмы, позволяя осуществлять индивидуально-личностный подход, формировать определенные личностные компетенции и черты характера. Специфика отношений «власти для», выстроенных по принципу сотрудничества, определяет, в первую очередь, такую важную стратегию общения как стремление к диалогу. Это предполагает учет мнения каждого из участников педагогического взаимодействия, гибкость в выборе тем и средств коммуникации, эмоциональность и заинтересованность, уважение к собеседнику. Данные стратегии в большей степени способствуют налаживанию эмоциональных и личностных контактов с аудиторией, что в итоге благотворно сказывается на учебном процессе: чем более

полно студенты «эмоционально включаются» в учебный процесс, чем более тесно транслируемый опыт связываются с их личным опытом, тем более эффективной является интериоризация передаваемых знаний, ценностей, образов и т.д. Эти стратегии являются наиболее эффективными и в методическом плане: они позволяют в соответствии с социальным заказом достичь целей современного образования, в число которых, помимо обучения, входит воспитание в человеке определенных личностных компетенций: самостоятельности суждений, ответственности за свои поступки, способности принимать трудные решения, что предполагает определенную свободу личности, отсутствие жестких поведенческих ролей, установок и стереотипов, в том числе и гендерных.

В отношении форм и методов обучения гендерный анализ направлен на изучение образовательных концепций и методологических подходов, в частности, признается необходимость дополнения т.н. «знаниевого подхода» личностно-ориентированными технологиями. В русле данных исследований проводится рассмотрение образовательных практик: указывается гендерная нечувствительность традиционных образовательных стратегий и слабая реализация индивидуального подхода [13, с. 8].

В этой связи дополнительные возможности для реализации гендерного подхода в образовании предоставляет интерактивное обучение, разрабатываемое в конструктивистской педагогике. Основные ее положения следующие: знание людей о мире культурно обусловлено и относительно, поэтому обучение нужно начинать с организации мыслительной активности студентов; обучение есть поиск смысла, что предполагает обязательный диалог, взаимодействие преподавателей и студентов; в ходе обучения преподавателю необходимо создавать ситуации, в которых студенты смогут самостоятельно вырабатывать требуемые изучаемым курсом концепты; особое внимание следует уделять выбору языковых средств: речь идет, прежде всего, о языковом обучении, которое требует выработки неких общих значений в ходе коммуникации и учета обратной связи между ее участниками; в ходе обучения нужно учитывать личные особенности студентов, опираться на их знания и социальный опыт; так как формирование концептов требует собственного размышления, преподаватель должен этот процесс активизировать, т.е. дать студентам высказать их мнение; любой полученный результат

должен быть оценен и усилия студентов должны быть признаны, чтобы не разрушить мотивацию студентов [14, с. 60–63].

Интерактивное обучение выражается в многочисленных методах. Самые известные из них – «мозаика», выполнение заданий в команде, метод эвристических вопросов, творческие работы (написание эссе, создание словаря), групповое исследование, метод структурированного противоречия и др. Методы интерактивного обучения рассматриваются в научной литературе как наиболее эффективные в учебном плане (студенты легче усваивают материал, который изучался путем активного вовлечения в учебный процесс). Целью современного образования является умение студентов «работать в проблематических полях» и «университет должен выступить тем местом, где студент мог бы практически выучиться применять и составлять правила, необходимые для функционирования важных сфер социальной и культурной жизни» [15, с. 56–57].

Методы конструктивистской педагогики, основываясь на кооперации и диалоге, формируют активную личностную позицию, инициативность, уверенность в себе, уважение к чужому мнению, способствуют установлению паритетных межличностных отношений, основанных на взаимопомощи и сотрудничестве, что вполне соответствует гендерному подходу в обучении в целях обеспечения эгалитарной инкультурации.

Использованная литература:

1. Воронина, О.А. Гендер / О.А. Воронина // Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Денисовой. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/010.htm>. – Дата доступа: 09.07.2010.

2. Андреева, Н.И. Формирование гендерной культуры в современном обществе: философско-культурологический анализ : автореф. дис. ...д-ра филос. наук : 09.00.13 / Сев.-кавк. научн. центр. высш. шк. – Ростов н/Д, 2005. – 43 с.

3. Чикалова, И.Р. Женская и гендерная история на постсоветском пространстве / И.Р. Чикалова // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / под ред. И.Р. Чикаловой. – Минск, БГПУ: 2001. – Вып. 1. – С. 5–193.

4. Бахофен, И. Материнское право / И. Бахофен // Классики мирового религиоведения: антология : в 2 т.; пер. с англ., нем., сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон. – 1996. –Т. 1. – С. 216–267.

5. Калабихина, И.Е. Равенство полов / И.Е. Калабихина // Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Денисовой. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/270.htm>. – Дата доступа – 26.03.2011.

6. Муравьева, И.Е. Матриархат / И.Е. Муравьева // Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Денисовой. – М., 2002. – Режим доступа - <http://www.owl.ru/gender/109.htm>. – Дата доступа - 26.03.2011.

7. Штылева, Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ / Л.В. Штылева. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 316 с.

8. Шеффер, Д. Дети и подростки: психология развития / Д. Шеффер. – СПб., 2003. – С. 973.

9. Янчук, О.А. Гендерные стереотипы массового сознания: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / О.А. Янчук ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 20 с.

10. Прием в государственные вузы Беларуси: гендерный анализ / С. Ветохин [и др.] // Женщина. Образование. Демократия: материалы II междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 дек. 1999 г. / Жен. негос. ин-т «Энвила»; под общ. ред. Г.И. Шатон, И.Р. Чикаловой. – Минск, 2000. – С. 53–55.

11. Млечка, А.М. Жаночы і мужчынскі вопыт у педагагічным дыскурсе вышэйшай школы / А.М. Млечка // Роднае слова. – 2010. – № 1. – С. 106–108.

12. Млечко, Е.Н. Гендерные особенности педагогического дискурса вуза / Е.Н. Млечко // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 111–118.

13. Шатон, Г. Гендерные аспекты образования / Г. Шатон // Гендерные аспекты образования: сб. научн. докл. / Жен. негос. ин-т «Энвила»; ред. – сост. Г.И. Шатон. – Минск: ООО «Энвила», 1998. – С. 7–12.

14. Миненков, Г.Я. Трансформация университета и учебный процесс: метод. пособие для преподавателей / Г.Я. Миненков; Европ. гос. ун-т. – Минск: ЕГУ, 2004. – 161 с.

15. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / М.А. Гусаковский [и др.]; Белорус. гос. ун-т; под ред. М.А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2004. – 279 с.

СЕРЬЕЗНЫЙ ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(рецензия)

Стрелец М.В., доктор исторических наук

Актуальность темы любого исследования по историческим наукам связана с наличием схожих проблемных комплексов в современном мире. В данной ситуации научное сообщество призвано выполнять социальный заказ на поиск жизнеспособных инструментов для снятия подобных комплексов.

Избрав в своей монографии в качестве предмета исследования рабочую и аграрную политику в трех британских доминионах – Канаде, Австралии, Новой Зеландии в последней трети XIX – начале XX вв., профессор кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНГУ Л.Н. Семёнова обратилась к теме, актуальность которой не вызывает сомнения. С автором монографии можно согласиться в том, что «необходимость данного исследования обусловлена повышенным интересом к проблематике социального государства, потребностью в знании обо всех возможных формах и методах социальной политики с целью выработки конкретно-исторических моделей социального государства, их сохранения, оптимизации и дальнейшего развития» [1, с. 12].

Предмет исследования книги достаточно объёмен. Учёный берёт «в качестве предмета данного исследования... два ведущих направления социального реформизма, неизбежных для стран с динамично развивающейся аграрно-индустриальной экономикой: рабочую и аграрную политику в трех британских доминионах – Канаде, Австралии, Новой Зеландии на протяжении более чем 50-летнего исторического периода – в последней трети XIX – начале XX вв. В рабочей политике главной предметной областью исследования стала сфера регулирования трудовых отношений, юридически оформляемая трудовым арбитражным законодательством. В аграрной политике главной предметной областью исследования стала сфера отношений собственности, владения, распоряжения, пользования землей, закрепляемая соответствующим аграрным законодательством» [1, с. 13-14]. Разумеется, из содержания предмета исследования вытекала необходимость фундаментальной подготовки автора в ряде

областей (история, политология, социология, экономика, право). Автор монографии продемонстрировала именно такую подготовку.

Заслуживает самой высокой оценки то обстоятельство, что учёный формулирует цель и задачи исследования с учётом реального положения в историографии настоящей проблемы, стремясь максимально глубоко освоить новые проблемные поля. Ознакомление с текстом книги свидетельствует о том, что это стремление было доведено до логического конца.

Главная научная заслуга Л.Н. Семёновой заключается в выявлении содержания политики социального реформизма и сравнительной реконструкции её рабочей и аграрной составляющих в трех британских доминионах – Канаде, Австралии, Новой Зеландии в последней трети XIX – начале XX в.

Впервые в исторической науке выяснены сущность, роль, значение государственного сектора в экономике доминионов и его соотношение с социальной деятельностью государства. Л.Н. Семёнова убедительно доказала, что «государственный сектор стал надёжным экономическим основанием для социальных реформ в доминионах» [1, с. 387].

Проведено пионерское рассмотрение эволюции классовых и трудовых отношений в Австралии под влиянием местного и федерального трудового арбитражного законодательства. В рамках этого рассмотрения особую ценность представляет всестороннее проследивание роли Генри Хиггинса в формулировании доктрины минимальной заработной платы, наполнении её реальным содержанием в австралийских условиях. Приведенные в монографии факты свидетельствуют о том, что «создаваемая (в конце XIX – начале XX в. – М.С.) ... система трудового арбитража, которой и посвятил свою жизнь Генри Хиггинс, становилась важнейшим государственным механизмом не только для урегулирования трудовых конфликтов, но и для более широких целей, способствуя улучшению трудовых отношений, эффективной организации производства, развитию трехстороннего сотрудничества государства, бизнеса, профсоюзов, экономической и социальной демократии» [1, с. 219].

Представлено системное исследование арбитражного закона Новой Зеландии и его воздействия на социальный климат и коллективно-договорные отношения в стране и за рубежом. Не будет преувеличением сказать, что Л.Н. Семёнова открыла для постсовет-

ского читателя имя автора закона Уильяма Пембера Ривса. Она справедливо отмечает, что «в Новой Зеландии впервые в мире была принята... общенациональная государственная система трудового арбитража (1894)», что этот «пример прежде всего иллюстрирует... первенство Новой Зеландии в мире в качестве «социально-политической лаборатории» [1, с. 221].

Сформулировано оригинальное видение провинциальных и федеральных арбитражных законов Канады и их воздействия на трудовые отношения, профсоюзную активность, рабочее движение, политику правящих кругов. По-новому трактуется роль многолетнего главы исполнительной власти У.Л. Макензи Кинга в разработке и принятии соответствующих нормативно-правовых актов. В работе показано, что этот деятель продемонстрировал в данном вопросе «мудрую профессиональную интуицию» [1, с. 261]. Судя по тексту книги, его вполне можно считать образцом принятия взвешенных решений при проявлении истинного демократизма, высокой политической культуры. У.Л. Макензи Кинг «много и мучительно размышлял, читал, склоняясь лишь к определённой точке зрения, которая со временем может измениться, а не к готовым рецептам на века» [1, с. 261]. Автор монографии также совершенно справедливо отмечает, что в процессе обсуждения указанных законов «канадские тред-юнионисты ... долго колебались между своей верой в государство и позицией АФТ, больше надевавшейся на собственные силы» [1, с. 263].

Выявлено и исследовано магистральное направление аграрной политики Канады, связанное с фермерской колонизацией Запада. Факты, содержащиеся в соответствующей главе монографии, дают основание для вывода о том, что «в целом в начале XX в. заселение «последнего, лучшего Запада» состоялось» [1, с. 327], что «его фермерская колонизация ... привела к динамичному росту аграрного предпринимательства, ставшего важной частью успешно развивающейся аграрно-индустриальной экономики» [1, с. 330].

Исчерпывающе освещена реализация земельного законодательства австралийских колоний, направленного на перераспределение земли. Л.Н. Семёнова верно определила исходный пункт в исследовании данного вопроса: «И австралийские власти, и рядовые колонисты понимали, что при всей неосвоенности континента, в силу его природных особенностей, свободной земли для сельского

хозяйства, так, как в США и Канаде, у них нет» [1, с. 330]. Учёный чётко уловила логику их мышления: «Никаким переселением на запад решить свой земельный вопрос они не смогут. Единственное средство – решать его другими, более радикальными средствами, меняя ту практику, которая уже сложилась». Она показывает, что «среди известных радикальных моделей, например, национализация земли, введение прогрессивных налогов на латифундии, в Австралии, в конечном счёте, была реализована весьма умеренная модель, основанная на перераспределении земли» [1, с. 330], что «этому способствовали огромные масштабы земельных владений, сосредоточенных у скваттеров и используемых в основном в виде пастбищ, то есть, практически необрабатываемых» [1, с. 330–331].

Раскрыта сущность аграрной политики правительства экспериментаторов Новой Зеландии. При этом весьма удачно проведено её сравнение с аналогичным направлением внутренней политики правящих кругов Австралии. Автор отмечает, что «в Новой Зеландии была апробирована более радикальная по сравнению с селекцией модель решения аграрного вопроса – ограничение крупного землевладения» [1, с. 394]. Очень высокая степень научной новизны прослеживается при анализе базового закона этой модели – закона 1892 г. Исследователь показывает, что «в соответствии с законом была произведена классификация земельных угодий, были установлены нормы приобретения сельскохозяйственных угодий в собственность и пользование и определены механизмы отчуждения землевладений, превышающих установленные размеры». Проведено пионерское исследование деятельности «особого суда по вопросам отчуждения землевладений, который должен был решать все конфликтные ситуации, возникшие в этой сфере» [1, с. 394]. Автор правильно подмечает, что «он функционировал по образцу и подобию трудового арбитража». В монографии убедительно доказано, что указанный «закон стимулировал развитие мелкого землевладения» [1, с. 394]. Рецензент полностью согласен с автором в том, что «в русскоязычной историографии представленное исследование является первым» [1, с. 12].

Перечисленные позиции дают все основания считать эту книгу законченной работой, решающей крупную научную проблему.

Вместе с тем, было бы неправильным утверждать, что в книге Л.Н. Семёновой полностью исчерпаны все сюжетные линии, свя-

занные с предметом исследования, что ознакомление с её содержательной частью не даёт оснований для каких-либо замечаний. Основные недочёты настоящего труда таковы.

Во-первых, нет специального разбора логической структуры понятия «социальный реформизм», не показано его соотношение со следующими понятиями: «социал-реформизм», «социал-демократический реформизм», «буржуазный реформизм».

Во-вторых, обязательно следовало указать, что в то время, которое совпадает с хронологическими рамками исследования, в политическом лексиконе отсутствовало понятие «социальное государство». Понятие «социальное государство» было впервые употреблено в Основном законе Федеративной Республики Германии, принятом в 1949 г.

В-третьих, работе не хватает детального сравнения социальных реалий Канады, Австралии, Новой Зеландии, с одной стороны, и остальных британских доминионов (Южно-Африканский Союз, Ирландия, Ньюфаундленд), с другой.

В-четвёртых, учёный упоминает Российское общество изучения Канады (РОИК). Однако в книге нет ни одной ссылки на издаваемые РОИК «Канадский ежегодник», «Вестник РОИК».

В-пятых, ряд сюжетов, относящихся к предмету исследования, в той или иной степени нашёл отражение в вышедшем в 1990 г. под редакцией В.П. Олтаржевского в издательстве Иркутского государственного университета сборнике «Проблемы истории Австралии и Океании». Судя по содержанию работы, учёный из Минска не учитывала этот сборник в исследовательском процессе.

Конечно, недочёты можно найти в любой научной работе и, как видим, настоящая книга не является исключением. Справедливости ради следует отметить, что наличие указанных недочётов никак не влияет на вывод рецензента о весьма значительной степени новизны результатов, полученных в монографии.

Весьма высокая степень обоснованности выводов, сформулированных в книге, predetermined, прежде всего, опорой на обширную источниковедческую базу. Автор работы использовала конституции доминионов, законодательные акты, принимаемые правительствами доминионов в рамках политики социального реформизма, официальные отчёты о парламентских дебатах, материалы королевских комиссий, публикации органов исполнительной

власти, материалы статистики, профсоюзные издания, сочинения, воспоминания, дневники деятелей международного рабочего движения. Рецензент выявил немало источников, впервые вводимых в научный оборот. Многие ранее известные научному сообществу источники получили принципиально новую трактовку со стороны Л.Н. Семёновой.

Из 433 использованных источников – 250, то есть 57,7 % на английском языке. Переводы с английского языка на русский выполнены на высоком уровне. Этот момент источниковедческой базы чрезвычайно важен для той части русскоязычного научного сообщества, которая не владеет этим языком и одновременно испытывает потребность в прочных знаниях о социальном реформизме в Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Такое превалирование англоязычных источников ещё более усиливает мнение рецензента насчёт достоверности выводов учёного из Минска.

Обширный источниковый базис использовался в органической увязке с принципами объективности, историзма, системности, ценностного подхода, со следующими методами: неoinституционализм, структурно-функциональный анализ, сравнительный метод.

Значимость настоящего труда прослеживается по многим позициям. Во-первых, автор чётко обозначила важные проблемы, над которыми ещё предстоит работать научному сообществу.

Во-вторых, на базе данной книги вполне можно разработать одноименный спецкурс для студентов исторических факультетов высших учебных заведений, обновить содержание части лекций, читаемых профессорско-преподавательским корпусом для этой категории студентов; организовать подготовку ими докладов, рефератов и сообщений для семинарских занятий.

В-третьих, ряд выводов и оценок, содержащихся в книге, даёт основание для внесения корректив в разделы учебных пособий по новой истории, посвящённые британским доминионам.

В-четвёртых, работа Л.Н. Семёновой по самым высоким меркам подходит для нужд самообразования для лиц, вовлечённых в политику, по совершенствованию современных норм трудового и аграрного права, социальных стандартов уровня жизни.

В-пятых, книга, несомненно, способствует обогащению представлений о социальных лидерах индустриальной цивилизации, без

адекватного понимания которых не может обойтись ни один исследователь социальных процессов в новое время.

В-шестых, настоящий труд заинтересует практических работников, задействованных на канадском, австралийском, новозеландском направлениях внешней политики своих стран.

Использованная литература

1. Семенова, Л. Социальный реформизм в британских доминионах на рубеже XIX – XX вв. (Канада, Австралия, Новая Зеландия) / Л. Семенова. – LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 419 с.

К ВОПРОСУ О СРОКАХ И ХАРАКТЕРЕ БЕЛОРУСИЗАЦИИ В БССР В 1920–1930-е гг.

Хромченко Д.Н., кандидат исторических наук, доцент

Одним из значимых явлений в истории белорусской государственности, неоднозначно оцениваемым историками, является политика белорусизации, проводимая в первой половине XX в. Начала она осуществляться с первых лет установления советской власти в Беларуси и заключалась, прежде всего, в расширении сети учебных заведений, главным образом, белорусскоязычных, создании первых национальных высших учебных заведений и научных центров. Концептуальный, общегосударственный характер эта политика приобрела с 1924 г., после второй сессии ЦИК БССР, которая 15 июля 1924 г. приняла постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики». Как отмечено в 5-м томе фундаментального издания «Гісторыя Беларусі», «у шырокім сэнсе палітыка беларусізацыі разумелася: перавод школ, вышэйшых і сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў на беларускую мову, развіццё беларускай літаратуры, выданне беларускіх кніг, навукова-даследчая праца па вывучэнні Беларусі, выдзяленне беларусаў на партыйную, савецкую, прафсаюзную, грамадскую работу, перавод службовага справаводства на беларускую мову» [1, с. 217]. При этом учитывались и интересы национальных меньшинств. Таким образом, суть политики белорусизации достаточно ясна. Менее понятны мотивы и движущие силы, повлиявшие на решения властей о поддержке и развитии этой политики, и, возможно, соответственно скрытая в глубине истинная

суть этой политики. Отсюда различные оценки и подходы к изложению ее содержания, существующие среди историков.

Мнения о мотивах и факторах, способствовавших развертыванию политики белорусизации, охватывают достаточно широкий диапазон. Существует точка зрения о том, что власти поддержали процесс национально-культурного возрождения совершенно бескорыстно, исходя из принципа построения СССР как многонационального государства, обеспечивающего свободное развитие наций и народностей, не препятствующего национально-государственному строительству каждой из входящих в него республик. Вместе с тем, ряд авторов публикаций на эту тему ищут в мотивах более спекулятивный смысл: привлечение на свою сторону крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения Беларуси; использование этой политики в пропагандистских целях, рассчитанных на воздействие в нужном направлении на белорусов в западных регионах, находящихся под властью Польши и испытывавших социальное и национальное угнетение и т.д. Мотивы поддержки или, наоборот, отрицательного отношения к этой политике тех или иных политических сил, интеллигенции, властей соприкасаются с определением глубинного содержания политики белорусизации. Здесь также нет единого мнения: оценки колеблются от осмысления политики белорусизации как процесса, находящегося в сфере сугубо культурно-национального возрождения до определения ее как движения, использовавшегося определенными силами в политических целях, для отделения Беларуси от других республик СССР и реставрации буржуазного строя. Последняя оценка стала преобладающей среди руководства СССР после аналогичного заключения Центральной контрольной комиссии ВКП(б) под руководством В. Затонского, изучавшей в 1929 г. вопрос о проведении национальной работы в БССР. Следствием этого стала развернувшаяся кампания против «национал-демократов» или «правоуклонистов», при этом подобные термины трактовались, прежде всего, не в культурном, а в политическом аспекте, как «контрреволюционное течение», направленное против «диктатуры пролетариата», ставящее целью восстановление «буржуазного строя». Апогеем этой кампании стало дело «Союза освобождения Беларуси». Сейчас сложно дать оценку реальности этого союза, тем более, что, во-первых, как отмечено в соответствующей статье «Энциклапедыі

гісторыі Беларусі», главными среди материалов дела составляют «собственные показания арестованных, которые в отдельных случаях составляют сотни страниц машинописных копий» [2], во-вторых, на наш взгляд, отдельные из главных обвиняемых, например, Д.Ф. Прищепов, скорее, был осужден не как «национал-демократ», а за свои прошлые действия, когда в 1918 г., во время эсеровского выступления, будучи командиром 2-го Смоленского полка, он поднял этот полк на восстание против Советской власти в г. Сенно и участвовал в боях против отряда красноармейцев, направленных на подавление этого восстания.

Не вдаваясь в анализ различных оценок сути политики белорусизации, следует отметить следующее: все исследователи, да и политические и культурные деятели прошлых лет, едины во мнении о том, что она сыграла положительную роль в культурно-национальном возрождении белорусского этноса. Второй тезис, которого также придерживаются практически все исследователи, заключается в том, что с конца 1920-х гг. политика белорусизации начала свертываться. В 5-м томе «Гісторыі Беларусі» отдельный подраздел так и называется: «Адыход ад беларусізацыі». Свой вывод автор статьи Н.В. Василевская, в основном, аргументировала тем, что во время реформы белорусского языка в 1933 г. он был значительно приближен к русскому и, главное, что «вызначылася тэндэнцыя да змяншэння ўдзельнай вагі беларускіх школ у складзе агульнаадукацыйных навучальных устаноў». Частично соглашаясь с исследователем по поводу приближения белорусского языка к русскому, все же следует отметить, что при проведении реформы было устранено и немало полонизмов и даже несуразиц, которыми был засорен белорусский язык, например: “тормоз – таркач”, “говорить – зюкаць, прастарэкаць”, “танк – паўзун, “пропасть – разяўленае прывалле” и т.д.

В отношении же удельного веса белорусских школ в системе образования республики исследователь подтвердила свой тезис тем, что в 1938/1939 учебном году белорусскоязычные школы составляли 93,4%, а в 1939/1940 гг. их число уменьшилось до 88% [1, с. 303]. На наш взгляд, такой удельный вес белорусскоязычных школ скорее свидетельствует об обратном. Вызывает сомнение следующая цифра – 88%. Согласно официальной статистики, в 1939-1940 учебном году в Беларуси (без учета западных областей)

насчитывалось 7195 школ, из них белорусскоязычных 6787 или 94,3% [3, с. 11].

Общая же тенденция развития школ с преподаванием на белорусском языке в Беларуси в годы беларусизации и в последующий период прослеживается на основании следующей таблицы [4, с. 11, 41, 106, 109, 235].

Школы с белорусским языком преподавания (табл. 1)

Годы	Всего школ	В т.ч. белор.(%)
1924-1925 уч. год	3709	92,8
1925-1926 уч. год	3993	92,9
1926-1927 уч. год	4387	85,2
1927-1928 уч. год	5471	90,3
1928-1929 уч. год	5686	90,2
1930-1931 уч. год	6113	90,4
1931-1932 уч. год	6833	91,0
1932-1933 уч. год	6962	89,6
1933-1934 уч. год	7128	90,0
1934-1935 уч. год	7042	–
1935-1936 уч. год	6931	–
1936-1937 уч. год	6880	–
1937-1938 уч. год	7015	–
1938-1939 уч. год	7108	93,4
1939-1940 уч. год	7195	94,3
1940-1941 уч. год	11844	89,1

Из таблицы следует, что на протяжении всех послевоенных лет уровень беларусизации в школах не снижался. Она не свертывалась, а в определенном смысле даже усиливалась.

Если в 1924-1929 гг., кроме белорусских, существовали также и школы с языком обучения национальных меньшинств, то в 1930-е гг. в ряде случаев школы национальных меньшинств стали переводиться на белорусскую форму обучения. В итоге, к началу 1940-х гг. в республике фактически остались школы только с двумя языками обучения, белорусским и русским, при этом удельный вес белорусскоязычных школ увеличился по сравнению с 1924–1929 гг., временем наиболее активной государственной национальной поли-

тики. В западных областях Беларуси, воссоединенных с БССР, положение было аналогичным, несмотря на то, что значительную часть населения здесь составляли поляки. 1 декабря 1939 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «О мероприятиях по организации народного просвещения в западных областях БССР», согласно которому все школы объявлялись государственными, вводилось всеобщее бесплатное обязательное образование. «Основная масса школ в западных областях БССР должна быть белорусской. – подчеркнуто в постановлении. – Переход на белорусские школы не затягивать, однако осуществлять его постепенно, по мере снабжения школ учебниками и квалифицированными преподавателями белорусами» [5, с. 303, л. 79–81]. В итоге, к 1940–1941 учебному году в этом регионе из 5633 действовавших и вновь открытых школ 4268 или 75,6% от их общего числа вели преподавание на белорусском языке [6, с. 39].

Цифры, приведенные в таблице, позволяют также признать несостоятельным существующее среди части историков мнение о том, что политика белорусизации проводилась с целью заигрывания с крестьянством, привлечения основной массы населения на свою сторону. Именно в 1930-е гг., по сравнению с предыдущим периодом, советская власть уже настолько окрепла, приобрела формы командно-административного управления, а, с другой стороны, оппозиционные движения настолько подавлены, что заигрывание с крестьянством совершенно теряло смысл.

В статистических сборниках, архивных документах отсутствуют сводные данные об удельном весе белорусских школ в системе образования БССР в 1935–1938 гг. Они не были опубликованы в статистических сборниках того времени, не отражены в архивных документах, однако косвенные данные позволяют сделать вывод, что в названные годы проблеме преподавания на родном языке уделялось не меньшее внимание. Например, в отчетах Могилевского районного отдела народного образования за 1936–1937 и 1937–1938 учебные годы отмечалось, что во всех 111 начальных и семилетних школах Могилевского района преподавание велось на белорусском языке [7, лл. 1–111]. Безусловно, при наличии единой системы образования в республике Могилевский район не мог быть каким-то исключением.

Характерно постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 19 февраля 1936 г. “О работе по обучению малограмотных и неграмотных”. Согласно учебным планам, утвержденным этим постановлением, из 330 учебных часов, отведенных на обучение неграмотных, 130 часов занимало преподавание арифметики и 200 часов – белорусского языка. В постановлении обращено внимание на издание учебников на белорусском языке [8, с. 243, л. 27].

О характере преподавания в школах косвенно можно судить и по снабжению их учебно-методической литературой. В 1935 г. из 109 наименований учебников тиражом 4 млн. 57 тыс. экземпляров, изданных в республике, 78 учебников тиражом 3 млн. 940 тыс. были изданы на белорусском языке, при этом тираж белорусскоязычных изданий составил 97 % [9, с. 54].

Перевод учреждений образования на родной язык обучения является, безусловно, одним из ключевых аспектов культурно-национального возрождения, но не единственным. Динамику развития белорусской литературы можно проследить по таблице, отражающей издание книг на белорусском языке [10, с. 18, 48, 111, 112, 229].

Книжная продукция на белорусском языке издания (табл. 2)

Показатели	1925 г.	1929 г.	1932 г.	1938 г.	1940 г.
Кол-во наименований	362	771	152	801	772
В т.ч. на белорусском языке	169	559	130	460	375
Удельный вес бел.книг (%)	46,7	72,5	85,5	57,4	48,6
Тираж (т. экз.)	2183	4346	9754	14674	10400
В т.ч. белорусских книг	1460	3834	8926	12319	7750
Удельный вес бел.тиража (%)	66,9	88,2	91,5	84,0	74,5
Печат. л.(т.экз.)	873	20482	57300	–	63000
В т.ч. на белорусском языке	686	17629	51216	–	50000
Удельный вес бел.печ. листов (%)	78,6	86,11	89,38		79,4

Приведенные данные показывают, что на протяжении всех предвоенных лет в печатной продукции преимущество сохранялось за белорусскоязычной литературой. При этом следует отметить, что наиболее благоприятными в этом отношении годами были 1930–1932 гг., когда увеличились и количество наименований изданной белорусской литературы, и тиражи, и общие объемы печатной продукции в условных листах, а ее удельный вес к общему количеству изданной литературы составлял около 90%. Между тем, это были годы развертывания кампании против «национал-демократов», время, когда шел процесс разоблачения «Союза освобождения Беларуси». К 1940 г. соотношение численности наименований книг на белорусском языке ко всей изданной литературе несколько снизилось по сравнению с 1932 г., но осталось на уровне 1925–1929 гг., рост составил 15%. Однако следует учитывать, что тиражи изданий, особенно на белорусском языке, увеличились в шестикратном размере. В 1937–1939 гг. Госкомиздатом БССР была издана художественная литература общим тиражом 1 млн. 837,5 тысяч экземпляров, в том числе на белорусском языке 1 млн. 234 тыс. экземпляров или 67,2%. В 1940 г. средний тираж книги составлял 13,4 тыс. экземпляров, в то время, как книги на белорусском языке – 20,7 тыс. экземпляров [11, с. 15] Такое соотношение в 1940 г. не было исключительным. Тиражи изданий книг на белорусском языке оставались стабильно высокими на протяжении всего периода с 1930 по 1940 гг. и составляли в среднем около 80% к общим тиражам книг, выпущенных за это время издательствами республики.

Аналогичное положение наблюдается и с выпуском газет, журналов [12, с. 109, 111, 229, 230].

Издание газет на белорусском языке (табл. 3)

Показатели	1925 г.	1929 г.	1932 г.	1938 г.	1940 г.
Всего газет	40	37	89	199	252
В т.ч. на белорусском языке	16	30	82	149	178
Удельный вес бел. газет (%)	40	81,1	92,1	74,9	70,6
Разовый тираж (тыс. экзempl.)	–	177	562	976	1115
В т.ч. на бел. яз.	–	144	411	789	825

Удельн. вес бел. разового тиража		81,4 %	73,1 %	80,8 %	74 %
----------------------------------	--	--------	--------	--------	------

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что в 1930-е гг., по сравнению с 1920-ми гг., количество газет на белорусском языке, значительно увеличилось и их удельный вес в среднем составил 79% к общему объему выпускаемых газет и в 2 раза увеличился по сравнению с 1925 г. Разовый тираж белорусских газет составил 70-80% к общему разовому тиражу. В 1939 г. все районные газеты выходили на белорусском языке.

Динамика выпуска журналов на белорусском языке выглядит следующим образом [13, с. 111, 243].

Издание журналов на белорусском языке (табл. 4)

Показатели	1922 г.	1927 г.	1932 г.	1940 г.
Всего журналов	20	43	30	27
В т.ч. на белорусском языке	4	22	27	9

С одной стороны, к концу 1930-х гг. наблюдается уменьшение количества выпускаемых журналов по сравнению с 1927 г., когда политика белорусизации проводилась наиболее активно. Но, с другой стороны, и это важно, при уменьшении числа наименований общий тираж журналов, выпускаемых на белорусском языке, к концу 1930-х гг. резко возрос и составил в 1940 г. 1 млн. 36 тыс. экземпляров. Примечательно, что практически все журналы в это время выходили на белорусском языке: тираж белорусскоязычных журналов в 1940 г. составил 94,2% к общему тиражу [14. с. 229–230].

Следует отметить, что и по другим аспектам культурного строительства белорусский фактор в конце 1930-х гг. продолжал занимать доминирующее положение. Если в 1932 г в Беларуси действовали 12 театров, из них 7 или 58% ставили спектакли на белорусском языке, то в 1940 г. количество театров увеличилось до 17, в том числе 10 или 58,8% были белорусскоязычными [15, с. 15, 49]. Другими словами, при общем увеличении учреждений культуры удельный вес белорусских театров не снижался. Примерно такое же положение прослеживается и в развитии культурпросветработы на

местах: большинство изб-читален, домов соцкультуры, клубов в конце 1930-х гг. вели свою работу на белорусском языке.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно проследить динамику развития белорусизации по всем ее аспектам, но даже анализ отдельных, причем наиболее важных, ключевых направлений этой политики позволяет сделать вывод о том, что, на наш взгляд, утверждение о том, что белорусизация проводилась в 1924–1929 гг., после чего начала свертываться, несостоятельно. Более правильным, вероятно, будет вывод не о свертывании белорусизации как таковой, а о свертывании кампании в связи с ее проведением. В 1930-е гг., вплоть до начала Великой Отечественной войны, как свидетельствуют данные приведенных выше таблиц, проведение белорусизации продолжалось, но уже без «штурмовщины», планомерно, в рамках именно культурно-национальной работы. Произошло своего рода отмежевание от политизированности процесса, который имел место в 1920-е гг. Тогда, по мнению властей, национально-культурное возрождение белорусской нации осуществлялось двумя параллельными путями: государственной политикой белорусизации, направленной на развитие национального самосознания белорусов, и политикой определенных политических деятелей и движений, стремящихся, используя национальный фактор, достичь своих определенных политических целей. На первом этапе белорусизации в ряде аспектов, прежде всего, в культурной, образовательной сферах, действия властей и политической оппозиции соприкасались. В начале 1930 г., когда действия оппозиции приобрели, как считали власти, радикальный характер, последние расправились с ней. Не вдаваясь в анализ действительной или мифологической сущности «Союза освобождения Беларуси», следует отметить следующее: власти, придя к заключению, что политические силы и деятели, якобы причастные к этой организации, ведут антигосударственную деятельность, ведущую к отрыву БССР от других республик СССР и к «реставрации буржуазного строя», изолировали их, одновременно отмежевав, таким образом, от проведения культурно-национальной работы. Сама же политика белорусизации продолжалась, теперь уже в рамках сугубо культурно-национальной сферы. Если вернуться к определению основных ее направлений, данному в начале статьи, то станет очевидным на основе приведенного выше анализа, что практически все они в 1930-е гг., вплоть до

1941 г., продолжали реализовываться с той же интенсивностью, что и в 1924–1929 гг., временем, которое, по распространенному мнению, ограничивает рамки процесса белорусизации. Более того, в 1930–1933 гг. даже наблюдается активизация по сравнению с 1920-ми гг. работы по белорусизации. Не исключено, что власти хотели этим самым во время развертывания процесса по делу «Союза освобождения Беларуси» наглядно продемонстрировать, что именно они, а не члены союза, являются действительными защитниками национальных интересов белорусов.

Использованная литература

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк(гал. рэд.) [і інш.].– Мінск: Экаперспектыва, 2000–2010.– Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг./ А. Вабішчэвіч [і інш.].– 2009.– 613 с.

2. Міхнюк У. Саюз вызвалення Беларусі / У. Міхнюк // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – с. 250.

3. Культурное строительство в БССР. – Минск: изд. УНХУ БССР, 1940. – 111 с.

4. Культурное строительство в БССР. – Минск: изд. УНХУ БССР, 1940. – 111 с.; Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР к началу Великой Отечественной войны. – Минск: изд. СНК БССР, 1943. – 229 с.; БССР. Эканамічна-статыстычны даведнік. – Менск, дзяржвыд. БССР, 1933. – 141 с.; Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Ч. 1. Белорусизация. – Минск: изд. центр. нац. комиссариата ЦИК БССР, 1927. – 145 с.; Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).– Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 1690, л. 235.

5. Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. – Минск: “Народная асвета”, 1980 – 383 с.; НАРБ.– Ф. 4.– Оп. 3.– Д. 850.

6. Сафонова О.В. Великий Октябрь и культурное строительство в БССР / О.В. Сафонова. – Минск: “Наука и техника”, 1981. – 88 с.

7. Отчеты о состоянии народного образования в Могилевском районе Могилевской области // НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 2134.

8. Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. – Минск: “Народная асвета”, 1980 – 383 с.; НАРБ.– Ф. 4. – Оп. 3.– Д. 319.

9. Першы Усебеларускі з’езд настаўнікаў–ударнікаў.– Мінск: Дзяржвыдавецтва БССР, 1936.– 87 с.

10. Культурное строітельство в БССР. – Минск: изд. УНХУ БССР, 1940. – 111 с.; Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР к началу Великой Отечественной войны. – Минск: изд. СНК БССР, 1943. – 229 с.; БССР. Эканамічна-статыстычны даведнік. – Менск: дзяржвыд.БССР, 1933. – 141 с.; Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР. Статистический сборник. – Минск: “Беларусь”, 1981. – 229 с.; Культурное строітельство в Белорусской ССР. Статистический сборник. – Минск: “Беларусь”, 1965. – 347 с.

11. Культурное строітельство в Белорусской ССР. Статистический сборник. – Минск: “Беларусь”, 1965. – 347 с.

12. Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР. Статистический сборник. – Минск, 1881. – 243 с.; Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР к началу Великой Отечественной войны. – Минск: изд. СНК БССР, 1943. – 229 с.; БССР. Эканамічна-статыстычны даведнік. – Менск: дзяржвыд. БССР, 1933. – 141 с.; Культурное строітельство в БССР. – Минск: изд. УНХУ БССР, 1940. – 111 с.

13. Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР. Статистический сборник. – Минск, 1881. – 243 с.; БССР. Эканамічна-статыстычны даведнік. – Менск: дзяржвыд.БССР, 1933. – 141 с.

14. Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР. Статистический сборник. – Минск, 1881. – 243 с.

15. Культурное строітельство в БССР. – Минск: изд. УНХУ БССР, 1940. – 111 с.; Вынікі першай пяцігодкі БССР. – Менск: Дзяржвыдавецтва Беларусі, 1934. – 72 с.

БЕЛУРУССКАЯ ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 гг.)

Щавлинский Н.Б., кандидат исторических наук, доцент

Первая мировая война создала тяжелые условия для развития белорусской национальной культуры. С 18 июля 1915 г. белорусские губернии оказались на военном положении. Согласно официальным

постановлениям государства, все лица, в том числе и гражданское население, подлежали «военному суду и наказанию по законам военного времени, вплоть до смертной казни: 1) за бунт против верховной власти, 2) за умышленный поджог...» и т.д. [1, л. 59]. Соборания, шествия, манифестации, продажа газет и книг могли осуществляться только с разрешения военных властей.

В этих сложившихся обстоятельствах большую роль в формировании национального самосознания играла пресса. В первую очередь это касается газеты «Наша Ніва», которая явилась центром подготовки белорусского национального возрождения, распространения его идей на крестьянские, рабочие и солдатские массы в 1914-1915 гг. Вокруг газеты сгруппировалось значительное число талантливых писателей, общественно-политических и культурных деятелей, национальных идеологов, публицистов. Среди них были Я. Купала, Я. Колас, Тетка, М. Богданович, Ш. Ядвигин, А. Гарун, Т. Гартный, З. Бядуля, М. Горецкий, братья А. и И. Луцкевичи, А. Власов, В. Ластовский, И. Буйницкий, А. Смолич, Б. Тарашкевич, И. Лёсик, Ф. Шантырь, Л. Сивицкая, И. Дроздович, Л. Гмырак, Е. Хлебцевич, К. Каганец, К. Буйло, А. Бульба, Я. Журба и многие другие.

Продолжая традиции Белорусской Социалистической Громады, «Наша Ніва» ориентировалась преимущественно на сельского читателя и национальную интеллигенцию. В период, когда редактором работал Янка Купала (1914–1915 гг.), газета стала больше внимания уделять общественно-социальным проблемам. Было заявлено, что с национальным движением тесно связаны такие вопросы, как «крестьянский» и «рабочий». Кроме того, значительное место на страницах газеты отводилось военной тематике.

В августе 1914 г. «Наша Ніва» опубликовала стихотворение А. Гаруна «Праводзіны», в котором утверждалось, что война для народа является проклятием. Таким же духом были пропитаны стихотворения Янки Купалы «Варожбы» и «1914-ты», а также другие многочисленные статьи в газете.

Находясь на твердых антивоенных позициях, «Наша Ніва» выразила свое отношение к войне следующим образом: «Прынесла вайна мало чаго весёлага, хіба толькі тое, што людзі добра ёй заглянулі ў вочы і добра позналі, што гэта такое агульначалавечае нешчасце, якое каб не варочалася ніколі» [2, с. 1].

В статье «Чвэрць года вайны» Янка Купала писал: «Сто дзён кладуцца покатам без часу тысячы нябожчыкаў ды з дымам пажараў ідуць сялібы і ў поце запрацаванае дабро людское. Шал нейкі апанаваў усю Еўропу. Узварушаны мір – спакой здрадзіў ёй. Людзі захлёбваюцца ў сваёй жа свенцонай крыві і гінуць у вогнішчах, сваімі рукамі распалёных» [3, с. 1].

Тем временем на «Нашу Ніву» усиливается цензурное давление. В январе 1915 г. за антивоенную статью «Думкі» Янку Купалу как редактора привлекают к судебной ответственности. Кроме того, приближение российско-германского фронта, мобилизация на военную службу большей части сотрудников газеты сыграли незавидную роль в судьбе «Нашай Нівы»: 7 августа 1915 г. вышел в свет последний 37-й ее номер.

Вместе с тем, «Наша Ніва» оказала значительное влияние на развитие в то время белорусской периодики и литературы. При непосредственном участии сотрудников в начале войны издавались «Беларускі каляндар», журналы «Лучынка» и «Саха».

Журнал «Лучынка», предназначенный для детей и юношества, издавался до октября 1914 г. Разрешение у минского губернатора на его редактирование получил Алесь Власов, однако фактическим руководителем издания являлась Тетка. Всего вышло шесть номеров «Лучынкi», однако этот журнал оставил значительный след в истории литературы, поскольку на его страницах пропагандировалась идея просвещения на родном языке, самообразования, духовного и национально-патриотического воспитания детей и юношества. На страницах журнала печатались произведения Я. Купалы (стихотворения «Моладзі», «Страшны вір», «Вясна», «Запела вясна сваю песню»), Я. Коласа (стихотворение «Наша гуменца», рассказы «Малады дубок», «Казкі жыцця»), З. Бедули (рассказ «Буслы»), стихотворения, рассказы и драматические миниатюры А. Павловича, Я. Журбы, К. Буйло, Т. Гартного, Ш. Ядвигина., В. Ливицкой и других писателей и публицистов.

Кроме «Лучынкi», в начальный период войны в Минске издавался журнал под названием «Саха». На его страницах печатались популярные статьи по садоводству, пчеловодству, агрономические советы и др. Журнал планировал выпуск научно-популярной литературы, но в январе 1915 г. вышел последний, 27-й номер «Сахі», приостановилось и издание брошюр на сельскохозяйственные темы.

Несмотря на то, что журнал никогда не выходил за границы своего профиля, он находился под особенной опекой цензуры и получил характеристику следующего содержания: «замечен оппозиционно-демократический дух и оттенок белорусского сепаратизма» [5, с. 235].

Наряду с этими изданиями в Вильно в первые два года войны продолжала выходить ежедневная общественно-политическая, литературно-художественная и религиозно-просветительская газета национально-демократического направления «Беларус». Газета ориентировалась преимущественно на католическую часть белорусской интеллигенции и крестьян, печаталась латинским шрифтом на белорусском языке. Редакторами-издателями газеты являлись А.И. Бычковский, а с 1914 г. Б.А. Пачопка.

В целом, для напечатанных в газете материалов был характерен «нашенивский» призыв белорусов к активному историческому творчеству, к их национальному единству. В газете «Беларус» печатались сочинения А. Гаруна, К. Свояка, А. Павловича, А. Зезюли, П. Простого, Г. Левчика, А. Бычковского, Л. Родевича, и других. В годы Первой мировой войны «Беларус» занимал умеренную «патриотическую» и «оборонительную» позиции, призывал оказывать помощь солдатским семьям [6, с. 345].

Таким образом, в начальный период войны газеты и журналы на белорусском языке продолжали издаваться. Приближение к территории Беларуси российско-германского фронта парализовало их деятельность: осенью 1914 г. приостановилось издание «Лучынкi», в январе 1915 г. «Сахі», 30 июня 1915 г. вышел последний номер газеты «Беларус», а в августе – последний номер «Нашай Нівы».

Неблагоприятные условия для развития национального возрожденческого движения повлияли и на белорусское книгоиздание. В тяжелом финансовом положении оказалось Петербургское издательское общество «Загляне сонца і ў наша ваконца», 1914 г. был последним годом издательской деятельности этого общества. Его руководитель Б. Эпимах-Шипило вынужден был отдавать всю свою заработную плату на существование общества, но этого было недостаточно. Финансовые проблемы заставили искать меценатов. Вскоре ими стали доктор Яремич, княжна Магдалена Радивил и др. [7, с. 119]. В результате издательство смогло выпустить в свет сборники Я. Купалы «Шляхам жыцця», Ф. Богушевского «Дудка

белорусская». Однако в связи с дальнейшими материальными трудностями, а также цензурными репрессиями (сборник Ф. Богушевича «Дудка белорусская» был арестован) общество вынуждено было в конце 1914 г. прекратить свою деятельность.

В начальный период войны книгоиздательской деятельностью занималось общество «Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні», созданное еще в 1913 г. Б. Даниловичем, И. Луцкевичем и К. Шпаковским на базе издательства «Наша Ніва». Общество находилось под идейным влиянием Белорусской Социалистической Громады и основной задачей своей деятельности считало духовное возрождение белорусского народа. В программном документе общества отмечалось, что оно «имеет целью издание и распространение книг, брошюр, плакатов, а также трудов, которые имеют отношение к Беларуси, на других языках» [8, л. 49-50]. Всего лишь за один 1914 г. общество выпустило в свет 13 книг общим тиражом 42 тыс. экземпляров. Такого большого количества белорусских книг, как по названию, так и по тиражу, не выдавало за год ни одно издательство.

Важно отметить, что большинство вышедших изданий достаточно объемные книги: «Родные з’явы» Я. Коласа (239 стр.), «Рунь» М. Горецкого (136 стр.), «Васількі» Ш. Ядвигина (120 стр.) и др. В том же 1914 г. вышла из печати «Вялікодная пісанка» – виленский вариант «Маладой Беларусі», литературный сборник, который содержал публицистические статьи «Беларускае нацыянальнае адраджэнне» А. Гмырика и «Развагі і думкі» М. Горецкого, которые заняли большую часть издания, а также художественные произведения Я. Коласа, К. Лейки. З. Бядули.

Несмотря на трудности того времени, «Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні» являлось единственным в Беларуси издательством, которое выплачивало своим авторам гонорары (например, Я. Колас получил 25 августа 1914 г. за сборник рассказов «Родные з’явы» 100 рублей) [5, с. 148]. В начале 1915 г. общество издало еще две книги: «Беларускі каляндар» на 1915 г. и сборник «Апавяданні і легенды вершам» тиражом 8 тыс. экземпляров. Однако в связи с приближением русско-германского фронта издательство летом 1915 г. вынуждено было прекратить свою деятельность.

Между тем, во время оккупации осенью 1915 г. германскими войсками Западной части Беларуси (Гродненская, большая часть

Виленской и часть Минской губерний) пресса и книгопечатание вновь получили в Вильно определенное развитие. С разрешения немецких оккупационных властей в Вильно в декабре 1916 г. по инициативе Белорусского народного комитета, созданного осенью 1915 г., было создано издательство, которое занималось выпуском школьных учебников. С 15 декабря 1916 г. под редакцией Вацлава Ластовского дважды в неделю стала выходить белорусская газета «Гоман». На ее страницах помещались распоряжения оккупационных властей, велась борьба с польским засильем, много места отводилось для литературных сочинений и историко-публицистических материалов. В газете печатались сочинения Ф. Богушевича, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, Тетки, М. Горецкого, З. Бядули, Т. Гартного, Я. Боршевского и др. Газета «Гоман» активно выступала за создание независимой Белорусской республики или же федеративного «Белорусско-Литовского краю». «Гасударства, як форма бытавання народу, – писала газета, – можа быць знішчана, разбіта, ды яно ў канцы канцоў адбудуецца занова: калі толькі сам народ захаваў у сябе іскру жыцця, творчую сілу!» [9, с. 2].

Считая, что наивысшей ценностью «свободного гражданина» является национальная независимость, газета «Гоман» эту идею стремилась донести до каждого белоруса: «Край, каторы жыў калісь самабытным, незалежным жыццём, каторы мае свой асаблівы ўклад жыцця, ўтвораны сталецямі, – гэта незвычайны шматок зямлі. Край наш – то жывы арганізм; ён мае свае асобыя патрэбы, мае адвечныя ідэалы шчаснага існавання, мае жаданні, якія тутэйшае грамадзянства, звязанае неразрывна з нашай зямлёй, выказвала ў даволі яркай форме як калісці, так і цяпер – у час вайны» [9, с. 1].

Наряду с развитием печати и книгоиздания в Вильно в тот период значительно активизировалось культурно – просветительское движение среди беженцев, основная часть которых осела в центральных губерниях России. Во многих российских городах – Петрограде, Саратове, Казани, Ярославле, Самаре и др. – начали создаваться белорусские беженские комитеты, которые занимались национально-культурной работой. Наиболее активной беженской организацией, основанной в Петрограде, было Белорусское общество по оказанию помощи потерпевшим от войны, которое попыталось объединить разбросанные по всей России беженские организации. С этой целью члены Белорусского общества в Петрограде Тишка

Гартный (Зм. Жилунович) и Э. Будько решили издавать на свои средства газеты «Дзянніцу» и «Светач» [10, с. 112]. Редактор-издатель «Дзянніцы» Тишка Гартный вспоминал об этом следующее: «В первом номере решили дать передовицу о судьбе Беларуси в связи с мировой войной, статью о болезненном в то время продуктово-товом вопросе, немного художественных произведений, хронику важнейших изданий и несколько корреспонденций» [10]. Первые два номера обеих газет вышли в свет 1 ноября 1916 г. Из-за цензурных требований в газете «Дзянніца» были напечатаны лишь две статьи: Акцюбы (Э. Будько) «Думкі да граматыкі» и З. Капылянина (Т. Гартного) «Аб беларускім універсітэце». В последней автор подводил черту под продолжительными спорами по поводу открытия в Беларуси университета: «Беларуси необходим университет – все равно, где бы его не основали: в Минске, Витебске или Могилеве. Он все равно должен быть для белорусов и называться Белорусским. Так, по-нашему, не надо тратить слов на споры, а необходимо все старания соединить в одно, чтобы скорее достучаться свечка страны».

Во втором номере газеты «Дзянніца» выделяется передовая статья, посвященная развитию белорусской национальной культуры и значению периодики и печати. В ней отмечалось: «Газета и книга на родном языке яснее всего другого могут свидетельствовать о культурном росте народа. Теперь мы видим, что ему нельзя обойтись без своей газеты, без печатного слова. Сама жизнь вынуждает к этому» [11, с. 16].

Цензурные репрессии против «Дзянніцы» были очень суровыми. Перед редактором встал вопрос: или приостановить издание газеты, или принять некоторые спасательные меры. Закрывать было нецелесообразно: несмотря на белые цензурные пятна, «Дзянніца» все же вышла в свет, ее получили многие беженцы – белорусы в разных уголках Российского государства, дошла она и до читателей прифронтового Минска. Кроме того, в редакцию начали отовсюду присылать предоплату и, вместе с тем, горячие пожелания. Кроме того, с ее помощью стали возобновляться очень необходимые связи между беженскими организациями и отдельными людьми. Так, Минский отдел «Белорусского общества помощи потерпевшим от войны» сообщал из Минска: «Минские белорусы, собравшись отметить 10-летие «Нашай Нівы», посылают вам свое поздравление и сер-

дечно желают усиления вашей полезной работы, а прежде всего, развития основанных недавно газет, после смерти «Нашей Нивы», поднявших... не знавшее побед, да не запятнанное знамя. Мы, как можем, поддержим вас. Желаем того, чтобы сильнейшими были связи между вами и минскими белорусами; и мы снова объединили бы свои разбитые силы и могли сообща направляться к общей нашей мечте» [12, с. 4].

Начиная с третьего номера, в «Дзянніце» более выразительно стал определяться профиль газеты, наметились постоянные разделы: передовицы, художественные произведения, статьи на актуальные темы, подборки материалов «С войны», «С Литвы», объявления и корреспонденции. Газета держала читателя в курсе тех событий, которые происходили не только в Петрограде, но и в Москве, Минске, Ярославле и других городах. Например, в статье «Из нашей жизни» говорилось о благотворительной работе Минского отдела Белорусского общества помощи потерпевшим от войны и национально-культурной работе «Беларускай хаткі». Белорусский историк В. Скалабан с помощью текстологического анализа установил, что эту статью написал М. Богданович, который подписался под псевдонимом М. Осьмак. Через некоторое время газета вновь обратилась к вопросу об открытии в Беларуси университета. В статье «Еще раз об университете» отмечалось: «В российских газетах промелькнуло известие, что российское правительство вынуждено отказаться еще раз от мысли подарить университет хотя бы одному из белорусских городов». Мотивировка отказа весьма «аргументированная»: Витебск и Могилев не могут иметь университет, ибо не являются центром Беларуси, а Минску «отказана милость иметь университет, что он находится близко к фронту войны» [14, с. 2].

В газете осуждалась политика немецких властей, которые поддерживали устремления польской и литовской буржуазии, направленные на захват белорусских земель. «Дзянніца» писала: «В Беларуси, политой кровью и потом нашего народа, они (поляки – Н.Щ.) умудряются и здесь нас обижать. В городах и местечках, и даже в селах Беларуси они позакладывали приюты для детей-учеников. Известно, что там белорусских детей обучают на польском языке, но не на белорусском». Автор статьи «Полонизация Беларуси» призывал белорусскую интеллигенцию к приложению всех своих сил, знаний и энергии на благо своего края и народа [15, с. 12].

Однако в скором времени против оживления белорусского национально-культурного движения выступили реакционные силы России. С молчаливого согласия государственных руководителей началось систематическое предъявление претензий к газете. Цензура запрещала печатать любые материалы, которые имели отношение к Беларуси, к белорусскому национальному возрождению. Задержка шестого номера «Дзянніцы» на 20 дней вынудила поставить вопрос о целесообразности дальнейшего издания газеты. В ожидании лучшего времени было принято решение приостановить издание «Дзянніцы». Известный белорусский литературовед С.Х. Александрович отмечал, что последний, седьмой номер сделан «...был умело, интересно и смело: терять уже было нечего, редакция сама подписала приговор газете и можно было, как говорят, стукнуть дверями» [5, с. 244]. Передовица посвящалась судьбе малых народов, их праву на самостоятельное государственное строительство. Автор подчеркивал, что «не может господствовать на земле между всеми людьми согласие и счастье, пока все народы мира не получат свободу на самом широком фундаменте» [16, с. 3].

Белорусская газета «Дзянніца», которая выходила на протяжении двух месяцев и оставила заметный след, в первую очередь, в самосознании белорусских беженских масс, вынуждена была приостановить свое издание 31 декабря 1916 г., поздравив читателей с наступающим 1917 г.

Примерно такая же судьба постигла и другую белорусскую газету – «Светач», первый номер которой вышел 1 ноября 1916 г. (редактор – издатель Э. Будько). Она пропагандировала идею единства белорусов, независимо от классовой принадлежности, призывала все общественные силы к осуществлению «белорусского национального идеала».

Между тем, падение царизма в России в феврале 1917 г., декларирование Временным правительством свобод (свобода слова, печати, собраний, вероисповедания) активизировали развитие белорусской печати и книгоиздания. Важную роль в деле национального возрождения стала играть в то время периодическая печать. В первую очередь это касается газеты «Вольная Беларусь», которая стала выходить в Минске с 28 мая 1917 г. как еженедельник Белорусского Национального Комитета под редакцией И. Лёсика, с июня – как орган Товарищества белорусской культуры [17, с. 240].

В целом, выявленная в программных материалах идея «Вольной Беларуси» имела романтический характер: акцентировалось внимание на культурно-просветительных и демократических традициях белорусского народа, на его приоритете в становлении светской культуры, книгопечатания, на оборонительных позициях Беларуси по отношению к империалистической политике царской России и Польши. Вместе с тем, «Вольная Беларусь» призывала к возрождению родного отечества, установлению добрососедских отношений с Россией, Польшей, Украиной и Литвой при условии признания ими национальной и культурной самостоятельности Беларуси. Газета приветствовала Февральскую революцию 1917 г., выступала за культурно-национальную и государственную автономию Беларуси в составе будущей демократической федеративной России. Лозунг «Жыве Беларусь!» стал девизом многочисленных материалов. Важное место в газете отводилось приданию белорусскому языку статуса государственного, развитию школ всех ступеней с преподаванием на белорусском языке.

Значительное место в «Вольной Беларуси» занимал литературно-художественный раздел. На ее страницах впервые была напечатана комедия Дунина-Марцинкевича «Залеты» и историко-этнографический очерк «Кто мы такие?» М. Богдановича. В газете также были опубликованы первая редакция поэмы «Сымон-музыка» и разделы из поэмы «Новая земля», драма «Антось Лата», стихотворения, рассказы из цикла «Сказки жизни» Я. Коласа и др.

Кроме «Вольной Беларуси», в Минске в 1917 г. начала выходить газета «Белорусская рада» – орган исполнительного комитета Центральной Белорусской войсковой рады [18, с. 56]. Газета отражала национально-консолидационные процессы в белорусском обществе на территории Беларуси и за ее пределами, особенно среди белорусов в войсковых формированиях бывшей царской России; стремление белорусского народа к национально-государственному самоопределению, пропагандировала свободные отношения на основе федеративного союза с другими народами советской России. Ряд публикаций «Белорусской рады» связан с протестами против разгона Всебелорусского съезда СНК Западной области и фронта. В одном из номеров отмечалось: «В Минске в ночь на 18 декабря в зале заседания, где происходил съезд представителей крестьян, рабочих и солдат Белоруссии по вопросам своего национального самоопреде-

ления и вопросах, связанных со стратегическим состоянием Белоруссии, явился вооруженный отряд солдат и, предъявив ордер Совета народных комиссаров Западной области, арестовал президиум съезда и многих его членов. И эти люди еще говорили когда-то о каком-то «самоопределении народов»! Они топчут ногами это «самоопределение» всякий раз, как только программа такого самоопределения не ими подсказана и не их целям слепо служит. Они закусили удила, они, как саврасы без узды, везде и всюду применяют один рецепт. Разогнать! Задержать! Арестовать! Препроводить!» [19, л. 46].

На страницах газеты печатались также статьи по истории и экономике Беларуси (Я. Ярушевич, А. Власов), произведения М. Богдановича, Я. Купалы, А. Гаруна, И. Дворчанина, З. Верас, З. Бедули, П. Бодуновой и др.

Одновременно с «Вольной Беларусью» и «Белорусской радой» в Витебске после Февральской революции издавалась на русском языке ежедневная частная газета «Витебский листок». Редакторами газеты являлись М. Гуревич, с 6 апреля 1917 г. И. Васильев. Много места в газете уделялось информации о военных событиях на фронтах Первой мировой войны, о внутреннем и международном положении страны, экономическом состоянии Витебской губернии.

После Февральской революции в Витебске издавался также еженедельный общественно-политический и литературный журнал либерального направления на русском языке «Витебский край». Его редактором-издателем являлся И.В. Васильев, с 20 августа 1917 г. М.Н. Гнилорыбов. Журнал приветствовал Февральскую революцию, осуждал подготовку вооруженного восстания против Временного правительства. «Витебский край» агитировал за единство всех наций, народов и классов в составе России, мирное решение социальных и национальных конфликтов. Вместе с тем, журнал призывал к возрождению национальной культуры, освещал историю Беларуси, развитие белорусского языка и литературы, отмечал этапные явления на этом пути – просветительную деятельность Ф. Скорины, творчество Ф. Богушевича, Я. Лучины, возникновение легальной печати и национального книгоиздания, рассказывал об организации белорусских музыкально-драматических кружков, творчестве Я. Купалы, М. Богдановича, З. Бядули, Т. Гартного и других. «Витебский край» опубликовал цикл статей М.В. Мелешки

под общим названием «Забытый край. Очерки Белоруссии», в которых автор вскрывал шовинистическую позицию псевдобелорусских организаций и издательств – «Белорусского общества», газеты «Белорусская жизнь», журнала «Крестьянин», состоящих из бывших чиновников, которые перекрасились в красный цвет и выступали против белорусского языка и национальной культуры [20, с. 3].

Следует отметить, что не менее широкое развитие получили периодическая печать и книгоиздательство в условиях немецкой оккупации в 1918 г.

Возрождение белорусской национальной школы, прежде всего, быстрый рост количества начальных школ позитивно повлияли на белорусское книгоиздательство. Уже весной 1918 г. в Минске было создано издательское общество «Зорянка» во главе с Павлом Алексюком. Своей целью оно ставило издание книг для начальной школы, студентов и учеников высших школ, а также для самой широкой публики. Кроме того, в Минске с 1917 г. работало издательство «Вольная Беларусь», которое в 1918 г. выпустило 5 книг. В июне 1918 г. в этом издательстве вышла «Детская хрестоматия», подготовленная Аркадием Смоlichem. В свою очередь, издательство Народного секретариата (правительство Белорусской Народной Республики) в июле-августе 1918 г. выпустило собрание драматических произведений разных авторов: литературный сборник, «Сценические произведения» Т. Гушчы, «Березка» Ш. Ядвигина, поэма «Сымон-музыка» Я. Коласа, «Первые молитвы» В. Романова и «Тарас на Парнасе» [21, с. 194.]. Вместе с тем, Народным секретариатом образования были созданы две комиссии по пересмотру и подготовке учебников для белорусских школ. Было образовано специальное бюро по составлению и переводам учебников на белорусский язык, которое в 1918 г. подготовило к печати 16 школьных учебников [22, с. 1].

Достаточно хорошо была поставлена работа по изданию школьных учебников в Вильно. Здесь необходимо отметить плодотворную работу В. Ластовского, который только в 1918 г. подготовил и издал 9 книг: «Незабудка: Первая после букваря хрестоматия», «Сеятель: Вторая после букваря хрестоматия», «Растения: учебник для школьного употребления», «Загадки», «Когда-то и сейчас: историко-общественные очерки» и др. Все эти произведения были адресованы детям, изданы на белорусском языке.

Значительных успехов в деле национального возрождения во время немецкой оккупации достигла периодическая печать. В Минске продолжала свою деятельность газета «Вольная Беларусь», однако после провозглашения независимости Белорусской Народной Республики (25.03.1918 г.) курс газеты изменился: она начала выступать за независимую демократическую Беларусь, призывала к созданию белорусских национальных военных формирований, критиковала большевистскую политику военного коммунизма. Один из лидеров Белорусской Социалистической Громады Н. Бываевский (И. Дыло) в статье «Что нас ожидает?» доказывал, «что социалистические идеалы остаются конструктивным фактором национального возрождения и несовместимы с анархией» [23, с. 3]. А. Гарун оспаривал взгляды левых социал-демократов и тех большевиков, которые доказывали, что социалистическое движение и национальное самоопределение народов несовместимы между собою. По его мнению, беспочвенными были утопические мысли о создании «коммунистического рая» на земле в безнациональном обществе.

8 марта 1918 г. в Минске вышел первый номер газеты «Беларускі шлях» – органа Минского народного представительства. Эту ежедневную общественно-политическую газету национально-демократического направления сначала редактировал П. Алексюк, а со второго номера – А. Гарун. Основной целью издания объявлялось социально-экономическое и культурное возрождение Беларуси, ее государственная самостоятельность и суверенитет.

Газета содействовала организации просветительских кружков, пропаганде белорусской культуры, развивала идею создания общенациональной белорусской школы. «Просвещение, будучи наивеличайшим начинанием всемирного развития, может быть в то же время одним из наименьших способов политики. Беларусь хорошо испытала эту истину на себе. Школы, которые находились в чужих руках, обессиливали, уничтожали нацию, не давали ей жить и развиваться. Поэтому просвещение везде и всегда белорусы должны сохранять за собой» [25, с. 1]. В газете выступали со статьями и очерками А. Прушинский, И. Живица, З. Бядуля, А. Власов, В. Голубок и др.

2 февраля 1918 г. в Минске была основана общественно-политическая и литературная газета «Белорусская земля». Официальным издателем газеты являлся Союз белорусских органи-

заций, фактически являвшийся органом Народного секретариата Беларуси. Газета печатала документы исполкома Совета Всебелорусского съезда, постановления, приказы и объявления Народного секретариата и подчиненных ему органов, различные статьи деятелей национального движения, опубликовала «Уставную грамоту к народам Беларуси», приказ № 1 исполкома Совета Всебелорусского съезда, статью А.И. Цвикевича «Лёс Беларусі» и др.

Одновременно с газетами в октябре 1918 г. в Минске начал издаваться под редакцией И. Воронки научно-исторический, литературно-общественный и экономический журнал «Варта». С ним сотрудничали такие известные белорусские политики, ученые и писатели, как Е. Карский, А. Луцкевич, М. Довнар-Запольский, З. Бедуля, С. Некрашевич, С. Рак-Михайловский, И. Луцкевич, И. Форботко, К. Езовитов, Р. Земкевич, И. Дыло, Э. Будько, П. Кричевский, А. Цвикевич, П. Тремпович, А. Павлович и др.

Таким образом, периодическая печать и книгоиздательство в сложных условиях войны сыграли важную роль в национально-культурном возрождении белорусского народа. На страницах журналов, газет и книг, издававшихся в годы войны, освещались военные события, распространялись идеи национального единства белорусов, православных и католиков, содержался призыв к возрождению белорусской культуры, пропагандировались белорусский язык и литература, освещалось историческое прошлое белорусского народа.

Использованная литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 705. – Оп.1. – Д. 27.
2. Першы месяц вайны // Наша ніва. – 1915. – 16 студзеня.
3. Купала, Я. Чвэрць года вайны / Я. Купала // Наша ніва. – 1915. – 16 студзеня.
4. Цётка. Шануйце роднае слова / Цётка // Лучынка. – 1914.- № 3.
5. Александровіч, С.Х. Пуцявіны роднага слова / С.Х. Александровіч. – Мінск. – 1971.
6. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. / рэдкал.: М. Ткачоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Беларуская энциклапедыя, 1993–2003. – 1993. – Т.1.
7. Семашкевіч, Р.М. Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецярбурзе (канец 19 – пачатак 20 стст.) / Р.М. Семашкевіч. – Мінск. – 1971.

8. БГАМЛИ. – Ф.3. – Оп.1. – Д. 99. – Статут Беларускага выдавецкага таварыства ў Вільні. Дзейнасць таварыства за 1913-1914 гг.

9. Мялешка, І. Асновы быту / І. Мялешка // Гоман. – 1916. – 14 лістапада.

10. Жылуновіч, З. Эпізод з жыцця беларускай часопісі / З. Жылуновіч // Польша. – 1923. – № 7-8.

11. Александровіч, С.Х. З гісторыі выдання беларускіх газет «Дзянніца» і «Светач» / С.Х. Александровіч // Веснік БДУ. – 1969. – № 3.

12. Да Беларускай калоніі у Петраградзе // Дзянніца. – 1916. – 27-лістапада.

13. Буйло, К. Письмо ў рэдакцыю / К. Буйло // Дзянніца. – 27 лістапада.

14. Жылуновіч, З. Яшчэ аб Беларускім універсітэце / З. Жылуновіч // Дзянніца. – 1916. – 3 снежня.

15. Станкевіч-Вайцеховіч. Да Беларускай інтэлігенцыі / Станкевіч-Вайцеховіч // Дзянніца. 31 снежня.

16. Гартны, Ц. Перадавіца / Ц. Гартны // Дзянніца. – 1916. – 31 снежня.

17. Парашкоў, С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А. Парашкоў. – Мінск. – 2003.

18. Калубовіч, Я. Крокі гісторыі / Я. Калубовіч. – Беласток; Вільня; Менск. – 1993.

19. НАРБ. – Ф.325. Оп.1. – Д.19. – Рэзалюцыя Мінскага губернскага земскага схода ад 20 мая 1918 г. па беларускаму пытанню. Газета «Беларуская рада» (орган выканкама Беларускай цэнтральнай вайскавай рады) № 1. ад 4(17) студзеня 1918 г.

20. Мялешка, М.В. Забыты край. Нарысы Беларусі / М.В. Мялешка // Витебский край. – 1917. – № 13.

21. НАРБ. – Ф.325. – Оп.1. – Д.19. – Рэзалюцыя Мінскага губернскага земскага схода ад 20 мая 1918г. па беларускаму пытанню. Газета «Беларуская рада» (орган выканкама Беларускай цэнтральнай вайскавай рады) №1 ад 4 (17) студзеня 1918 г.

22. На беларускім шляху / Беларускі шлях. – 1918. – 19 чэрвеня.

23. Перадавіца /Вольная Беларусь. – 1918. – 24 лютага.

24. На беларускім шляху / Беларускі шлях. -1918. – 13 чэрвеня.

25. Менск 12-6 / Беларускі шлях. – 1918. – 12 чэрвеня.

26. Варонка, Я. На варце / Я. Варонка // Варта. – 1918. – № 1.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Шибалко В.В., кандидат исторических наук, доцент

В конце XVIII в. произошли события, положившие начало новому этапу истории белорусского народа. После трех разделов Речи Посполитой земли Беларуси были присоединены к Российской империи. Царское правительство приступило к проведению на присоединенной территории объединительной с русскими регионами политики. Прежде всего, было проведено административно-территориальное обустройство белорусских земель по аналогии с российскими. Так, после первого раздела Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией (в соответствии с Петербургской конвенцией от 5 августа 1772 г.) в состав Российской империи вошли земли восточной части Беларуси – Мстиславское, Витебское, Инфлянское воеводства и часть Минского (до Днепра). Здесь были созданы Могилевская губерния, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская провинции. Полоцкая провинция включена в состав Псковской губернии. Создано Белорусское генерал-губернаторство, существовавшее до 1856 г. с центром в г. Могилеве, с 1796 г. – г. Витебске.

По второму разделу Речи Посполитой, произведенному по Петербургской конвенции от 23 января 1793 г., в состав Российской империи была включена центральная часть Беларуси. 3 апреля 1793 г. создана Минская губерния (существовала до 1921 г.). В 1794 г. образовано Литовское генерал-губернаторство (с 1830 г. называлось Виленским, с 1843 г. – Виленским, Гродненским и Ковенским), в состав которого входила большая часть Беларуси. Генерал-губернаторство существовало до 1912 г., сначала центром его был г. Гродно, затем – г. Вильно.

В соответствии с третьим разделом Речи Посполитой, произведенным согласно Петербургской конвенции от 24 октября 1795 г., в состав России вошла западная часть Беларуси.

25 ноября 1795 г. король Польши и Великий князь Великого княжества Литовского Станислав Август Понятовский отрекся от престола в пользу Российской императрицы Екатерины II. Речь Посполитая прекратила свое государственное существование.

В последующее время царское правительство неоднократно кроило и перекраивало территорию Беларуси. 25 октября 1795 г. созданы Слонимская и Виленская губернии (существовали до 1920 г.). 23 декабря 1796 г. создана Белорусская губерния (существовала до 1802 г.). 21 сентября 1801 г. учреждена Гродненская губерния (существовала до 1921 г.). В результате раздела Белорусской губернии 13 марта 1802 г. образованы Витебская и Могилевская губернии. 15 сентября 1823 г. создано Смоленское генерал-губернаторство (существовало до 1836 г.), а 8 апреля 1831 г. учреждено Минское генерал-губернаторство (действовало до 1834 г.). Наконец, в 1839 г. царем Николаем I введено общее для всех пяти губерний (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской, учрежденных еще Александром I в 1801 г.) название «Северо-Западный край Российской империи». [1, с. 138, 142, 145, 146, 148, 154, 156].

На присоединенной территории Беларуси действовали общероссийские административные органы и учреждения. Магдебургское право отменялось, а на города, которые его имели, распространились правила российского управления в соответствии с «жалованной грамотой городам» от 21 апреля 1785 г. В крае начали действовать наместнические, а после губернские управления, городские магистраты, российские судебные органы. По российскому образцу образованы две новые палаты: гражданского и уголовного судов.

С присоединением к России начался новый этап и в социально-экономическом развитии белорусских земель. Экономика Беларуси была втянута в общероссийскую хозяйственную систему и стала ее составной частью. Принимались меры, содействовавшие экономическому развитию региона: ликвидация внутренних таможенных пошлин, введение российских мер веса, денежной системы, снижение на первых порах налогового бремени и трудовых повинностей крестьян. Все эти и другие мероприятия положительно сказались на оживлении экономической жизни белорусского региона, явились мощным импульсом для развития товарно-денежных отношений, сельского хозяйства, роста городов, мануфактурного, фабрично-заводского производства, активизации торговли, и, в конечном счете, складывания внутреннего национального рынка, ломки феодальных и зарождения капиталистических отношений.

Ведущую отрасль экономики составляло сельское хозяйство. В нем было занято абсолютное большинство населения, где основной производительной силой являлось крестьянство. Крестьяне составляли в первое десятилетие после присоединения 93,5% населения Беларуси, 87% из них принадлежали помещикам, 7,5% – казне (государству), 3,5% – духовенству и незначительная часть относилась к свободным – всего 2% [2, с. 276]. Свыше 70% помещичьих крестьян отбывали барщину. В течение первой половины XIX в. ее объем возрос в 1,5 – 2 раза по сравнению с 1797 г., когда размер панщины ограничивался тремя днями в декаду [3, с. 268]. В 1850-х гг. наиболее распространенной формой барщины стала еженедельная работа на помещика в течение 4 – 6 дней с крестьянского хозяйства [4, с. 217]. Увеличились нормы толок, других работ, участилось проведение гвалтов. Сохранялись повинности по обслуживанию барских дворов, заготовке дров, уборке скотных дворов, ночной охране, подводная повинность, натуральный оброк и др. Многие помещики отдавали своих крестьян по контракту подрядчикам на строительные и дорожные работы, часто в другие губернии России. Плата за их работу доставалась обычно помещику. Крестьяне также несли различные повинности в пользу государства: платили подушный налог, земский сбор, осуществляли перевозку грузов, обеспечивали военный постоя и др. Новой обязанностью для белорусов стала рекрутская повинность [4, с. 217].

Беларусь была одним из регионов России, где условия крепостничества оставались наиболее тяжелыми. В конце 50-х гг. XIX в. в пяти северо-западных губерниях 54% от общего количества населения были крепостными, в то время, как средний процент крепостных по 51 губернии европейской России составлял 37,5%.

Преобладающей формой феодальной ренты во второй половине XIX в. оставалась барщина. 94,1% помещичьих крестьян работали на хозяев, 2,7% платили оброк и 3,2% составляли дворовые [5, с. 49].

Основным видом хозяйственной деятельности сельского населения было земледелие. Выращивались рожь, овес, ячмень, картофель, лен, сахарная свекла. Все это обеспечивало рост товарности помещичьих хозяйств. В 30-40-е гг. XIX в. до 80% их доходов составляла продажа продукции сельскохозяйственного производства, главным образом, зерна, водки и спирта [4, с. 216].

В погоне за доходностью своих хозяйств помещики расширяли запашку новых площадей, в том числе и за счет крестьянских угодий. В результате площади помещичьих земель возрастали, а крестьянских уменьшались. Так, если в последней четверти XVIII в. фольварки занимали 7–15% общего количества земель, то в 1861 г. во владении помещиков находилось уже 73,4% сельскохозяйственных угодий [3, с. 267]. Многие помещики проводили мелиорацию неудобных земель, вводили четырехпольные севообороты, расширяли посевы технических культур, стали использовать молотилки и сеялки, открывать сахароваренные, винокуренные, смолокурные и другие промышленные предприятия, используя практически бесплатное сырье и дешевую рабочую силу крепостных крестьян. Этот рост товарности помещичьих хозяйств, как правило, достигался за счет усиления эксплуатации крепостных, что, в свою очередь, обусловило обнищание крестьянских семей. В поисках средств к существованию сельская беднота была вынуждена заниматься промыслами, извозом, отходничеством на разные работы: на строительство дорог, мостов, лесосплав, лесозаготовки, перегрузочные пункты, пристани. Только на судоходных реках Беларуси в 40 – 50-е годы XIX в. ежегодно работали 70–80 тыс. человек. На строительстве Днепровско-Бугского канала в 1843 г. было занято 122628 человек [6, с. 217]. Отходничество играло важную роль в изменении культурно-бытового уклада крестьянства. Разрушались вековые устои, замкнутость и изолированность села. Все это приводило к углублению кризиса феодально-крепостнических устоев и зарождению капиталистических отношений. В крестьянской среде происходила имущественно-социальная дифференциация. Формировались группы зажиточных хозяйств и бедноты (бобылей, кутников, халупников, огородников).

Помещичьи хозяйства все больше втягивались в товарно-денежные отношения с промышленным производством, центрами которого становились города и местечки. Городская промышленность в начале XIX в. находилась в стадии мелкотоварного ремесленного производства. К 40 – 50-м гг. XIX в. усилился процесс перерастания мелких ремесленных производств в предприятия мануфактурного типа, которые являлись промежуточным звеном между мелкими предприятиями и фабрично-заводским производством. Действовали вотчинные мануфактуры, основанные на принудительном

труде крепостных крестьян, и мануфактуры капиталистического типа с использованием вольнонаемных рабочих. В начале XIX в. в Беларуси насчитывалось 53 вотчинных мануфактур [7, с. 36]. Заметен рост мануфактур капиталистического типа, которых в первой четверти XIX в. было 726 с количеством рабочих 2215 чел., а во второй – 1603 (6134 рабочих). Всего же в Беларуси к началу 1860-х гг. действовали 4024 предприятия (мелкое ремесленное производство, мануфактуры, фабрики, заводы), на которых работали 17259 человек [8, с. 55, 57, 67, 97]. Накануне реформы 1861 г. на капиталистических предприятиях вырабатывалось 48% всей продукции [9, с. 234]. В 1860 г. товары капиталистических предприятий преобладали в сахарном (62%), пивоваренном (78%), лесобработывающем (73%), кожевенном (83%), металлообработывающем (56%), кафельно-гончарном (89%), кирпичном (95%) производствах [8, с. 210].

Развитие промышленности, повышение товарности сельского хозяйства в первой половине XIX в. обусловили рост городов и торговли. С конца XVIII в. по 60-е годы XIX в. население 42 белорусских городов возросло почти в 4 раза (с 92,5 тыс. в 1796 г. до 285 тыс. в 1858 г.), а удельный вес горожан в общей численности населения увеличился с 3,5% до 8,4% [10, с. 58]. Этот рост был обусловлен притоком сельского населения в города из-за кризиса феодальных отношений, переселения евреев, которым, согласно ряду указов царского правительства, было запрещено проживать в сельской местности. В итоге еврейское население значительно преобладало среди горожан. На рост численности горожан повлияло также значительное увеличение административного аппарата. С конца XVIII в. до начала 60-х гг. XIX в. количество чиновников увеличилось в 7 раз (с 1,9 до 13,5 тыс. чел.), а их удельный вес среди горожан – с 1,5 до 5,2%. За это время с 2,8 до 8,4% увеличился удельный вес военнослужащих, а их количество в 7,8 раза (с 2,8 до 21,8 тыс. чел.) [10, с. 59].

В 1861 г. $\frac{3}{4}$ населения городов составляли мещане, в основном ремесленники, торговцы и земледельцы, до 7% – дворяне, около 3% – гильдейские купцы [4, с. 223]. Значительная часть населения проживала в местечках (их по состоянию на 1856 г. было 520), которые являлись торгово-ремесленными центрами и играли значительную роль в развитии рыночных отношений между городом и селом, втягивая в товарно-денежные отношения сельских жителей [11, с. 201].

Расширение товарно-денежных отношений привело к развитию внутренней и внешней торговли. Основную роль во внутриторговом обороте играли ярмарки, торги, ежегодные рынки. Ярмарочная торговля существовала во всех белорусских городах и значительной части местечек. Крупнейшим ее центром во всем Северо-Западном крае России была ярмарка в Зельве Волковысского уезда Гродненской губернии. В Зельвенских ярмарках в 1857 – 1859 гг. приняли участие купцы из 20 губерний России, которые доставили товаров на сумму 2038865 рублей [12, с. 49].

Расширение рыночных связей порождало изменения в формах торговли. Все больше развивалась магазинная торговля. В 1833 г. в белорусских городах насчитывалось 2913 магазинов, до 1856 г. их количество выросло до 4555 [12, с. 52]. Самым крупным торговым центром стал Минск. Количество магазинов в нем увеличилось за 1800 – 1861 гг. с 124 до 594 [13, с. 203].

Наибольшее развитие получила внешняя торговля. Например, в белорусских уездах Гродненской губернии в 1829 г. внешняя торговля превышала внутреннюю на 54%. Импорт превышал экспорт на 76%. Также значительным был удельный вес внешней торговли на Витебщине и Могилевщине [9, с. 235]. Из Беларуси на внешние рынки вывозились мануфактурно-фабричные изделия, стеклянная посуда, бумага, мыло, пенька, спирт, водка и др. Ввозились пряжа, ткани, продовольственные товары, фабричное оборудование и др.

Развитие торгово-хозяйственных связей во многом зависело от состояния транспортных путей сообщений. В Беларуси имела широкая сеть водных путей, судоходных и сплавных рек, по которым интенсивно осуществлялись пассажирские и грузовые перевозки.

В 1840 – 1850 гг. были построены Московско-Варшавское шоссе, Петербургско-Киевская и Московско-Рижская дороги, которые пролегали через Беларусь. Увеличилось количество почтовых дорог до уездных центров, улучшалось состояние существующих водных артерий (Агинского и Березинского каналов). В 1840 г. завершилось строительство Днепровско-Бугского канала. Такое развитие путей сообщений разрывало замкнутость регионов и способствовало укреплению хозяйственных связей между ними.

В тесной связи с социально-экономическими процессами находился и демографический фактор. В результате разделов Речи По-

сполитой к России были присоединены белорусские земли с населением около 3-х млн. человек. При этом следует заметить, что различные источники дают разные цифры количества жителей присоединенной территории. Так, в 4-м томе шеститомной «Гісторыі Беларусі» приводятся следующие данные о количестве населения Беларуси: по состоянию на 1796 г. – 2 млн. 636 тыс. жителей, по итогам 6-й ревизии (1811 г.) в Беларуси проживало 2 млн. 981 тыс. человек [10, с. 58], а в книге «Беларусь на мяжы тысячагоддзяў» указывается на то же время 3 млн. 8 тыс. человек. Там же приводятся сведения, что в 1858 г. (10 ревизия) в Беларуси проживало 4,2 млн. человек [14, с. 242]. Примерное число (4 млн. 410,8 тыс. чел.) проживающих на территории пяти губерний Северо-Западного края России в конце 50-х гг. XIX в. приводит исследователь А. Тройницкий в своей работе «Крепостное население России по 10 народной переписи». Другая же цифра называется в упомянутой выше «Гісторыі Беларусі», где число жителей на то же время указывается в количестве 3 млн. 398 тыс. человек [10, с. 58]. Подобные данные приводятся другими авторами, в том числе и в учебниках по истории Беларуси. Такое расхождение цифр объясняется отсутствием точных исходных данных относительно количества населения конца XVIII в. Нельзя сказать, что в России вообще не велся учет населения. С 1719 по 1858 гг. было проведено 10 ревизий (переписей). Беларусь охватили шесть последних: с 5-й (1796 г.) по 10-ю (1858 г.). Однако ревизии учитывали не всех жителей, а только тех, кто подлежал налогообложению. Эти переписи носили фискальный характер и не могли быть достоверными, так как многие жители (особенно мещане) уклонялись от переписи, помещики скрывали точное число ревизских душ, имелись пропуски в именных списках из-за невнимательности или небрежности переписчиков.

Единым мнением всех исследователей является то, что демографические процессы носили волнообразный характер. Так, согласно данным 6-й ревизии (1811 г.) количество населения Беларуси возросло за период после 5-й ревизии (1796 г.) на 345 тыс. человек. Франко-русская война 1812 г. вызвала затяжной демографический кризис. К 1815 г. (7 ревизии) общее число жителей в сравнении с предвоенным годом уменьшилось на 72 тыс. человек. Всего с 1815 г. по 1833 г. (8 ревизия) население сократилось на 83 тыс. человек. (2,8%). После относительной стабилизации экономики в

1830-1840 гг. прослеживается и рост численности населения. С 1833 г. по 1851 г. (9 ревизия) оно увеличилось на 653 тыс. человек. (23,1%). 1850-е гг. характеризуются новой волной сокращения числа жителей Беларуси на 81 тыс. человек. В целом, за период с 5-й по 10-ю (1858 г.) ревизию население Беларуси увеличилось незначительно. Такая сложная демографическая ситуация объясняется низким натуральным приростом, вызванным затяжным экономическим кризисом, войной 1812 г., частыми неурожаями, голодом, эпидемическими болезнями, отсутствием надлежащей медицинской помощи, увеличением феодально-крепостнических повинностей крестьянства – основной демографической группы и, наконец, репрессиями против участников восстания 1830 – 1831 гг.

Социальная структура населения Беларуси носила социально-сословный характер. Российское феодальное общество делилось на четыре сословия: дворяне, духовенство, городские и сельские обыватели. Внутри каждого сословия были особые группы, которые отличались правовым и имущественным статусом.

В начале XIX в. социальная структура белорусского населения характеризовалась следующим образом: свыше 50% (около 2 млн. 530 тыс. человек) относилось к батракам и деревенской бедноте, 30% (более 1 млн. 514 тыс. человек) – к среднему крестьянству, около 20% (1 млн. 13 тыс. человек) – к помещикам, аграрной буржуазии, шляхте, дворянству, купечеству. Торгово-промышленное население делилось на владельцев промышленных предприятий, торговцев (около 20 тыс. человек.), рабочих и ремесленников (вместе с семьями 200 тыс. человек.). Около 80% белорусского населения составляли пролетариат, полупролетариат и беднейшая часть белорусской деревни, а почти 20% принадлежало к зажиточным слоям. Значительную прослойку в рядах имущих слоев населения занимала аграрная буржуазия (из 650 тыс. крестьянских дворов 71 тыс. были зажиточными, т.е. около 11% всех хозяйств). По экономическому положению к сельской буржуазии близко примыкали фольварковая и застенковая шляхта [15, с. 24].

Неоднородным по структуре было и сословие «городских обывателей». Количество мещан в конце XVIII в. составляло 78,9 тыс. человек – около 80% всех горожан. До 30-х гг. XIX в. оно почти удвоилось – 154,6 тыс. человек, до 82,2% возрос его удельный вес. В конце 50-х гг. XIX в. мещан в белорусских городах насчитывалось

196,8 тыс. чел., однако их доля снизилась до 75,2%, что было вызвано увеличением удельного веса других групп населения: ремесленников, мануфактурно-фабричных и заводских рабочих, промышленников, купцов, чиновничества и др. В ряде городов мещане составляли от 80 до 90% населения. [16, с. 61, 62].

Городские сословия дифференцировались по имущественному признаку. Например, деление купечества на гильдии происходило в соответствии с наличием капиталов. Согласно данным 9-й ревизии, в 1851 г. в пяти западных губерниях насчитывалось 6053 гильдейских купцов, из них 209 человек – первой, 189 человек – второй и 5655 человек – третьей гильдии. В 1861 г. количество купцов, которые объявили свой капитал, в крае увеличилось до 6988 человек [10, с. 63, 64].

Привилегированным сословием было дворянство. В последние годы существования Речи Посполитой удельный вес шляхты составлял около 10–12% всего населения. Так называемый «разбор шляхты» и перевод подтвердивших документально свое шляхетское происхождение в дворянское сословие привел к численному увеличению дворян с 137,5 тыс. человек в 1796 г. до 196,7 тыс. человек в 1816 г. Его внутренняя структура определялась значительной дифференциацией. В начале XIX в. только 5–6% крупных и средних дворян владели землей и крепостными, абсолютное большинство сословия (95%) представляло собой мелкую безземельную шляхту [17, с. 16, 17]. Часть дворян попало в ряды промышленников-предпринимателей, часть в состав офицерского корпуса, чиновничества, интеллигенции. Деклассированное дворянство пополняло ряды вольнонаемных работников, иногда крестьян, нанималось на службу к магнатам. Все это приводило к уменьшению его численности, к 1851 г. до 2,7% от числа всего населения [18, с. 32].

Другим привилегированным сословием было духовенство. В конце XVIII в. оно составляло примерно 1,0% населения. Большинство в его структуре составляло униатское духовенство (70%), второе по количеству место занимало католическое (около 15%), православное – 6%, иудеи – 7%, протестанты и др. – 2%. Таким образом, униатское и католическое духовенство находилось в большинстве – 85% [19, с. 20]. После отмены унии в 1839 г. большинство в структуре духовенства заняло православное. В 1858 г. оно составило 83,3%, католическое – 11%, иудеи – 5%, протестанты –

0,3% [10, с. 63]. Наряду с изменениями в составе духовенства происходили и изменения в этноконфессиональном определении населения. Если в конце XVIII в. на землях бывшего Великого княжества Литовского насчитывалось примерно 39% униатов, 38% православных, 4% староверов, 1,6% протестантов, то в 1858 – 1859 гг. 58,1% населения пяти западных губерний приняли православную веру, 29,9% – католическую, 9,8% – иудейскую, 0,4% – протестантскую. Каждая из перечисленных конфессий включала представителей разных этнических групп: белорусов, поляков, украинцев, латышей, русских, литовцев и др. Например, из 2 млн. 790 тыс. белорусов или 69,7% всего населения края 2 млн. 345,9 тыс. человек признавали православную веру и 444,1 тыс. человек – католическую [20, с. 146].

Национальная идентификация зачастую определялась конфессиональным аспектом, иногда территорией рождения или проживания человека. Так, в отношении Речи Посполитой употреблялось название «Польша», а жителей ее территории называли «поляками». Население Великого княжества Литовского считалось «литовским». «Литовцами» называли жителей «Литвы», к которой относили территорию Минщины, Виленщины и Гроденщины. В некоторых местностях названных территорий по религиозному критерию католиков и униатов называли «литвинами» или же «поляками», а православных и староверов – «русскими». Название «белорусь» было распространено на Витебщине, Могилевщине и Смоленщине. Существовали и региональные названия. Жители Полесья именовали себя «полешуками» или «полесьянами», существовали местные названия типа «пинчуки», «зарачане», «мозыряне» и т. д. В Слуцком уезде жители нескольких деревень называли себя «чернорусами». Крестьяне к национальному самоопределению большей частью относились безразлично, часто называя себя «тутэйшымі» или «мужиками», скептически относясь к попыткам определения их как русских или белорусов [10, с. 73, 74, 19, 32].

Еще в более запутанном состоянии находилось этническое самоопределение белорусской шляхты и интеллигенции. Как свидетельствуют исследования по этнографии и истории Беларуси, часть шляхты, большинство помещичьего дворянства, 92% которого были католиками, называли себя поляками, а православные – русскими, хотя они были белорусами по происхождению [19, с. 32]. Все это

являлось мощным сдерживающим фактором на пути национальной консолидации белорусского этноса, формирования национального самосознания. Такому положению дел в национальном самоопределении белорусского народа содействовала царская администрация.

В первые три десятилетия после инкорпорации белорусских земель правительство России терпимо относилось к польскому культурно-политическому влиянию на территории Беларуси. Однако уже в 1830-е гг., особенно после восстания 1830 – 1831 гг., национальная политика царской администрации в Беларуси резко изменилась. Был образован специальный комитет по делам западных губерний, главной целью которого было усиление русского влияния в них. Был закрыт Виленский университет, отменено действие Статута 1588 г., Полоцкий церковный собор в 1839 г. объявил «воссоединение» униатов с православной церковью. Стала распространяться так называемая теория «западнорусизма», согласно которой белорусы считались не самостоятельным этносом, а ответвлением русского народа. Этнографические особенности, отличающие белорусов от русских, объяснялись польским влиянием. Комитет проводил политику по русификации Беларуси (эта политика проводилась в области управления, суда, просвещения, культуры). В губернские и местные административные органы назначались русские чиновники. Государственное делопроизводство, преподавание в учебных заведениях велось только на русском языке. Консолидацию белорусов в нацию сдерживало и то обстоятельство, что они не имели своей государственности, своей национально-ориентированной буржуазии и рабочего класса. Тем не менее, с развитием капитализма шел постепенный процесс формирования белорусской нации. Ее становление формировалось на этнической и социальной основе, характерной для предшествующей феодальной эпохи. Процесс формирования белорусской нации был длительным, относительно медленным и противоречивым. Он занял период с конца XVIII в. и продолжался в XX в.

Социально-экономические процессы, протекавшие в белорусских губерниях в конце XVIII – первой половине XIX вв., свидетельствуют о разложении феодально-крепостнического строя и зарождении в его недрах новых буржуазных отношений. Крепостное право сдерживало переход Беларуси к индустриальному этапу развития и привело в 1840-е – 1850-е гг. к глубокому аграрно-промыш-

ленному кризису. Задачи как преодоления кризиса, так и дальнейшего социально-экономического развития белорусских земель более успешно решались во второй половине XIX в. после отмены в 1861 г. крепостного права.

Использованная литература

1. Иллюстрированная хронология истории Беларуси: с древности и до наших дней (Ред. кол. Г.П. Пашков и др., 2-е изд., доп. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2000 – 448 с.

2. Гісторыя сялянства Беларусі: у 3-х т. – Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Анішчанка Я.К., Галенчанка Г.Я., Голубеў В.Ф. [і інш.]; пад рэд. В.І. Мясешкі [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 1997 – 431 с.

3. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. Ч 1. М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў [і інш.] – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.

4. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: Учеб. пособие для вузов / П.Г. Чигринов. – Минск: Выш. шк., 2000. – 461 с.

5. Тройницкий, А. Крепостное население России по 10-й народной переписи / А. Тройницкий. – СПб, 1861. – 168 с.

6. Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. Т. 4. / В.К. Бандарчык, В.М. Бялявіна, Г.І. Каспяровіч [і інш.]; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 433 с.

7. Гісторыя Беларусі ў табліцах і схемах. Са старытных часоў да сучаснасці / Уклад. Л.М. Нагорная, А.В. Цімашэй. – Мінск: ТАА «Юніпрэс», 1999. – 144 с.

8. Болбас, М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795 – 1861) / М.Ф. Болбас. – Минск: «Наука и техника», 1966. – 268 с.

9. Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветных цывілізацый). Вучэб. дапаможнік / В.І. Галубовіч, З.В. Шыбека, Д.М. Чарнасаў [і інш.]; пад рэд. В.І. Галубовіча і Ю.М. Бохана. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 584 с.

10. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 200–2005. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – Мінск.; Экаперспектыва, 2005. – 519 с.

11. Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. – СПб, 1858. – 300 с.

12. Карнейчык, Е.І. Беларуская нацыя / Е.І Карнейчык. – Мінск: «Навука і тэхніка», 1969. – 309 с.

13. Гісторыя Мінска / У.М. Жук, Г.К. Паплаўскі / пад рэд. чл.-кар. НАН У.А. Бабкова. – Мінск, Беларуская Энцыклапедыя, 2006. – 696 с.

14. Пірожнік, І.І. Насельніцтва Беларусі і дэмаграфічныя працэсы / І.І. Пірожнік // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2000. – 432 с.

15. Сташкевіч, Н.С. Исторический путь Беларуси / Н.С. Сташкевич. – Минск: БГУ, 1993. – 35 с.

16. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М. Лютый. – Минск, 1996. – 286 с.

17. Тумилович, Г.Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. / Г.Н. Тумилович // Автореферат дис. канд. ист. наук. – Минск., 1995. – 30 с.

18. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие Белоруссии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (к проблеме генезиса капитализма) / А.М. Лютый // Автореферат дис, ... д-ра ист. наук. – Минск, 1990. – 37 с.

19. Марцуль, Г.С., Сташкевіч, М.С. Гісторыя Беларусі. Насельніцтва, фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў, беларускае замежжа / Г.С. Марцуль, М.С. Сташкевіч. – Мінск, 1997. – 476 с.

Научное издание

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ СОТРУДНИКОВ
КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА»**

Подписано в печать 12.02.2014. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 12,03. Уч.-изд. л. 9,41. Тираж 100. Заказ 954.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет. ЛИ № 02330/0494349 от 16.03.2009. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.